

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЯЙЦО ГЛАКА

ЯЙЦО ГЛАКА

Перевод с английского
Кира Булычева и Киры Сошинской

БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ရောဝတီ

**БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ရန်ကုန်
ဧရာဝတီ
၂၀၂၀

ЯЙЦО ГЛАКА

Лигон
Кангем
2020

УДК 82
ББК 84(0)6
Я42

Составитель
Кир Булычев

Перевод с английского
И. Можейко, К. Сошинской

В оформлении обложки
использован рисунок
G. Wilson

Я42 Яйцо глака: Сборник юмористической фантастики / Пер. с англ. И. Можейко, К. Сошинской; сост. К. Булычев. — Лигон: Лигонское государственное книжное издательство «Кангем». Отдел литературы на иностранных языках, 2020. — 327, [1] с.: ил. — (Библиотека юмористической фантастики).

LSBN 0016-1981-04

В сборник юмористических произведений английских и американских писателей вошли фантастические повести и рассказы, переведенные Игорем Всеволодовичем Можейко (Кир Булычев) и Кирой Алексеевной Сошинской.

УДК 82
ББК 84(0)6

LSBN 0016-1981-04

© Можейко И.В., перевод, 2002
© Сошинская К.А., перевод, 2002
© Издательство «Кангем», 2020

Харви Джекобс ЯЙЦО ГЛАКА

*Памяти доктора Дэвида Хикхофа.
Да покоится он в мире,
если не нашлось места получше.*

Тело его подобно дыне. Голова невелика, зато нижняя челюсть массивна. Рот обрамлен влажными пурпурными губами. Дышит тяжело. Короткие руки и ноги. Забавная машина — ухаёт и пыхтит, подобно тягачу, обычно таскающему прицеп, но порой гоняющему порожняком. Тягачи пожирают мазут. Хикхоф — раб жратвы. Всю жизнь заправляется, а сквозь выхлопную трубу выбрасывает газы. Я его любил. Мне его не хватает.

— Дружище, — произнес он однажды своим густым, с одышкой голосом, когда кончил чесаться и вздыхать, глядя на опустевший кофейный столик. — Ты слишком молод, чтобы понять, какие муки причиняют человеку его гениталии.

Затем он ткнул пальцем себе в пузо и завершил фразу:

— А мне ни разу не довелось увидеть собственные гениталии за последние сорок лет.

...Мы беседовали о жизни и поэзии. В те дни я писал стихи. Он читал все, написанное мною, и порой переводил мои вирши на старо-английский. Он меня критиковал. Он верил в меня. Он меня подбадривал.

Я писал о жизни, отваге, смысле существования, о времени и смерти. Эти темы волновали страстный ум Хикхофа. Он и сам был романтиком. Он пытался объять своей любовью весь Рай, Адама, Еву, Змея, Бога, архангела Гавриила, — а все остальное чепуха!

В своем воображении он выступал в рыцарском шлеме с острым мечом в длани. Он верил, что битвы должны

быть кровавыми, а встречи нежными. В его мозгу переплетались смерть и лобзания.

Наши вечера были радостью для меня и, надеюсь, для него тоже. Он признавался, что я заменил ему сына. Но для меня Хикхоф был лучше родного отца. Я рад был бы продлить это счастье на сотни лет. Но, как всегда бывает, судьба выдернула из-под моих ног ковер, на котором я так прочно стоял.

Однажды ночью, когда зима заперла нас в домах, мне позвонили. Я еще не спал, но уже начал задремывать, и мои первые сновидения были подобны снежным вихрям. Телефон стрекотал, как нахальный кузнечик, и я попытался его прихлопнуть. В конце концов он победил. Мне пришлось идти к нему босиком по промерзшей комнате. Я знал, что пришла беда.

— Да, я слушаю... Ну, говорите же!

— Это Гарольд Норт? Вы у телефона?

— Я у телефона.

— Вас беспокоит мисс Линквер из клиники Пастыря Сочувственного Сердца. На улице Кипмана.

— Слушаю вас.

— Наш пациент, доктор Хикхоф... Он просит вас...

Ночь была хрупкой от мороза. Лед сверкал, как глянец на фотографии. Сквозь канализационные решетки на мостовой пробивался пар. Улицу заволокло морозным туманом. Приятно было услышать, что машина завелась — я представил себе, как искрят свечи.

На часах в машине было три часа ночи. Я всегда ставлю часы на сорок пять минут вперед.

Эта глупость рождена страхом перед неожиданностями. Если грянет катастрофа, у меня будет почти час, чтобы вернуться домой и собрать вещи.

Они разрешили мне пройти к нему.

Он был в критическом состоянии и показался мне белым холмом посреди белой койки. Над ним склонилась сестра.

Он терял сознание. Слова вываливались из его рта кучками и таяли, как конфеты, забытые на солнце. Они дали ему кислород. Он поглощал его галлонами.

Я заплакал.

Сестра отрицательно покачала головой. Она уже вынесла свой приговор. Надежды не оставалось. Если не считать искорки света в конце туннеля, которая никогда не гаснет. Он перенес обширный инсульт. Вулканическая лава хлынула в его кровеносную систему и заполнила ее черным пеплом.

Сестра вручила мне два письма.

На конвертах было написано: «ПЕРВОЕ» и «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ». Я положил письма в карман и остался у его постели.

Я слышал, как свистнул пятичасовой поезд. Хикхоф тоже его услышал. Как сигнал. Он открыл глаза, сорвал кислородную маску, ударом кулака отбросил от себя сестру, сел, увидел меня и произнес:

— Тронь... тронь...

Я обнял его голову и прижал к груди. Круглая голова была подобна баскетбольному мячу с испуганными глазами.

— Я еще напишу толстые книги, — сказал он.

И тут глаза его закатились.

Хикхоф умер.

Белую комнату заполнила его улетающая душа. Она забрала с собой рыцарский шлем, острый меч и все остальное.

Окно было чуть приоткрыто, но душа умудрилась протиснуться в щель и вылететь на мороз.

После удачно прошедших похорон тело Хикхофа кремировали.

В завещании Хикхоф просил рассеять свой прах по всем пепельницам нашего университета. Ничего они не рассеяли, а собрали его в серебряную урну и послали семье.

Лучше всего было бы использовать его прах как удобрение для дуба или иного дерева с тяжелой развесистой кроной и сильными узловатыми корнями, на стволе которого могли бы вырезать свои имена студенты, а на ветвях удержались бы тонны снега.

После похорон я скрылся от людей.

Мне нужно было время, чтобы подумать о друге и прервать его из человека в память о человеке.

Его было так легко запомнить! Я не только видел и слышал его, но чувствовал, как вибрирует его дух.

Когда я убедился в том, что он навечно врезан в мою память, я прочел письмо с надписью «ПЕРВОЕ». Конечно, был соблазн начать с письма «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ», а уж потом приняться за «ПЕРВОЕ», так как я заподозрил Хикхофа в розыгрыше. Потом я сдержался — вряд ли он стал бы шутить перед лицом смерти. Нет, он пошел по очевидному пути, потому что любая очевидность очищается смертью.

«Дорогой Гарольд!

Когда ты будешь читать эти строчки, я уже умру, что кажется нелепым. Но учти, я хотел бы с тобой повидаться на том свете. Тогда я продолжу заниматься образованием твоей души. А если существует вечность, то я воспользуюсь ею в своих низменных интересах.

Пока что я прошу тебя об одолжении. Разумеется, моя просьба глупа и потребует от тебя немалых усилий. Со своей стороны, у тебя остается право отказать мне, более того, я бы посоветовал тебе поступить именно так.

В благородном местечке под названием Кучка-на-Гудзо-не обитает леди, которая владеет магазином “Тудельвилль”. Эта дама, представляющая собой смесь эстрогенов, скопидомства и нежности к животным, оказалась владелицей удивительной находки. А именно: яйца глака.

Уже несколько лет никто не видел ни одного яйца глака. Возможно, это яйцо — последнее в мире.

Яйцо привез ей родственник, служивший на радарной станции на Лабрадоре. Я увидел яйцо в ее лавке, когда зашел туда, намереваясь купить попугая. К счастью, яйцо лежало у самого радиатора центрального отопления.

Гарольд, я убежден, что яйцо таит в себе живого зародыша.

С тех пор я платил этой даме, чтобы она не забывала подогревать яйцо. Как известно, яйцо глака высиживает

ется семь лет и четыре дня. Я обратился за советом к покойному доктору Наглю с факультета антропологии. Он определил дату появления птенца — середина апреля будущего года.

Гарольд, как известно, глаки вымерли.

Ты можешь себе представить важность этой информации! (Учти, сейчас ты увидел первый восклицательный знак, который я поставил в своем тексте с того момента, когда умер кайзер Вильгельм.)

Я не думаю, что со мной что-нибудь случится до того дня. Я еще никогда не чувствовал себя хуже, что несомненно знак отличного здоровья. Но если меня прихлопнет летающий канализационный люк или замерзший кал с пролетающего самолета и на тебя свалится немыслимая задача вскрыть и прочесть это письмо, я прошу тебя сделать следующее:

1. Отправляйся в Верхнештатский банк. Там ты обнаружишь счет на наше с тобой имя, на котором лежит пять тысяч долларов.

2. Отыщи даму в Кучке-на-Гудзоне, имя которой мисс Муниш. Заплати ей согласно нашей договоренности две тысячи пятсот долларов за содержание яйца.

3. Забери яйцо, оберни его и держи в теплом месте до апрельских ид. Затем ты должен будешь отвезти его в единственное место, где водились глаки, — а именно, на северный Лабрадор.

4. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Хотя сам доктор Нагль с антропологического факультета благополучно скончался, у меня есть основания полагать, что он успел сообщить сыну о моей находке. К тому же я убежден, судя по дрожи в правом ухе доктора Нагля, что старик сходил с ума от тщеславия и представлял себе, как опубликует статью в “Американском исследователе” под названием “Глак Нагля”. Тебе известно, что антропологи не останавливаются ни перед чем ради удовлетворения своих амбиций. А об их сыновьях и говорить не приходится. У меня дурные предчувствия, Гарольд. Бойся младшего Нагля.

5. Ввиду реальной угрозы со стороны Наблей, я прошу тебя действовать тайно и осторожно.

Гарольд, мое эрзац-дитя, я понимаю, что просьба моя тебе покажется странной. Поэтому хорошенько подумай, прежде чем браться за исполнение завещания старого дурака. И если ты не чувствуешь в себе сил и желания помочь мне, забудь обо всем.

Возьми в банке мои деньги и промотай их в свое удовольствие. Мои письма отправь в мусорную корзину. Выпей шампузы и спой псалом "Ты все ближе к Богу". Разбей бокал и плыви дальше. Делай, что тебе заблагорассудится.

Гарольд, я уже немало написал, а мне еще предстоит писать "ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ", которое ты вскроешь, только если случится чудо и из яйца вылупится здоровый птенец глака. По телу моему прошла дрожь. Такое ощущение, что я сожрал фунт нутряного сала. Мысли о смерти наполняют меня грустью, всепоглощающей грустью.

Прощай, мой милый Гарольд. И пусть твой покой берегут тени, которые топают по ночам.

*От всей души твой,
Дэвид Хикхоф».*

Я отложил «ПЕРВОЕ», спрятал подальше «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ», задул свечу и сидел в темноте.

Хикхоф умер в феврале. Видно, этот месяц был слишком короток, чтобы Дэвид в нем уместился.

Тот февраль был холодным, как кубик льда из холодильника. Он напал на Кучку-на-Гудзоне, словно снежный человек. Его холодные глаза морозили душу. Недаром Хикхоф попросил его кремировать: все-таки это — последнее прикосновение огня. Догадаться о том, что вселенная признает существование жизни, можно было только по огонькам спичек, пару, что пробивался сквозь канализационные решетки, и оранжевым огонькам сигарет. Казалось, люди разучились улыбаться.

После недели размышлений на морозе я решил выполнить волю Хикхофа. В те дни я купил махонького, облитого глазурью Хикхофа. Его вылепил и обжег один сту-

дент-скульптор на память об учителе. Маленький Хикхоф был похож на настоящего. Он был покрыт оранжевой и бурой глазурью, а размером не превосходил лимон. Я таскал его с собой как талисман. Может, это покажется зловещим. Но именно игрушечный Хикхоф помог мне принять это решение.

В результате я на несколько часов стал обладателем пяти тысяч долларов. В банке и на самом деле был открыт счет на мое имя, а вице-президент банка ожидал моего визита. А раз обнаружился счет, то почему бы не быть и яйцу? И лично господину Наглю! Но в то же время я не мог избавиться от опасений, так как Хикхоф славился чувством юмора, способностью к животному смеху и животом, чтобы вместить весь этот смех.

К тому же из всех людей на Земле он избрал Гарольда Норта.

Что же касается самого Гарольда, то он, как зачарованный, смотрел на завещанные деньги, словно кролик на золотую морковку, что болтается перед его носом. Конечно, я мог истратить деньги на загул. Но я слишком долго прожил отшельником и не имел представления о загуле. Каждая банкнота — это купленное время. На эту сумму я мог улететь на Майорку и писать там стихи до тех пор, пока пальцы не превратятся в обрубки.

Ах уж этот глак! Черт поberi глака! Сколько славных существ вымерли, не оставив потомства, и прославились посмертно, обретя особую музейную славу. Громадные зеленые штуки с хвостами длиннее моего дома. Волосатые разбойники с челюстями в два кулака и строгим взглядом. Летучие драконы, поливавшие землю ядовитой кислотой. Наконец, слоны с бивнями такой длины, что каждым можно было проткнуть дюжину дантистов. Почему бы их судьбу не разделить и глаку? Вымирание — естественный ход природы. Нужен ли глак нашему миру? Кто пострадал, когда он вымер?

Но на самом деле выбора не было.

Мне предстояло выполнить последнюю волю Хикхофа. Куда денешься — слишком много нами было выпито. Мог ли я повернуться задом к его последнему призыву?

Естественно, первым делом я отправился в библиотеку. Я прочел о глаках все, прежде чем посетил банк.

Но мне мало что удалось узнать.

Глак — это высокая птица, схожая с журавлем, которая пронзительно кричит: глак, глак, глак! Глаки известны особенностями брачного танца, при котором они быстро вращают маховыми перьями против движения часовой стрелки. Они населяли субарктические области восточной части Северной Америки. Уже в середине XIX века было отмечено резкое уменьшение популяции глаков. Вид считается вымершим с 1902 года.

В банке я разглядывал чек — пятерка и три нуля — а тем временем поглаживал в кармане глиняного Хикхофа. Когда же увидел, что вице-президент устался на мою руку, которая что-то делала в боковом кармане пиджака, я вытащил Хикхофа и поставил на стол.

— Это Хикхоф, — сообщил я.

— Хикхоф?

— Тот самый человек, который оставил мне эти деньги.

— Вы его носите с собой?

— В особых случаях.

— Очень трогательно. Это могло бы войти в красивый обычай.

После визита в банк я отыскал в телефонной книге номер магазина «Пудельвилль». Я набрал номер, и мне ответил голос, который мог принадлежать и человеку, и непроданному зверю. Голос был высоким и резким.

— Меня зовут Гарольд Норт. Я надеюсь, что вам говорил обо мне мистер Хикхоф.

— Я ожидала вашего звонка.

— Могли бы мы встретиться?

— Разумеется, и чем скорее, тем лучше.

«Пудельвилль» заботился о достойной клиентуре. Салон (так было написано на вывеске) располагался в старой части городка, представляющей собой гнездо крепких, солидно построенных домов, окруженных газонами, садами и обязательными оградами с воротами.

Там были дома тех, чьи предки поселились в этой части страны, и тех, кто пришел сюда позже, потому что ему улыбнулась удача.

Дома выглядели внушительно. Каждый — крепость, охраняющая приватный мир. И каждый из домов пережил немало жестоких зим.

В высоких окнах дедушкиных домов я видел чудесные игрушки — хрустальные канделябры, картины в золоченых рамах, старинные оловянные кружки, серебряные самовары, плотные шторы, балконы с витыми чугунными решетками, винтовые лестницы и деревянные панели на стенах. Каждый из домов был сам по себе яйцом, таящим внутреннее тепло и позволяющим время от времени вылупиться очередному птенцу, который хлопал дверью, выбегал на улицу к собственному автомобилю или поджидающему такси.

Эти намеки на движение, следы, еще не совсем засыпанные утренним снежком, струйки дыма, поднимающиеся над трубами кухонь, оживляли пейзаж, существовавший в замедленном ритме. Холодная зима взяла это гнездо в осаду. И навевала мысли о кладбище. Мне было нетрудно вообразить, что за мной топают Хикхоф, как незаметный шпион, следящий за каждым моим шагом и наслаждающийся роскошью снежной целины.

«Пудельвилль» занимал облицованный гранитом первый этаж особняка. Салон ничем не выдавал своей торговой сути, а уж тем более не признавался, что полон собак, птиц, рыбок, кошек, обезьян и даже муравьев. К стеклам изнутри не прижимались носики щенков и котят. А окно было со вкусом закрыто изображением какого-то знаменитого чемпиона пуделиной породы, глядевшего на вас с презрением существа, которое сумеет оставить свой след в потомстве.

Когда я открыл дверь, нежно звякнул колокольчик.

Звери на этот звук не откликнулись.

В помещении царил запах джунглей. Но даже в этом чувствовалась сдержанность.

Затем я впервые увидел Эльзу Муниш. Она стояла возле аквариума с тропическими рыбками, рассматривая

рентгеновский снимок в голубом свете, исходившем от воды. Над ее головой в клетке сидела канарейка и вежливо напевала. Три или четыре пса старались просунуть носы сквозь раскрашенные цветными полосками решетки. Синяя птица дремала на ветке, а перед ней раскачивалась на веревке обезьянка, попискивая, как мышка.

Мисс Муниш даже не обернулась.

Она продолжала смотреть на пленку.

Я подумал, что она увлечена рассматриванием пуделиного мочевого пузыря или печени попугая.

Судя по ее голосу, я ожидал увидеть кого угодно, но только не привлекательную, склонную к полноте брюнетку с седыми проблесками в черной пышной шевелюре, уложенной у дорогого парикмахера. Вполне соблазнительная леди, правда, ноги у нее были полноваты.

Я не был уверен, что она слышала, как я вошел.

Но если она не была совсем глухой, то не могла пропустить столь очевидный момент — ведь колокольчик звенел.

Я ждал на расстоянии и не издавал ни звука, если не считать хриплого дыхания, так как приехал в Кучку-на-Гудзоне немного простуженным.

И тут я чихнул. Звук получился громким, словно завопил Гитлер. Я полагаю, что она ожидала чего-нибудь подобного, чтобы изобразить удивление.

Остальные живые существа в магазине замерли, не зная, что этот звук означает.

— Мой панкреатит, — лаконично сообщила мисс Муниш.

— Простите? — не понял я.

— Я обеспокоена моим панкреатитом. Но мне кажется, что поджелудочная входит в норму. Хотите взглянуть?

— Только после ужина, — сказал я.

— Многие считают меня ипохондриком, полагая, что я боюсь смерти. Это именно так! Но я обожаю рентгеновские лучи. Как жаль, что они вредны для здоровья.

— Куда ни кинь, всюду клин, — согласился я. — Меня зовут Гарольдом Нортон.

— Ага, именно вы, а не тот, второй.

— Какой еще второй?

— Человек, именующий себя Наглем.

Синяя птица проснулась, заморгала и повторила:

— Человек, человек, человек!

— Вам доводилось беседовать с человеком по имени Нагль?

— Совсем недавно. Это ваш конкурент. Но мне так жаль доктора Хикхофа! Я прочла о его кончине в прессе. Что его доконало? Сосуды головного мозга? Какой прекрасный человек. Мне его будет не хватать.

Я заметил, что у мисс Муниш тонкий голосок. Она почти не вдыхала. И если ей удавалось глотнуть воздуха, она подолгу держала его в себе. К концу этого периода ее голос становился почти неслышным. Нелегко пришлось с ней Хикхофу!

— Как замечательно, что вся эта суматоха происходит из-за обычного яйца, — сказала мисс Муниш.

— Кстати, о яйце: можно мне на него взглянуть?

— За такие деньги я из него омлет для вас сделаю.

Сперва мисс Муниш заперла входную дверь, хотя, на мой взгляд, нашествие клиентов ей явно не грозило. Затем она провела меня мимо ошейников, клеток, поводков, пакетов и коробок с кормом, мимо парикмахерского стола, покрытого разноцветной шерстью, к маленькой задней двери.

За дверью обнаружилась ведущая наверх лестница.

Квартира мисс Муниш располагалась на втором этаже как раз над «Пудельвиллем». От нее исходило ощущение несколько потертой элегантности.

Потолки в комнатах были высокими, окна украшены витражами, между комнатами возвышались арки, мебель была пышной, но, как и все остальное, запущенной. Протухшая гордыня.

Мне указали на голубое бархатное кресло с ручками, похожими на боксерские перчатки. Я покорно сел и принялся ждать.

Она направилась в соседнюю комнату, очевидно, спальню, и принесла оттуда картонную коробку. Такую коробку вам даст бакалейщик, если вы скажете, что вам не в чем нести к машине пакеты с горохом.

На крышке было неровно написано губной помадой: «Осторожно: стекло! Держать в тепле!»

Не знаю, что я ожидал увидеть — хрустальный ларец или шкатулку черного дерева, но увидел лишь картонную коробку.

Эльза Муниш вытащила из коробки с полфунта мятых старых газет, затем шар, замотанный в бархат. Осторожно, но не слишком, она развернула яйцо, и наконец-то я его увидел.

Яйцо как яйцо. Раза в два-три больше куриного, серое в лиловую крапинку.

Сделав вид, что вижу его не впервой, я произнес:

— Ага, это именно оно!

Она протянула мне яйцо, и я его исследовал. Яйцо было теплым и целым на вид. Я тут же завернул его в бархат.

— Доктор Хикхоф часами сидел в этом же кресле, — сказала мисс Муниш. — Он полагал, что это яйцо его родственник. Он это чувствовал.

— Я знаю.

— Он уверял меня, что в этой комнате полно сквозняков. Он заботился о яйце, как о родном человеке.

— Без всякого сомнения.

— Мистер Норт, а не перейти ли нам к делу? Боюсь показаться вам бездушной, но жизнь продолжается.

— Дело делом, — согласился я. — По поручению доктора Хикхофа я готов выписать вам чек на 2500 долларов.

— Ах, как это мило с вашей стороны, — пропела она, укладывая яйцо в картонку.

— Ну что вы, это мой долг!

— Дорогой мистер Норт, — продолжала мисс Муниш, — я чувствую себя королевой ведъм, простите за выражение. Но беда в том, что сегодня утром мне позвонил мистер Нагль и предложил за яйцо 4500 долларов. У него нет больше ни цента, но он готов все отдать за это самое яйцо.

— Но вы же обещали доктору Хикхофу!

— Мистер Норт, что такое деньги? Что мы можем купить? Время? Здоровье? Моя ипохондрия стоит бешеных

денег. Доктора обдирают меня, как липку. Мне за них стыдно. Разрешите, я вам кое-что покажу.

Она унесла яйцо в спальню и вернулась с большим толстым альбомом.

— Вот под этим переплетом, — сказала она, — скрываются рентгеновские снимки моих внутренних органов за последние пять лет. А также ряд снимков моих родных и друзей. Вы только посмотрите! Вот мой мочевого пузыря. Он стоил мне пятьдесят долларов. А это гортань, которая обошлась мне в двадцатку. Смотрите, смотрите — это мое сердце, а это легкие. Наконец — нижний отдел кишечника. Вы можете себе представить, сколько стоит этот альбом?

Мне было неловко разглядывать ее внутренности, все-таки мы только недавно познакомились. Если бы в специальных медицинских журналах печатали цветные наклейки, она бы разбогатела, потому что все ее внутренние органы показались мне аккуратными, чистенькими и гладкими. После того как мы прошли весь альбом, я почувствовал, что знаю ее уже многие годы.

— Мисс Муниш, — произнес я. — Буду с вами предельно откровенен. Как говорится, выложу карты на стол. Доктор Хикхоф оставил мне некоторую сумму денег, достаточную для того, чтобы заплатить вам, немного пожить и вернуть глака домой.

— Этот человек, Нагль, — сказала Эльза. — Он был такой настойчивый! Он был готов на все!

— Я заплачу столько же, сколько предложил он. Плюс один доллар. Хотя признаюсь, мне придется нелегко.

— Замечательно! Это такое облегчение для меня. Так приятно смотреть, как дерутся взрослые мужчины. Ведь когда их ставки равны, а материальные ресурсы исчерпаны, они обращаются к примитивным способам ведения боя. Но плюс... как вы сказали? Плюс! Плюс-плюс!

— Простите, я вас не понял...

— Ваши деньги или деньги мистера Нагля... По сути дела они равны. Они друг друга уничтожают. Два мужчины желают получить яйцо и предлагают за это золото. Но тут в игру вступают новые факторы. Плюс-плюс. Мне

бы не хотелось упустить такую возможность. Я ведь веду скучную жизнь, мистер Норт.

— Что вы сказали о новых факторах? Что еще за факторы?

— Наш городок замерз. Он тоскует под многотонным снежным одеялом. Я обречена заботиться о салоне, кормить зверюшек, стричь пуделей и так далее. Я буду есть, спать и ждать, когда закончится скучная зима. Несмотря на рентген, я чувствую себя такой пустой внутри! Прямо как пустой кувшин. Я — пустой кувшин, мечтающий о меде. Я хочу меда! Мистер Норт, мед — это и есть плюс-плюс! Мне нужна память о вашем визите.

— Если я правильно вас понял, мисс Муниш, вы предлагаете совершенно незнакомому мужчине совершить то, что мои студенты называют контактом двух тел?

— Вы быстро соображаете, мистер Норт. И вы искренний человек. Живя среди детей природы, я тоже стала прямым и даже деловым человеком.

— Дорогая мисс Муниш, я работаю полицейским в университете. Я пишу стихи, много читаю и почти не общаюсь с другими людьми. Я в жизни не похож на бульдозер. Более того, я — сексуальный верблюд. Я могу пройти всю пустыню, не почувствовав жажды. Работа заменяет мне секс, и к тому же мы еще недостаточно знакомы.

— Вы очаровательны, мистер Норт.

— Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов бесчестного мистера Нагля. Как я понимаю, это совершенно аморальный тип. Предположим, совершенно теоретически, что его плюс-плюс окажется для вас предпочтительнее.

Мисс Муниш поднялась и потянулась.

— Это мой глак, — сообщила она. — Здесь я все решаю. Я восхищена тем, как развиваются события.

— Хорошо, хорошо, — воскликнул я. — Пять тысяч долларов! Но учтите, что мне придется забраться в собственный резерв, в баночку, куда я складываю деньги на обеспеченную старость. Я повторяю — пять тысяч долларов.

— Вы намерены доплатить четыреста девяносто девять долларов только за то, чтобы со мной НЕ ПЕРЕСПАТЬ?

— И да, и нет. В моем отказе нет ничего личного.

— А кажется, что вы оскорбляете лично меня. Хотя, может быть, вы настолько не уверены в себе? Вы боитесь соревнования с Наглем, потому что не верите в свою способность удовлетворить меня?

— Нет, только не это!

— Именно это!

— Может, и это.

— Тогда соберитесь с мужеством и возьмите себя в руки.

— Кто-то крадется внизу, на первом этаже, мисс Муниш. А вдруг это вор?

— Вы и есть вор! Воруйте, я сняла все замки и засовы!

Черт бы побрал Хикхофа. Что я ему должен? Я не давал клятв, хоть и обещал помочь. Но теперь, если говорить серьезно, я должен положить на алтарь самое ценное, чем обладаю. И за это получить яйцо глака?

— Я как в бою, — сказал я.

— А кто не в бою? Кто из нас не стремится к бою? Тем более, если нам предстоит пережить несколько морозных месяцев без физического контакта. А самое мучительное — любовь без восторга! Любовь без слияния плоти! Это должно преподавать вам серьезный урок, мистер Норт. Нет ничего волшебнее, чем горячая плоть в зимнюю стужу. Слияние, но не растворение. Именно так мы сможем возвести бастионы защиты от всепоглощающих страстей весны.

И все это она произнесла на одном дыхании. Я боялся, что она лопнет от декомпрессии.

— Я не философ, — таков был мой ответ.

— Философия таится на кончике языка, — ответила она. — На последнем позвонке, за ушами, там, где ноги встречаются с туловищем, между бедер, под коленками, на горных вершинах и в зеленых долинах. Назовем эти сказочные области демилитаризованной зоной.

— Я боюсь своей старости!

Это была фрейдистская оговорка. Я хотел сказать: страсти.

— Я потерял покой!

— Иди ко мне! — ответила мисс Муниш.

Обнаженная мисс Муниш выглядела чудесно, хотя мне все время хотелось заглянуть ей под кожу, чтобы увидеть внутренности. Мы провели с ней несколько часов, сливаясь, но не растворяясь, любя, но не обладая, преодолевая зимние холода и подготавливая нашу кровеносную систему к приходу весны.

Нам аккомпанировали голоса животных с первого этажа, и потому кровать представлялась мне лесной лужайкой. Эльза непрерывно изливалась, словно сама была дикой самкой, она требовала меня вновь и вновь. Я же, к собственному удивлению, казался себе фонтаном юности. Ах, как давно я не переживал ничего подобного!

— И давно ты постишься, Гарольд?

— Уже два года.

— Кто была последней?

— Сокурсница, которая писала доклад о жестокости полицейских.

— Я ее ненавижу!

А вскоре, слишком скоро, она произнесла:

— Дорогой, я достигла предела, за которым буду умолять тебя остаться со мной навсегда. Так что немедленно уходи!

— Ну еще хоть разок!

— Нет.

— Плюс-плюс!

— Уходи.

Мы приняли душ вместе. Она меня намылила и сказала, что обожает мое тело. Я ее тоже намылил и сообщил, что наши чувства взаимны. А когда я одевался, она попросила меня позвонить завтра.

И я ушел на мороз. Я дрожал подобно студню, от меня шел пар. Я отдал бы все, чтобы вернуться, но она заперла магазин, как только я ее покинул.

Вернувшись домой, я обнаружил, что мою квартиру посетили злоумышленники. Дверь была взломана, а внутри все перевернуто.

Взломщик забрал только «ПЕРВОЕ» письмо. К счастью, «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ» я носил с собой.

Я позвонил Эльзе Муниш, но трубка была снята.

Нагль, превратившийся во взломщика, — это отчаявшийся Нагль, подумал я. Как же он обойдется с владелицей яйца? Я встревожился за Эльзу. Затем я стал тревожиться за себя. Я не знал, на что он способен. Я в жизни его не видел. А вдруг он спортсмен?

Печальные размышления заставили меня усесться за стол и провести недвижно полчаса, пока меня не выручило мое полицейское воспитание. Я сижу, соблюдаю правила игры, жду, когда мне сообщат, досталось ли мне яйцо, в то время как слетевший с катушек Нагль носится по окрестностям. Что же я теряю время? Не исключено, что труп несчастной Эльзы Муниш уже упакован в чемодан и едет в багажнике на железнодорожную станцию.

Я поймал такси и примчался к «Пудельвиллю» в самый последний момент.

Когда мы затормозили перед магазином, я увидел человека, спешащего по улице. Под мышкой он держал внушительных размеров сверток. И когда я расплачивался с шофером — ни секундой раньше, до меня дошло, что это и есть Нагль.

В этот момент окно второго этажа над «Пудельвиллем» распахнулось, и Эльза, завернутая в портьеру, высунулась наружу и принялась крутить головой и вопить:

— Похититель глаков! Держите похитителя глаков!

Я кинулся вслед за Наглем. Ботинки скользили на обледенелом тротуаре. Нагль шустро убегал, обнимая сверток с яйцом, и если бы не вмешалась судьба, он бы от меня скрылся.

Старая часть городка холмиста, как Рим. Не удивительно, что толстый карапуз на санках, мчась с горки на улицу, подрезал Нагля сзади под коленки. Ноги похитителя раскрылись, как ножницы, коробка с яйцом взмыла в небо, санки промчались дальше, карапуз отлетел в сторону, а Нагль рухнул на снег.

Я поймал коробку с яйцом высоко в воздухе. И, конечно же, приземлился на санки и заскользил по улице к «Пудельвиллю».

Холм был покрыт льдом, санки поставили олимпийский рекорд. Мир в глазах помутнел и пошел полосами. Я успел увидеть в окне мисс Муниш, а затем передо мной возникли голые ветки деревьев и серое небо.

Я несея все дальше и дальше, но вдруг услышал пистолетные выстрелы.

Пули свистели вокруг.

Нагль стрелял без передышки и приближался ко мне.

К счастью, санки соскочили с тротуара и помчались по замерзшему водостоку. Машин мне не встретилось, так что я летел вперед без препятствий. Пуля вонзилась в меня, но убит я не был.

Я несея все дальше со скоростью, превышающей тысячу миль в час, по направлению к железнодорожным путям. Спереди донесся свисток паровоза и стук колес. Семафор загорелся красным. Полосатый шлагбаум опустился перед моим носом. Я промчался под шлагбаумом через переезд, налетел на рельс и увидел глаз циклопа — паровоз неотвратно мчался ко мне. Я крепко прижал к груди коробку с яйцом, вылетел из санок и покатился по насыпи.

За моей спиной стучали колеса поезда, отделившего меня от преследователя.

Не думая о боли, я положил коробку в пустой вагон, стоявший на запасном пути, и залез следом.

«Так все и кончается, — подумал я. — Мое тело будет лежать в этом вагоне. Никто и не заметит, как поезд повезет его через все Соединенные Штаты». Я всхлипнул — ведь столько всего не доделано! Меня сорвали нежным бутоном, так и не дав распуститься.

Сцепщик обнаружил меня в вагоне. Очнулся я в Центральной больнице.

— У вас есть страховка? — спросила меня медсестра, как только я пришел в себя.

— Может быть.

— Ваш диагноз — шок и переохлаждение. Но этим ваши беды не ограничиваются. Я должна сказать вам

всю правду: пуля, выпущенная из пистолета 22 калибра, совершила вам обрезание. Признайтесь, мистер Норт, не был ли этот выстрел неудачной попыткой самоубийства?

— Хикхоф! — воскликнул я. — Если бы этот Нагль был чуточку поточнее, я бы выкрал твой пепел, собрал тебя из него снова и выкинул бы пинком под зад прямоком в Тихий океан. У меня все было своим — и аппендикс, и железы, и крайняя плоть. Посмотри, что из-за тебя со мной произошло!

Они вкатили мне успокоительное.

Вскоре я узнал, что когда меня привезли в больницу, то захватили и яйцо. Его положили в чуланчик рядом с палатой. Но пострадал ли глак от этого приключения, я не ведал.

— Бедный глак, — произнес я шепотом. — А что, если ты теперь родишься кривоногим или одноглазым? А вдруг ты тронулся? Постарайся преодолеть это несчастье. Пусть весь мир знает, как достойно ты умеешь переносить невзгоды. Победители всегда хвастаются шрамами. Будь победителем, глак.

Хикхофу понравилось бы в больнице. Он бы наслаждался ее звуками.

Стоны и плач, писк и вопли младенцев, которые вечно чем-то недовольны и чего-то требуют. Звуки динамика, вызывающего доктора такого-то и доктора сякого-то, звон подносов, голоса телевизора, шепот посетителей, шуршание шин инвалидных колясок. Ах, как бы Хикхоф наслаждался этой симфонией, ибо он слышал в этих звуках симфонию белых стен! Для меня же никакой симфонии в этом не было.

Я с радостью покинул больницу, став на унцию или две легче. С новым энтузиазмом я понес прочь мою коробку. Пули Нагля придали мне заинтересованности. Теперь я уже не чужой в этой истории, я вложил в нее кусочек своей плоти.

Придется подождать шесть недель, прежде чем вылупится птенец. Если он, конечно, вылупится.

Затем следует достичь Лабрадора, хотя денег для этого у меня нет.

Нельзя забывать о Нагле, который наверняка будет за нами гнаться.

Поэтому первым делом мне следовало отыскать укромное место, в стороне от исхоженных дорог. Там человек и яйцо проведут полтора месяца.

Я просматривал страницы газет с объявлениями и неожиданно натолкнулся на слова, которые относились прямо ко мне:

«Г.Н., Я ЗНАЮ, ЧТО ВЫ В УТИКЕ. ВСЕ ПРОЩЕНО И ЗАБЫТО. МОЖЕМ МЫ ПОГОВОРИТЬ? ПРЕДЛАГАЮ ДОСТИЧЬ СОГЛАСИЯ. НЕЛЕПО ПРОДОЛЖАТЬ ВРАЖДУ И СТАВИТЬ ПОД УГРОЗУ ПРОЕКТ Г. ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ».

Время не ждало.

Значит, Наглю удалось меня выследить. Он неглуп и способен к компромиссам. Если бы не взлом моей квартиры и не попытка меня пристрелить, я бы сразу ему ответил. А так?.. Впрочем, Нагль — сын своего отца, а Хикхоф даже родственником ему не приходится.

Но травма от пули еще давала о себе знать. Я не был намерен вести переговоры.

В другом объявлении говорилось о комнате в приятном, чистом и хорошо отапливаемом доме, с отличным видом из окна, на тихой зеленой улице возле остановки городского транспорта и церквями всех конфессий по соседству.

Я позвонил туда, и мне сказали, что комната еще не сдана.

Дом мне понравился. В широком палисаднике стоял снеговик, а рядом росла туя.

Я позвонил в дверь, не переставая думать о коробке, которую прижимал к груди. Я убеждал себя, что это не коробка, а мой собственный живот, потому что я жду младенца.

Но миссис Фонкль, которой принадлежал дом, не обратила на коробку никакого внимания.

Я сообщил ей, что служу ученым, но не принадлежу к той их категории, которые изготавливают атомные бомбы. Ни в коем случае. Я надежный, безопасный, бла-

гопристойный, воспитанный человек, которому нужны лишь крохи этой жизни. В тишине я намерен вывести новую породу кур, таких крупных, что продовольственная проблема для человечества будет успешно решена.

— Насколько крупными будут ваши куры? — уточнила миссис Фонкль.

Я развел руки в стороны. Получилось примерно три фута.

— Ну и курочки! — Тут она расхохоталась и пригласила меня к ужину.

Семейство Фонклей было разнообразно и разномастно. Сначала миссис Фонкль вышла замуж за человека-карандаша, лишённого пигментации. Он благополучно скончался, но оставил дочь, лет двадцати пяти, хорошенькую, угловатую, напористую и подвижную. Следующий муж миссис Фонкль был сантехником, мясистым, значительным существом. Дочка, рожденная от него, оказалась мягонькой, темненькой, наполненной пружинками, как мягкий диванчик. Ей только что исполнилось девятнадцать лет.

За ужином говорили о науке, которая развела атомные грибы, и о том, насколько прекрасней был мир раньше. Дочка от первого мужа, Мирна, сказала:

— Люди начинают осознавать, что война не решает никаких проблем.

— Поэтому-то все и дерутся, — заметила младшенькая по имени Цинтия.

— Войны можно остановить двумя способами, — вступил в разговор я. — Или обнаружить в небесах разумную жизнь, обладающую большим аппетитом к человечине, или надеяться на то, что нации, которые любят секс и бурно размножаются, не склонны к войнам и не любят маршировать строем.

— Скажите, а вы сами женаты? — спросила миссис Фонкль, накладывая мне горячее.

— У меня нет семьи, — ответил я. — Я женат на своей работе.

— Милая, не вмешивайся в чужую личную жизнь, — сказал муж номер два.

— В нашем доме не запирают дверей, — ответила миссис Фонкль, — поэтому я имею право задавать некоторые вопросы.

И на самом деле, в доме Фонклей дверей не запирали. Даже я, которому повсюду чудилась злобная тень мистера Нагля, не смог себя заставить запереться.

Первая неделя прошла мирно. Нетрудно было заметить, как между мной и семейством устанавливались доверительные отношения. Мне еще никогда не приходилось быть столь близким к другим людям.

Я проводил дни, сочиняя стихи, а по ночам, проверив, хорошо ли яйцу, совершал прогулки по свежему воздуху. Маленького доктора Хикхофа я посадил на верх комода, и ему тоже было спокойно. Но нельзя же вечно жить без проблем.

Как-то вечером, обычным вечером, я поднялся к себе после ужина и, как обычно, проверил яйцо. Оно вздрагивало, дрожало и шевелилось. Сперва я подумал, что это землетрясение. Но вокруг все стояло на своих местах. Двигалось и дрожало только само яйцо.

Я подвинул коробку к батарее, и яйцо почти успокоилось.

И тогда я совершил то, к чему готовился с первого дня. Я уселся на яйцо.

Положил яйцо на подушку, подушку — на стул, разделся до нижнего белья и мягко опустился на яйцо, приняв большую часть веса на руки, которыми уперся в край сиденья.

Дрожь, движения и пульсация немедленно прекратились.

Значит, в яйце сидит живой глак! И ему холодно.

Он требует того, что предназначено ему природой — животного тепла. Кто кинет в него за это камень?

«Погляди теперь на меня, — обратился я к Хикхофу. — Взрослый человек греет яйцо своей задницей. Посмотри, что ты со мной сделал! Неужели ради этого ты заботился обо мне, читал мне лекции и жаловался на феминизацию нашей страны? Кончилось все тем, что ты загнал меня в позу наседки. Ах ты, Хикхоф, ах ты аэростат, теперь можешь хохотать!»

Привыкнув к обычаям дома Фонклей, я, конечно же, оставил дверь открытой.

Облаченная лишь в тонкую пижамку, держа в руке махровое полотенце, в платочке, чтобы не растрепались кудряшки, без всякой косметики на скуластом личике, ко мне заглянула Мирна. Ей хотелось узнать, как я себя чувствую.

— С вами все в порядке?

— Со мной все в порядке, — ответил я. — Я не одет, но в этом лишь моя вина. Следовало прикрыть дверь.

— Не расстраивайтесь, — сказала Мирна и кинула мне махровое полотенце, чтобы прикрыть голые колени. — Я пришла, потому что из вашей комнаты доносились какие-то странные звуки.

— Я думал о курице, — объяснил я. — Я думал вслух.

Появление Мирны и мое смущение, видно, снизили температуру моего тела, потому что яйцо стало подавать мне сигналы. Ему хотелось жить. Мне же пришлось схватиться за края сиденья.

— Вы наверняка простудитесь, — сказала Мирна, обводя взглядом комнату.

— Нет, мне не холодно.

Яйцо подпрыгнуло подо мной, я взлетел в воздух и опустился так резко, что мог бы раздавить его всмятку, если бы в последний момент не задержал себя в воздухе.

— Я должна измерить ваш пульс, — сказала Мирна.

Я протянул ей руку.

Через минуту она сказала:

— Сто пятнадцать ударов. Разве так бывает?

— Это моя норма. Абсолютная норма.

— Гарольд, вас что-то беспокоит. — Мирна уселась на край моей кровати. — Поговорите со мной откровенно, я умею слушать.

— Меня ничего не беспокоит. Кстати, если ваша мама сейчас пройдет мимо и увидит, как вы сидите на моей кровати, что она может подумать?

Мирна с самым серьезным видом поднялась, подошла к двери и плотно ее прикрыла. Затем возвратилась к кро-

вати, улеглась на живот, подперев ладошками подбородок. Она устроилась, как у себя дома.

— Вы страдаете, — произнесла она. — И не пытайтесь это отрицать.

— Наверное, вам лучше уйти, — ответил я.

Ах, как она была притягательна в этой дешевой пижаме! Знаете, есть такие девичьи пижамки, ситцевые в цветочек. Когда она поворачивалась, пижама соблазнительно обтягивала ее груди, и они казались мне огнедышащими вулканчиками. Кстати, ее попку пижама тоже не обижала.

Я вынужден был признать, что для такой худенькой девицы она обладала весьма упругими формами. Ее длинное гибкое тело было подобно вьющейся горной дороге.

— Вас беспокоит желудок? Признайтесь, Гарольд, не следует меня стесняться. Ну, скажите, это живот?

— Если и живот, то не мой, а ваш, — вырвалось у меня.

— Не грубите, Гарольд, — серьезно сказала Мирна. — Лучше подойдите сюда, сядьте рядом и поговорим серьезно.

— Я не могу двинуться.

— Почему?

— Только не пугайтесь и не кричите, Мирна. Я высиживаю яйцо. Лучше вам знать всю правду — я высиживаю очень большое яйцо.

— Гарольд, что вы несете?

И как последний дурак, я ей во всем признался. Во всем. Буквально во всем.

Словно прорвало плотину.

Я удивил сам себя. Оказывается во мне, как нарыв, созрело желание поделиться с кем-то своей проблемой. Обычно я переживаю в одиночестве, такой уж у меня характер. Но в доме Фонклея я почувствовал человеческое тепло и потребность в контакте с себе подобными. Потребность в контакте ведет к состраданию.

Когда я закончил свой рассказ, Мирна рыдала.

— У меня нет слов, — произнесла она сквозь слезы. — В определенном смысле я ничего подобного не слышала

с тех пор, как прочла «Гадкого утенка». Ах, мой милый, мой драгоценный Гарольд! Мне так хочется нежить тебя, прижать тебя к груди, чтобы передать тебе мое тепло. Я знаю, что не права. Я знаю. Я знаю, что твоя награда — свершение твоего самоотверженного труда. То, что ты делаешь ради доктора Хикхофа, не требует помощи со стороны и чужого сочувствия. Но я нахожусь во власти импульса, то есть непреодолимого желания обнажить перед тобой мое тело, чтобы зарядить тебя солнечной энергией, которую я впитала прошлым летом на озере Виннапуки. Дай мне яйцо. Я желаю жертвовать собой!

Вы думаете, я сделан из алюминия? Ничего подобного.

В считанные минуты Мирна, глак и я переплелись в один горячий узел взаимной любви. Зиме пришлось отступить.

Яйцо излучало довольство.

Если же вам никогда не приходилось иметь дела с удовлетворенным, счастливым и уверенным в себе яйцом, доложу вам, что я пережил минуты счастья. Моя драгоценная Мирна генерировала жар, словно спираль электроплитки. Ее нервы буквально пронизывали ее кожу. Она искрила, словно свеча зажигания.

Прежде чем вернуться в свою комнату, Мирна дала мне обещание навещать меня регулярно, по расписанию, чтобы помогать мне высиживать яйцо и растапливать мой внутренний холод.

Я был на седьмом небе от счастья. У меня появился друг, любовница и сосед по кровати, желающий мне помочь в инкубаторской деятельности.

На следующее утро я проснулся отдохнувшим, опустошенным, как после футбольного матча, возрожденным и ко всему готовым.

Я сел на краю кровати, и яйцо подкатилось ко мне по простыне. Оно уткнулось в меня, прижалось, подпрыгнуло и устроилось на моем бедре.

— Послушай, — сказал я ему. — Хорошенького понемножку. Я выполню свой долг и обещаю держать тебя в тепле и уюте, но попрошу тебя не кататься по постели и не прыгать. Мне надо заниматься собственными делами.

Я соорудил для яйца гнездо из подушки, накрыл его одеялом. А потом отправился мыться, бриться и причесываться.

Сверкая, как новенькая монета, источая ментоловый запах зубной пасты, я отправился к себе и тут услышал громкий чих.

Я увидел Цинтию, которая громко сморкалась в носовой платок, стоя в моей комнате возле кровати. Одеяло было откинута, и она с ужасом глядела на мое яйцо.

Стеганный халат она накинула на ночную рубашку, ее темные волосы водопадом ниспадали на плечи, а смуглое лицо казалось куда более смуглым, чем обычно.

— Гарольд, — произнесла она, — нам надо серьезно поговорить.

— Почему вы дома? — спросил я.

— Я простудилась.

— А где мама? Здесь же дует.

— Гарольд, признайтесь, зачем вы держите яйцо в своей постели?

— Если вы думаете, что я его снес, то вы глубоко заблуждаетесь. Я не несу яиц.

— Я уж и не знаю, что подумать!

— Послушайте, Цинтия, ваш папа сантехник, и у него есть шлямбур, а я ученый и у меня есть яйцо. Вам это должно быть понятно.

Заслышав мой голос, яйцо начало вертеться. Это неплохо говорило об интеллекте глака, но Цинтию действия яйца сразили наповал. Она зарыдала так же, как рыдала ее сестра, правда, жидкости при этом выделилось куда больше.

— Не плачьте, умоляю! — взмолился я.

— Мужчина не должен спать с яйцом!

— Вспомните, что говорится в Священном Писании: «Не судите и не судимы будете».

— Это извращение! Когда мама узнает о том, что происходит под крышей нашего дома...

— Цинтия, погодите! Зачем вмешивать в это дело маму, папу или чужую тетю? Вы же знаете, как старики относятся к подобным вещам. Им сразу кажется, что из яйца

вылупится какой-нибудь людоед. Цинтия, умоляю, пускай этот эпизод останется между нами. Возьмите себя в руки.

— А я повторяю: мужчина не должен спать с большим яйцом!

Она была подобна Моисею, который знакомил свой народ с десятью заповедями. Смотреть на нее было — загляденье!

Грудь ее вздымалась от глубоких вздохов. Над ее головкой клубились тучи. Дым шел из-под копыт.

В своей экспансивности, горячности, чувственности она отличалась от Мирны, как лето от зимы. Кровь сантехника кипела в ее трубах. Ее краны и вентили свистели и шипели. В глазах вспыхивали предупреждающие огни, стрелки приборов зашкаливали.

Необходимо было что-то ей сказать.

Такое зрелище заслуживало платы.

Я уже выложил Мирне всю правду. Мне показалось не-
лояльным по отношению к ней просто повторить рассказ для Цинтии.

— Цинтия, — произнес я, — я отвечаю за это яйцо. Несметное число жизней зависит от того, что происходит в этой комнате. Потому что это яйцо — вовсе не обыкновенное яйцо. Его нашли в обломках странного и неопознанного летающего объекта, который именуется НЛО.

— Гарольд, остановитесь!

— Цинтия, клянусь вам от всего сердца! Возможно, вся эта история не более чем выдумка, розыгрыш. Не исключено, что в этом яйце заключен очень большой цыпленок, ничего другого. Может быть, это всего-навсего контрольное яйцо.

— Контрольное яйцо?

— В этот момент сорок два агента, подобных мне, в сорока двух комнатах заботятся о сорока двух яйцах. Ни один из нас не должен знать, что именно его яйцо — космическое. Это делается для того, чтобы ввести в заблуждение иностранных шпионов. И не исключено, что именно мое яйцо содержит инопланетянина. Существо!

— Существо?

— Цинтия, это должно остаться между нами!

— Вы хотите сказать, что это существо находится в нашем доме?

— Это существо вам понравится. Оно — вегетарианец. Это нам уже известно. Питается оно только морковкой, салатом и укропом. Компьютер воссоздал нам его внешний облик. Это чудесный, мохнатый, пушистый зверек, похожий на кролика. Суслик. Очарование.

— Зверек? Зверь? Почему же вы называете его зверем?

— Но ведь суслик и кролик — зверьки. Кролик зверек, а не птица.

— Не знаю, что уж вам и сказать.

— А вы ничего не говорите и идите по своим делам.

— А почему вы приехали в наш дом?

— Ваш дом выбрал вычислительный центр. В компьютерной памяти хранятся все дома нашей страны. Требовался небольшой дом в небольшом тихом городке. Обитатели дома спокойны и нелюбопытны... Вычислительный центр серьезно ошибся. Он не учел вас! Но если об этом станет известно руководству страны, поднимется страшная паника.

— Гарольд, я вам ни чуточки не верю. Для меня, к сожалению, важно одно — вы извращенец, потому что спите с проклятым яйцом, тогда как молодежь вынуждена страдать.

— При чем тут молодежь? Что вы знаете о молодежи? Вы слишком юны, чтобы разбираться в проблемах молодежи.

— Я слишком юна? Да посмотрите на меня, наконец! Вы видите синяки под глазами? Знаете ли вы, сколько бессонных ночей я провела за последний месяц из-за того, что вы поселились в нашем доме?

— Из-за меня?

— Вот именно! А теперь вы мне морочите голову идиотскими пожирателями морковки из космического пространства. Я не хочу ничего знать! Я ненавижу вас, Гарольд, а еще больше ненавижу вашего любовника — яйцо!

Яйцо буквально завертелось вокруг своей оси.

Цинтия не смогла сдержаться. Она схватила половую щетку и замахнулась, чтобы размозжить яйцо.

Я подставил себя под удар и спас яйцо от гибели.

Не успею я этого сделать, брызги глака разлетелись бы по окрестностям.

Мы сражались. Мы боролись и постепенно так увлеклись борьбой, что остановились лишь в тот момент, когда Цинтия стояла ко мне спиной, прижавшись всем телом, а я оплел ее руками. В гневе она откинула голову, и мое лицо погрузилось в пышные заросли ее черных кудрей, пахнувших нежным шампунем. Она была упругой надувной подушкой: если нажмешь, тело поддавалось, но лишь отпустил — восстанавливало форму.

Цинтия прекратила сопротивление и снова зарыдала.

Я повернул ее лицом к себе и попытался утешить.

Что мне оставалось делать? Выгнать ее, чтобы она рыдала на лестнице?

Неожиданно мы рухнули на кровать. Цинтия старалась раздавить яйцо пяткой, я перехватил пятку, а затем умудрился положить глака на пол, где он принялся скакать как сумасшедший.

И тогда наступила пора любви.

— Гарольд, — произнесла Цинтия в полдень за несколько минут до того, как ее мама должна была вернуться из супермаркета. — Мне плевать на то, кто ты есть на самом деле. Мне нужно только одно — занимать в твоём сердце первое место, а последнее пусть занимает эта марсианская курица.

— Клянусь, Цинтия, что все так и будет, — ответил я. — И пускай цыпленок будет нашей тайной. Никому ни слова!

— Не смей произносить слово «наша»! Если ты еще хоть раз заикнешься об этой утке в моем присутствии, я собственноручно раздавлю эту сволочь!

— Я не сказал «наше яйцо». Я сказал «наша тайна». Я имел в виду тайну, а не яйцо.

— Бог с тобой, мой дорогой. Усыпи меня своими ласками.

К счастью, уже через час у меня заболело горло. Это был дар небес, которым я заразился от Цинтии. Предпочтительнее было бы схватить ветрянку или свинку, но на крайний случай сойдет и ангина. Мне нужна была пе-

редышка, и вирус, таившийся в горлышке Цинтии, для этого вполне пригодился, ибо наградил меня жаром, ознобом и страшной слабостью.

Я оказался между нескольких огней: Мирна источала жар, Цинтия — враждебность к яичку, само яйцо требовало, чтобы я его высиживал. Я же был всего-навсего слабым человеческим существом.

Я сделал все, чтобы не выздороветь, но болезнь не смогла долго прикрывать меня. Сестры возбуждались от моей беспомощности. Ночи были ужасны. Сначала прибегала Мирна и, удовлетворившись, засыпала. Я прикрывал ее одеялом. Цинтия предпочитала сражаться со мной на другой стороне кровати. Она жарко шептала мне на ухо, затем, обессиленная, засыпала, как раз когда просыпалась ее сестра. Сестры Фонкль насиловали меня по очереди. Я был опустошен.

Во мне не оставалось тепла для глака. Я был настолько заморожен и равнодушен к чужой беде, что если бы «Титанику» пришлось со мной столкнуться, он бы затонул в мгновение ока.

Глак находился в постоянной депрессии и разбрасывал по полу тряпки, в которые я его закутывал.

— Гарольд, — сказала как-то серым утром миссис Фонкль, — что-то происходит.

— Что? — спросил я слабым голосом, пытаюсь сдержать кашель.

— Мать взрослых дочерей обычно бывает наблюдательной. Мои же дочки не совсем обыкновенные. И мне кажется, что вы, Гарольд, им нравитесь.

— Ваши дочки остроумны и умны, как пуговицы, — ответил я и сунул в рот старинный градусник, чтобы избавиться от необходимости продолжать беседу.

— Моя интуиция подсказывает, — продолжала квартирная хозяйка, — что они вам тоже небезразличны. Но когда я говорю «они», я не имею в виду только Мирну или только Цинтию. Вы меня понимаете? Кстати, почему ваше одеяло так трясется?

— Не обращайтесь внимания, — ответил я, прижимая яйцо ладонью.

— Жизнь состоит из решений, — продолжала миссис Фонкль. — Она состоит из игр и развлечений, но наступает время решать.

Я ожидал этого неизбежного разговора и готовился к нему. Не вынимая изо рта пробку в виде градусника, я вытащил из-под подушки тубик со взбитыми сливками и в мгновение ока покрыл свое лицо белой пеной. При этом я взвыл, как филин.

Этого добрая миссис Фонкль не выдержала. Она медленно ушла на дно комнаты, не успев подать сигнала SOS.

Оттащив хозяйку в ее спальню и положив ее на кровать с влажным полотенцем на лбу, я вернулся к себе. Градусник валялся на полу и показывал нормальную температуру. Я закурил и огоньком сигареты подогрел ртутный шарик до тех пор, пока температура не зашкалила за все мыслимые пределы. Затем я положил градусник на тумбочку у кровати, а сам мирно улегся в постель и закрыл глаза.

Я ждал продолжения.

Сам же находился в коме. Это замечательное слово, и мой ответ враждебному миру. Кома!

Загадочная улыбка блуждала по лицу Джоконды, а моя рука ласкала теплое яйцо.

Естественно, хозяйка тут же вызвала врача.

— И когда это происходило, — услышал я голоса снизу, — его одеяло подпрыгивало?

— Как будто под ним находился мячик!

Они вошли ко мне. Я оставался в «коме» все время, пока доктор втыкал в меня иголки, делал анализ крови, уколы, а затем измерял кровяное давление.

Через некоторое время миссис Фонкль поднялась ко мне снова. Она была в прескверном настроении. Она потянула на себя одеяло, но я вцепился в него и не отдавал.

Тогда она заявила, что я жулик, симулянт, притвора и дезертир.

— Доктор Циппер сказал, что вы совершенно здоровы. У вас нет даже плоскостопия.

Никогда бы не подумал, что этот доктор Циппер так быстро меня разоблачит.

— Мистер Норт, попрошу вас признаться, к чему весь этот маскарад!

— Дорогая, — ответил я. — Дорогая, дорогая и еще раз дорогая!

Я быстро приподнялся и чмокнул ее в гортань.

— Надеюсь, ты приняла таблетку? — продолжал я. — Или предохранилась каким-то другим способом.

Я глядел на нее влюбленными глазами, а ее глаза готовы были выскочить из орбит от изумления.

— Но вы же никогда до меня и пальцем...

— Я-то никогда, но мы с тобой это делали вместе.

— Этого не было!

— Ах ты, моя бедолага, — пропел я. — Когда мы с тобой сделаем это снова? Ну признайся!

— У меня взрослые дочери!

— Они не шутили, когда утверждали, что мамочке в койке нет равных.

— Ты грязная свинья! — ответила она.

Как я себя в тот момент ненавидел! Если бы меня в наказание положили на гвозди, я бы принял эту кару с удовлетворением. Но может быть, в глубине души я ей польстил? Может быть, ей приятно было думать, что ради нее молодой человек сошел с ума? Пусть же лучше она считает, что я — сухая крошка, забытая на столе, мелкая кочка на светлом пути.

Ужин мне принесла Мирна.

— Гарольд, — заявила она, ставя поднос на тумбочку. — Я все обдумала. В твоем ослабленном состоянии тебе не под силу заниматься яйцом. Психологически ты не готов к материнской роли. Надо думать о том, чтобы брать. Нельзя все время только отдавать. Отдавать всего себя. Дорогой, мы все за тебя переживаем. Даже мама сегодня сама не своя. Она положила папе три порции тушеной печенки. Ты обязан выздороветь! Разреши, я заберу у тебя яйцо. Я буду согревать его, пока ты выздоравливаешь. Разреши мне уносить его к себе в спальню. Ну хотя бы ночами! Гарольд, умоляю, скажи «да»!

А почему бы и нет? Если Мирна заявляет, что будет заботиться о яйце, она не обманет. Эта леди достойна доверия. И мое одеяло перестанет подпрыгивать.

— Я согласен. Спасибо тебе, дорогая.

Мирна расплылась в счастливой улыбке.

Через некоторое время она положила в коробку взбешенное яйцо и перенесла его к себе в комнату. По дороге она напевала коробке колыбельную.

— А теперь, — сказала она, вернувшись, чтобы забрать пустой поднос, — собери все силы, чтобы поскорее выздороветь. Как последний жадина, береги каждую крупицу своих сил, пока не почувствуешь себя здоровым.

— Обещаю беречь, — сказал я, сдерживая слезы благодарности.

Теперь у Мирны была цель в жизни. Она покидала меня рано, спешила к себе, запирала дверь на ключ и качивала глака.

Когда же дом успокаивался, а Мирна с яйцом погружались в сон, а старшие Фонкли дремали у телевизора, появлялась Цинтия и приносила мне десерт.

— Привет, болящий, — говорила она.

— Привет тебе от болящего, моя ангелица, — отвечал я.

— Гарольд, мне пришла в голову идея.

— Не поздно ли, на ночь глядя?

— Гарольд, тебе следует избавиться от этого вонючего яйца. Оно высасывает из тебя все силы. Даже если оно тысячу раз правительственная собственность, я намерена его расколоть. Я никогда его не любила, но мирилась с его существованием. Но когда я вижу, что яйцо тебе вредит и мешает выздороветь, я понимаю, что мне пора вмешаться. Я прошу твоего разрешения разбить яйцо. Если ты мне не позволишь, я разобью его без твоего разрешения.

— Милая, мне надо обдумать твоё предложение.

— Обдумывай побыстрее. Ты меня знаешь, стоит тебе отвернуться, как я возьму в руки топор.

— Я постараюсь обдумать все в кратчайшие сроки, — сказал я. — Мне необходимо понять, что я выигрываю и что проигрываю.

— Мне-то все уже ясно.

«А что, может быть, неплохая идея? — подумал я. — Давайте дадим Цинтии возможность расколоть яйцо. По крайней мере, какое-нибудь яйцо. Это избавит ее от тревог, подозрений и мучений».

После того, как мы расправились с десертом, Цинтия собрала тарелки.

— Я иду в кино, — заявила она. — Постарайся все решить, прежде чем я вернусь. Кстати, ты сегодня ел желе в отвратительной, сексуальной манере. Буквально пожирал его. Это вызывает во мне неуправляемые эмоции.

Я поцеловал ее в переносицу.

Ну что за чудесное семейство!

Снизу доносился хохот мистера Фонкля, который смотрел комический сериал.

Телевизор, в который уткнулись Фонкли, стоял в гостиной. Гостиная отделялась от кухни столовой.

Я спустился в жизненный центр нашего дома — на кухню, открыл холодильник и вытащил три яйца.

Вы спросите, почему именно три?

Цинтия знала, что яйцо глака велико. Да и по правде говоря, в последние дни оно распухло до размеров футбольного мяча. Так что одним куриным яйцом мне не обойтись.

На цыпочках я поднялся к себе в комнату.

Там я открыл ящик письменного стола и достал скотч. Затем я обмотал лентой два яйца. Кончиком ножа я уколол указательный палец и побрызгал кровью на скорлупу яичного агрегата. Затем я положил яичную бомбу под одеяло в то место, где обычно лежал глак, а третье яйцо сунул под подушку.

Как назло в этот момент в комнате появился специалист.

— Гарольд, познакомься, — сказала миссис Фонкль. — Это доктор Бим. Доктор Циппер рекомендовал его для консультации. Он считает, что ты представляешь собой загадочный феномен и, возможно, сенсацию в медицинском мире.

Доктор Бим торжественно кивнул.

Я тоже торжественно кивнул. И задумался. Ведь если доктор Циппер был убежден, что я симулянт, зачем вызывать консультанта?

Я мысленно обратился за советом к доктору Хикхофу.

— Желаю успеха, Гарольд, — сказала миссис Фонкль. — У нас как раз середина серии. Простите, но я должна вас покинуть.

Доктор Бим вышел в туалет, вымыл руки и вернулся ко мне в комнату. Затем он натянул матерчатые перчатки.

— В жизни не видел, чтобы доктор так делал, — сказал я.

— У каждого свои манеры, — ответил доктор. — Ну что ж, приступим.

Доктор Бим обстучал меня кулаками, словно молотком.

— А теперь, — сказал он, — закройте глаза и откройте рот.

Я зажмурился и распахнул пасть.

— Когда я разрешу, — сказал доктор, — откроете глаза. Но не раньше. Высуньте язык. Господи, как он у вас обложен!

— А-а-а-а...

— Не открывайте глаз!

— Бррр!

— Закройте рот!

Мои зубы лязгнули по металлу. Во рту у меня оказалось дуло пистолета. Глаза мои широко раскрылись.

— Попрошу без шума, — сказал доктор.

Он вытащил пистолет из моего рта, но держал его наготове.

— Полагаю, — сказал я, — что имею дело с Наглем. Как вы меня выследили?

— Просмотрев все объявления о сдаче комнат в наем в день, когда вы нас покинули. А затем задавая вопросы в этом районе.

— Что ж, неглупо, — признал я.

— Спасибо, — сказал Нагль, отдавая должное моей объективности. — Как жаль, что мы не смогли прийти к цивилизованному соглашению. Мне бы хотелось, Га-

рольд, чтобы вы поняли движущую силу моих поступков. Возьмите моего отца. Всю жизнь он писал заметки и сноски, на него же за пятьдесят лет никто не сослался. Ни разу за всю карьеру он не смог сделать мирового открытия. И вдруг в один прекрасный день заявляется ваш друг Хикхоф и тащит с собой чудом сохранившееся живое яйцо глака. И во весь свой наглый голосище он спрашивает: «А ну-ка, догадайтесь, доктор Нагль, что у меня в кармане?» И вот в тот момент на закате научной жизни моего папы перед его взором замаячило Сверхшение. Уходя в вечную тень, он увидел яркий луч света.

— Я его понимаю.

— Можете ли вы понять, что означает яйцо глака для старого антрополога?

— Могу.

— Оно означает бессмертие! Впервые в жизни мой отец упал на колени. Он умолял бессердечного Хикхофа. Он просил всего-навсего половину открытия. Даже не пятьдесят один процент славы, а лишь пятьдесят процентов. Он готов был назвать глака «Открытием Хикхофа — Нагля». А Хикхоф расхохотался ему в лицо.

— Яйцо много значило для доктора Хикхофа, — сказал я.

— На папиных похоронах я поклялся, Гарольд, что память о моем отце будет основана не на уточнениях к чужим открытиям, а на настоящем глаке. И я намерен выполнить свое обещание.

— Нагль, признайтесь, — сказал я. — Действительно ли вами движет любовь к отцу или ваша собственная страсть соответствовать достижениям ваших предков?

— Вы рискуете своим скальпом!

— Простите, но я выполняю чужую волю. Вы же прочли письмо с надписью «ПЕРВОЕ»?

— Сегодня я прочту письмо с надписью «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ».

— К сожалению, второе письмо утеряно, — ответил я. — Когда я пришел в себя в больнице после того, как вы...

Нагль почесал правое ухо.

— Что ж, — сказал он, — допускаю. Впрочем, это ничего не значит. Что может быть в письме «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ», кроме рассуждений о староанглийском языке? Да и в этом, надо сказать, он ничего не смыслил.

— Постыдитесь, Нагль, — усовестил его я. — Хикхоф уже давно почил.

— Пусть «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ» горит синим пламенем. В этой жизни важно только яйцо.

— Мы сможем стать партнерами, — предложил я.

— Ха-ха! Вы опоздали, Гарольд. Я не желаю никакого партнерства. Отдайте мне открытие Нагля. И если вы посмеете усомниться в моей решительности, если вы хотя бы пикнете, то тут же присоединитесь к Хикхофу в небесном хоре с ангелами.

На вид он казался вполне приличным парнем. Лицо, как у мистера Пиквика. Совсем не похож на киллера. Да разве разберешься в людях?

— Яйцо лежит под подушкой, — сказал я.

Мне повезло.

Наглю не приходилось раньше видеть яйцо глака. Он расцвел, когда я протянул ему куриное яйцо.

Он схватил яйцо, и рука его дрожала.

— Не спешите, — предупредил я.

— Приятно было познакомиться, — сказал он, заворачивая яйцо в полотенце и кладя в саквояж. — Не исключая, что когда все это благополучно закончится, мы с вами встретимся за шахматным столиком.

— Не имею ничего против... — сказал я вслед ему.

Ба-бах!

Нечто ударило меня по затылку с такой силой, что я рухнул на кровать. В глазах у меня вращались созвездия. Я тоже вращался, но в другую сторону. Сквозь дурноту я услышал звук еще одного удара. Треск, плеск, сырость...

Я очнулся.

— Прощай, бедняжка, — сказала Цинтия, приподнимая одеяло и обозревая следы своего варварства.

— Что? Что? Что?

— Дорогой Гарольд, так должно было случиться. Любый доктор скажет тебе, что ты нуждаешься в отдыхе.

И пусть лучше этот птенец никогда не увидит белого света, даже если ему было суждено вылупиться в свободном мире, чем ты помрешь в расцвете лет.

Цинтия, разумеется, не заметила, что разбила сразу два яйца, склеенных скотчем. Она была слишком уверена в себе.

Последующие дни покатались тихо и спокойно.

Мирна заботилась о моем глаке. Цинтия владела мной без конкурентов. Нагль существовал где-то неподалеку и высиживал своего цыпленка. Миссис Фонкль избегала меня как огня. Мистер Фонкль, благополучный и сытый, как египетский король Фарук, приходил ко мне с колодой карт, и мы резались в детские игры.

Блюдя взятые на себя клятвенные обязательства и заботясь о моем спокойствии, Мирна заглядывала ко мне только для докладов о самочувствии яйца. Теперь яйцо пульсировало и издавало тонкий писк. Мирна описывала писк как звук, который издает мел на классной доске, и я думал, как был бы счастлив Хикхоф, услышав это сравнение. А может, он слышит?

Мирна согревала глака. Цинтия согревала Гарольда. В ее понимании заботы обо мне не имели ничего общего с воздержанием.

Единственное, правда, незначительное неудобство исходило от миссис Фонкль. Стараясь сохранить честь своих дочерей, отвратить меня от их прелестных губок, она потчевала девушек чесноком и другими вонючими яствами, так что мне в противовес этому приходилось подкармливать их мятными таблетками.

Настал солнечный март.

С окон стояли ледяные узоры, на телефонных проводах пели птички. Пришла пора менять обстановку.

С Цинтией я расстался так легко, что даже стало обидно. Как раз на той неделе она встретила педикюриста из хорошей семьи, так что на процедуру расставания она явилась с вязанием в руках. В грустной атмосфере надвигающейся разлуки она вязала свитер для педикюриста.

— Меня вызывают в Центр, — сообщил я, — где строго накажут.

— Ну, уж и накажут!

— Ты права. Все это пустяки. Они ограничатся строгим выговором.

Предстоящее наказание еще больше отделило от меня Цинтию. Честно говоря, после того как она разбила яйцо, ее отношение ко мне изменилось к худшему. Полагаю, она презирала меня за то, что я не нашел в себе сил самому расколотить глака. Но кто сможет заглянуть в глубины женского сердца! Во время нашей последней беседы она сравнивала меня с педикюристом, и сравнение вышло не в мою пользу. Новая метла лучше метет.

— Давай не будем растягивать страдания, — сказал я. — Я навсегда запомню тебя и общение, в котором ты мне столько дала.

Цинтия уронила спицу, но подхватила ее на лету. Наша близость обострила ее рефлексy.

Куда труднее оказалось расстаться с Мирной.

— Я знаю, что тебе надо уезжать, — сказала она. — Я все понимаю и не буду устраивать сцен. Ты намерен возвратиться?

— Моя жизнь — сплошной вопросительный знак, — честно признался я. — Что я могу тебе ответить?

— Мне будет одиноко без вас обоих.

— Я буду помнить о тебе. До конца моих дней.

— Сообщи мне, когда он выведется. Ничего особенного не пиши — просто брось в почтовый ящик открытку.

Миссис Фонкль, поглощенная благотворительной деятельностью, нежно со мной попрощалась. Ни на секунду она не потеряла чувства собственного достоинства и хороших манер. Гордая женщина!

Воздух источал тепло, когда я покинул дом Фонклей.

В руках я нес новый чемодан, пухлый и крепкий, как у вице-президента небольшого банка, глаку было в нем просторно и уютно. Яйцо росло с каждым часом и готово было лопнуть.

Все Фонкли выстроились перед подъездом, когда я залезал в такси.

Я помахал им и пожелал счастья.

Чувства переполняли меня, из глаз сочились скупые слезы. Фонкли были так добры ко мне и к моему имуществу!

Мы живем во времена сокращающихся расстояний между географическими пунктами, хотя на человеческие отношения это не распространяется. Вы можете добраться самолетом и на автобусе из Утики в штате Нью-Йорк до Лабрадора за 120 долларов и 35 центов. Простота этих слов меня потрясает. От Утики до Лабрадора! Оказывается, я жил на расстоянии нескольких часов пути от конца света.

Чтобы достичь Лабрадора, вам надо сначала посетить бюро путешествий. Вы сообщаете агенту, что намерены посетить Лабрадор. Он и глазом не моргнет. Только спросит:

— Какое место на Лабрадоре вас интересует? Гусиная бухта?

— Нет, — отвечает вы, потому что уже ознакомились с картами полуострова. — Пожалуй, меня больше интересуют горы Мили.

— К горам Мили у нас есть специальный маршрут. Со скидкой.

— Но не исключено, что я предпочту поселок Инукд-жуак, озеро Каниописко, Пост де ла Бален, фиорд Начвак, горы Торнегат и, возможно, бухту Риголет. Я еще окончательно не решил.

— Советую начать с Гусиной бухты, — сказал агент. — Оттуда вы доберетесь куда угодно.

— А доберусь ли я оттуда до форта Кангалакксиорвик?

— За Торнегатскими горами? Ну, разумеется!

Интуиция подсказала мне, что глаку лучше всего появиться на свет в окрестностях форта Кангалакксиорвик. Конечно, глак мог претендовать на канадское гражданство и не забираясь в такую глухомань, но мне нравилось сочетание звуков в слове Кангалакксиорвик.

— Вам предстоит увлекательное путешествие, — сообщил агент. — Автобус компании «Грейхаунд» отправляется в 10.50 утра и прибывает в Сиракузы в 12.05 пополудни. Ваш самолет покидает Сиракузы в 2.30 пополудни и приземляется в Монреале в 10.20 вечера. Вы сможете перекусить, сходить в кино. В 4.00 утра вы летите дальше на «Эйр Канада». Самолет опускается в Гусиной бухте в 7.20 утра. Вам придется заплатить, учитывая скидку, 120 долларов 35 центов, а также небольшой налог.

— И что же дальше?

— А дальше вы ходите по Гусиной бухте и спрашиваете, кто вас подкинет на самолете до Кангалаксиорвика. Торнегатские горы чудесно смотрятся в это время года!

По настоянию агента я застраховал свою жизнь на десять тысяч долларов и завещал страховку Мирне и Цинтии в равных долях. Добрые девушки это заслужили.

В конце концов с чемоданом в руке и письмом Хикхофа в кармане я направился к терминалу. Когда завершаешь великое дело, все вокруг видится в розовом свете.

Для меня есть нечто сексуальное в поездке на автобусе. С детства я чувствую любую вибрацию, поэтому в автобусе я особенным образом засыпал, чтобы увидеть один и тот же сон. Во сне я плыву в ванночке по серебряному пруду. Пруд этот населен удивительными разноцветными существами, которые выделяют разные штуки, чтобы меня развлечь. Я мечтал о новой встрече с этим сном, как ждут свидания с близким другом.

На этот раз мой автобусный сон вернулся вновь и включил в себя глака. Каждый раз, когда автобус подпрыгивал на бугре или тормозил на крутом повороте, из пруда выскакивала трехголовая ящерица, которая норовила лизнуть меня в нос. Наконец тройная ухмылка меня разбудила, и я кинулся проверять, как там мое яйцо. Глак был жив и здоров. Убедившись в этом, я поспешил заснуть, чтобы досмотреть сон.

Автобус не опоздал на аэродром, а самолет успел к пересадке на канадские авиалинии.

Я беспокоился, захочет ли глак летать на самолете, но яйцо совершенно равнодушно отнеслось к этому путешествию и лишь пару раз вздрогнуло на взлете.

Самолет был не полон, потому я положил коробку с яйцом на сидение рядом с собой и откинулся в кресле. На сладкий автобусный сон я не рассчитывал, потому что в самолетах мне снятся только крушения.

В плотных облаках над восточной Канадой мне было не до сна.

За моей спиной восседала пара, путешествующая по всему миру. Я обратил внимание, насколько густо их чемоданы были обклеены наклейками. На пути к Лабрадору, невольно подслушав их беседу, я узнал, что они находятся в кризисе: после Саскачевана им будет некуда лететь — они везде уже побывали.

— Погляди, что написано мелким шрифтом, — слышал я голос супруга. — Здесь написано, что путешественник по имени Бьярни открыл Лабрадор в 986 году. Ты только представь себе! Его отца звали Херьюлфом, и он продал свою ладью Лейфу Эрикссону, который впоследствии плавал на такой же ладье.

— Как они много знают!

— Для этого и составляются путеводители. Кстати, Лабрадор назывался Хеллюландом, то есть Каменной землей.

— Не может быть!

— И по сей день основными статьями добычи являются меха и рыбпродукты.

— О!

Лабрадор оказался куда приятнее, чем я предполагал. Вокруг росли деревья, и путеводитель отмечал среди них сосну, ель, лиственницу, березу, тополь, не говоря уж о мхах и лишайниках, азалях, незабудках, лесных фиалках и подснежниках. В этих лесах и на равнинах водились цикады, гуси, утки, лемминги, рыси, волки, выдры, лисицы, тюлени, медведи, совы, чайки и даже патагонские рябчики. Среди животного и растительного мира там сохранились несколько эскимосов, которых не успели пристрелить рыбаки, а кроме них остатки индей-

цев, англичане и шотландцы. Что ж, неплохая компания для моей птички. Жизнь кипит, возникают конфликты и разного рода отношения.

Утро выдалось туманным.

Хеллюланд, или Каменная земля, богатая рыбой, мехами и так далее, раскинулась под нами, как мохнатое одеяло. Наш самолет пошел на посадку. Я не видел ни тюленей, ни подснежников — лишь столбы дыма и посадочные огни аэродрома Гусиной бухты. Не удивительно, что Бьярни решил здесь высадиться со своей ладьи.

— Ты уверен, дорогой, что мы здесь еще не были? — спросила леди-путешественница.

— Странно, мне тоже кажется, что я это уже видел.

Ты все уже видел в своем подсознании. Для тебя нет разницы между Пекином и Саскачеваном.

Может быть, Гусиная бухта и чудесное место. Не знаю, не рассматривал. Я проверил состояние яйца в мужском туалете аэропорта. По скорлупе протянулась трещина.

Но не такая, как показывают в телерепортажах о сицилийских землетрясениях. Скорее она напоминала приклеившийся волосок. Но сомнений не оставалось... Впрочем, для роженицы без всякого жизненного опыта я действовал не худшим образом.

Я кинулся на первого же аэродромного служащего, которого увидел в зале, и завопил, что готов заплатить любые деньги за самолет до Кангалакксиорвика.

— Любые деньги не понадобятся, — ответил служащий. — Рейс туда скоро отправляется. Имя пилота Ле Гранф. Он как раз допивает кофе в кафетерии. Вам его не пропустить. Потому что он очень громоздок. К тому же у него одной руки не хватает.

Я отыскал Ле Гранфа в кафетерии. И в самом деле, упустить его было невозможно. Его куртка была сшита из красных и черных квадратов, и больше всего он напоминал фантастическую шахматную доску. И сам он был сложен из кубов и кубиков. Кубическим были голова, грудь, брюхо и даже ноги. В единственной ручище он держал чашку с кофе.

— Я имею честь видеть мистера Ле Гранфа? — спросил я.

— Уиии, — пропел он. — А кто ты — Квазимодо, горбун собора Нотр-Дам?

— Я — Гарольд Норт.

— О какая новость! Виват, Квебек либре!

Он не имел права так обращаться с фонетикой английского языка. Все дифтонги он превращал в монофтонги. Доктор Хикхоф убил бы его на месте.

Но у него был самолет.

— Мне сказали, что вы пилотируете самолет до Кангалакксиорвика?

— Это мозоль на теле Земли.

— Мне надо туда попасть.

— Зачем? Охотиться на тююлень?

— Это мои проблемы.

— Ви прав, но странно этот паник на Кангалакксиорвик. У меня есть эн пассажир в этот забытое место. Это вам обойдется в сто долларов.

— Договорились.

— Я допью эти помои, и мы летим.

Ле Гранф влил в себя полчашки кофе, и мы вышли. Мы добрались до ангара, перед которым стояло нечто, схожее с аэропланом.

— Знакомьтесь: Кларетта, старая шлюха, — сказал Ле Гранф. — Мой ползучий экспресс. Ви уже передумал?

— Нет.

— Как глупо. Наш второй пассажир еще не здесь. Лезьте внутрь, будем его ждать.

Мы забрались в чрево Кларетты. В нем размещалось четыре сиденья — два спереди для пилотов, два сзади для пассажиров.

— У Кларетты ужасный кашель, — сказал Ле Гранф. — Беспокоюсь за ее бронхи.

Он нажал на кнопку, и пропеллер совершил медленный оборот. Клубы дыма вырвались из носа Кларетты. Самолет закашлялся.

— Пфью! Не хорошо.

Но я его уже не слушал, потому что появился второй пассажир. Это был Нагль с саквояжем.

Мы уперлись друг в друга злобными взглядами и одновременно издали звук закрывающихся со скрипом дверей.

— Старые знакомые, — догадался Ле Гранф. — Друзья будут вспоминать минувшие дни.

Нагль увидел мой чемодан и поставил свой саквояж рядом с ним.

— Вы вооружены? — спросил я.

— Не надо глупый личный шуток, — сказал Ле Гранф.

— Я не с вами разговариваю, — отрезал я.

— О да!

— Конечно, у меня нет оружия, — откликнулся Нагль. — А что ты здесь делаешь, Гарольд?

— То же, что и ты. Совершенно то же.

— Но у меня с собой яйцо, — ответил Нагль.

— Куриное яйцо.

— Я отдаю должное твоему упрямству, Гарольд, — сказал Нагль. — Бороться и искать, найти и не сдаваться.

— У тебя куриное яйцо, Нагль.

— Конечно, конечно, Гарольд, я же с тобой не спорю.

— Где есть цып-цыпленочек? — воскликнул Ле Гранф. — Включайте меня в ваш смешной разговор.

— Расскажи ему всю правду, — попросил я Нагля.

Ле Гранф высунулся в окошко и крикнул диспетчеру, что мы готовы к взлету.

Кларетта одолела свой бронхит, и мы медленно покатились к взлетной полосе.

— Она поднимайся — нам будет весело!

Пока мы набирали высоту, Нагль поведал пилоту свою версию истории глака. Должен признать, что он не передегивал и со своей точки зрения был объективен.

— Бон! — воскликнул Ле Гранф. — Теперь один имеет курочка, а один глака. Шарман!

Мне стало дурно. Судороги сотрясали мои конечности, в глазах вспыхивали искры. Меня посетило озарение — именно этому меня учил Хикхоф. У меня начинаются родовые схватки!

Подобное состояние известно психиатрам и акушерам. Эмоциональные натуры вроде меня переживают рождение наследника, словно рожают его на самом деле.

— Итак, — произнес Ле Гранф, — кто из вас, папа, есть настоящий папа? Какой нормальный человек будет совокуплять себя с пернатой маман?

— Никто не совокуплялся с пернатой маман! — отрезал я.

— Любовь не знает правил и границ, — сказал пилот. — Но с птицей! Это есть запредел!

— Занимайтесь своим делом, — прервал я его излияния. — А то мы грохнемся с высоты.

Схватки меня терзали так, что я вдвое согнулся от боли.

Ле Гранф достал бутылку коньяка и пустил ее по кругу.

— Я слышал много чудесных фабли под светом Полярной звезды, но клянусь, что мне не приходило еще встречать двух кавалеров, влюбленных в одну и ту же голубку.

— Не обращай внимания, — сказал Нагль. — Он — сексуальный маньяк.

— Скажи мне, — простонал я, — что заставило тебя выбрать именно Кангалакксиорвик?

— Созвучие «галакк», которое звучит почти как «глак».

— Я об этом не подумал.

— А ты преследовал меня до самого фиорда, только чтобы расстроить меня сказкой о курице и ее яйце? Я ожидал, что ты выложишь козырную карту. И не удивлюсь, если ты намерен пришибить меня, как только мы останемся в одиночестве в тех диких местах.

— Я за тобой следил? Я тебя преследовал? Но ведь я тебе уже сказал, что ты скоро увидишь, как из твоего яйца вылупится обычный цыпленок. Ничего похожего на глака.

— Гарольд, — торжественно произнес Нагль. — Хотел бы я найти на этом свете такого же верного и преданного друга, какого нашел Хикхоф в твоём лице.

Подпрыгивая в облаках, Кларетта несла нас над снежными ледниками в царство вечной зимы, к айсбергам и торосам.

Мы с Наглем замолкли. Мучаясь родовыми схватками, я размышлял, не мог ли Хикхоф быть причастным

к моей беременности? Может быть, именно сейчас там, в небесах, Хикхоф тоже мучается от родовых схваток? Что есть глак для него? Сын? Дочь? Некий трансцендентальный продукт постоянной интеллектуальной беременности моего друга?

Ле Гранф распевал неприличные песни об оленях карibu и белых зайцах. Его песни помогали скоротать полет.

— Ну и ветерок на земле, — сообщил пилот. — Посмотрите вниз. Ничего не видно.

Кларетта снизилась, и Ле Гранф принялся искать место для посадки.

Наконец он зашел слева от заснеженного, затянутого метелью поселка.

Мы с Наглем схватились за свой багаж.

Мы испытывали стыд и раскаяние.

— Нагль, — произнес я. — Мне тебя жалко. Вскоре ты завязнешь в снегу по самые уши и обнаружишь, что у тебя в руках желтый пушистый цыпленок. Только и всего. Ей-богу, не стоило ради него лететь почти до северного полюса.

— Право же, Гарольд, ты в самом деле не оставил мысли пришибить меня?

— Я не намерен прибегать к насилию. Насилие уже свершилось.

Наконец Ле Гранф отыскал ровное местечко на поляне в тайге и мастерски посадил Кларетту.

Мы договорились, что он будет нас ждать.

Яйцо Нагля готово было треснуть и дать жизнь цыпленку.

Нам обоим оставалось быть беременными не более нескольких минут.

Оказавшись на морозе, мы обмотали лица шарфами и потащили багаж под сень деревьев.

— Вот здесь! — произнес я.

Подобно дуэлянтам, мы замерли возле наших чемоданов. Наклонились и вытащили яйца на свет.

Глак был горячим, как вскипевший чайник. Множество трещин пересекали скорлупу яйца, как паутина.

Ле Гранф остался у самолета и из деликатности не приближался. Он понимал, насколько мы серьезны, и напевал свадебный марш Мендельсона.

Яйцо расколосось в моих руках.

Оказалось, что я держу нечто моргающее, лохматое, с торчалками вместо крыльев, из-под которых свисали желтые ноги.

— Привет, глак, — сказал я.

— Привет, глак, — сказал Нагль своему махонькому цыпленку.

Вы, наверное, думаете, что мои теплые нежные руки, что мое горячее сердце что-то означали для глака, которому еще отроду и минуты не исполнилось?

Ничего подобного. Он рвался из рук, стараясь сбежать, и злобно глядел на меня, словно я был настоящим нацистом.

Я осторожно опустил птенца на промерзший мох. Птенец сделал то, что и положено было сделать. Он шагнул вперед, запутался в своих ногах, упал, кое-как поднялся, захлопал будущими крыльями и явственно произнес:

— Глак... глак!

— Чи-чи-чи, — запищал цыпленок Нагля.

И Нагль удивленно произнес:

— Вы слышали?

Я не обращал на него внимания. Мой глак, единственный в мире глак, начал исследовать окружающий мир. Он сделал несколько неуверенных шагов к лесу, потом остановился.

— Вернись ко мне, глак, — позвал я птицу.

— Глак, — ответил он мне.

— Чи-чи-чи, — пропищал цыпленок.

Но глак даже не обернулся. Он ковылял к лесу.

Я последовал было за ним, но потом остановился. Здесь, на Каменной земле, я словно слышал слова мисс Эльзы Муниш о любви без обладания.

Итак, я остался без глака.

Глак остался без меня.

Каждый сам по себе. Бедный глак. Вот он стремится к лесу, чтобы отыскать там себе подобных. Но есть ли там

другие, подобные ему? Отыщет ли он их? Не совершили ли мы акт милосердия ради жесточайшей жестокости?

— Прощай, мой глак, — услышал я слова Нагля.

Его цыпленок тоже отправился в путешествие. Нагль принялся щелкать камерой, чтобы оставить кадры для вечности. Мне же не было дела до вечности, к тому же Хикхоф ни слова не написал о «поляроиде».

— Глак, — рявкнул мой птенец.

К нему ковылял цыпленок.

И вот два новорожденных встретились.

Глак и цыпленок некоторое время играли в гляделки, видно, понравились друг другу, кинули взгляд на Лабрадор и плечо к плечу отправились в первобытный лес.

— Глак и цыпленок, — произнес я, глядя, как Нагль сматывает пленку в камере. — Ничего себе компания. Что ж, глаки так легко не сдаются. Не исключено, что в снегу вспыхнет надежда для моего любимца.

Итак, птицы ушли.

Что я мог сказать? Что я мог посоветовать младенцу? Мог ли попросить его послать крестному открытку на Рождество? Ничего я не мог попросить. Ведь даже только что рожденный птенец во всем уже равен человеческому подростку.

Нам нечего сказать друг другу.

— Бегите обратно, психи, — крикнул нам Ле Гранф. — Из Кларетты течет масло.

Оставаясь воспитанными людьми, мы с Наглем задержались у двери самолета, уступая друг другу дорогу.

Мы были подавлены.

Ле Гранф завел мотор.

— Стойте! — закричал я, выскакивая из самолета и мчась к тому месту, где на снегу лежали обломки скорлупок, как остатки погубленных ядерными взрывами планет. Я вытащил из кармана маленького Хикхофа и поставил на снег лицом к лесу.

— Идиот! — кричал мне Ле Гранф. — Назад!

В Гусиной бухте я сказал Ле Гранфу.

— Месье, вы — жертва аборта!

Пилот смотрел на меня в изумлении.

— Ты — Лаваль, предатель французского народа, никудышный летчик на вонючем самолетике!

Тут он как следует стукнул меня по голове.

Мне было стыдно так обращаться с Ле Гранфом, но мне требовалась встряска. После того, как меня стукнули, я почувствовал себя лучше.

Нагль помог мне подняться.

— Нагль, что ты намерен делать? — спросил я. — Вот мне бы хотелось отправиться немедленно в такое место, где растут ананасы, где солнце размером больше обеденного подноса, где во рту не исчезает привкус соленой воды.

Сказав так, я отправился на телеграф и отстучал такое послание:

ЭЛЬЗЕ МУНИШ СИРАКУЗЫ НЬЮ ЙОРК ПРЕДЛАГАЮ ОТДЫХ В ИЗЫСКАННОМ КЛИМАТЕ ТЧК ОПЛАЧИВАЮ ВСЕ РАСХОДЫ ТЧК СООБЩИ ГДЕ КОГДА ВСТРЕЧАТЬ ТЧК ЛЮБЛЮ ТЧК ГАРОЛЬД НОРТ

Отправив телеграмму, я пошел с Наглем выпить по одной на прощание.

Пока мы ждали выпивку, я извинился, уединился в мужском сортире и там, под голой лампочкой, прочел письмо «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ».

«Дорогой Гарольд!

Храни тебя небо. Спасибо за все, в конверте ты найдешь чек на 1000 долларов. Пиши стихи.

Ниже привожу мой собственный рецепт жареного глака.

Ощипанного и выпотрошенного глака положи на сковородку, смажь сливочным маслом и положи на него несколько долек апельсина. Посыпь чесночной солью, не забудь добавить перца по вкусу, добавь нарезанной ломтиками картошки и луковицу. Предварительно разогрей духовку до 450 градусов. Готовь тридцать минут. Подавать горячим. Запивать предлагаю Гумпольдскиршнером урожая 59 года.

*С наилучшими пожеланиями,
Дэвид Хикхоф».*

— Ах, как это было вкусно! — закричал я. — У тебя жестокое чувство юмора, старина!

И я знаю, что теперь доктор Хикхоф, сокровищница мозгов, жонглер противоречиями, беспокойное привидение, наконец-то успокоился.

Итак, я перешел в период послеродового выздоровления, характерного повышенным настроением. Так начинается жизнь после родов.

Клиффорд Саймак ДЕНЕЖНОЕ ДЕРЕВО

1

Чак Дойл шел вдоль высокой кирпичной стены, отделившей городской дом Дж. Говарда Меткалфа от пошлой действительности, и вдруг увидел, как через стену перелетела двадцатидолларовая бумажка.

Учтите, что Дойл не из тех, кто хлопает ушами, — он себе клыки обломал в этом грубом мире. И хоть никто не скажет, что Дойл семи пядей во лбу, дураком его тоже считать не стоит. Поэтому не удивительно, что, увидев деньги посреди улицы, он их очень быстро подобрал.

Он оглянулся, чтобы проверить, не следят ли за ним. Может, кто-то решил подшутить таким образом или, что еще хуже, отобрать деньги?

Но вряд ли за ним следили: в этой части города каждый занимался своим делом и принимал все меры к тому, чтобы остальные занимались тем же, чему в большинстве случаев помогали высокие стены. И улица, на которой Дойл намеревался присвоить банкноту, была, по совести говоря, даже не улицей, а глухим переулком, отделяющим кирпичную стену резиденции Меткалфа от изгороди банкира Дж. С. Грегга. Дойл поставил там свою машину, потому что на бульваре, куда выходили фасады домов, не было свободного места.

Никого не обнаружив, Дойл поставил на землю фотоаппараты и погнался за бумажкой, плывущей над переулком. Он схватил ее с резвостью кошки, ловящей мышь, и вот именно тогда-то он и заметил, что это не какой-нибудь доллар и даже не пятидолларовик, а самые настоящие двадцать долларов. Бумажка похрустывала — она была такой новенькой, что еще блестела, и, держа ее нежно

кончиками пальцев, Дойл решил отправиться к Бенни и совершить одно или несколько возлияний, чтобы отметить колоссальное везение.

Легкий ветерок проносился по переулку, и листва немногих деревьев, что росли в нем, вкупе с листвой многочисленных деревьев, что росли за заборами и оградами на подстриженных лужайках, шумела, как приглушенный симфонический оркестр. Яркое светило солнце, и не было никакого намека на дождь, и воздух был чист и свеж, и мир был удивительно хорош. И с каждым моментом становился все лучше.

Потому что через стену резиденции Меткалфа вслед за первой бумажкой, весело танцуя по ветру, перелетели и другие.

Дойл увидел их, и на миг его словно парализовало, глаза вылезли из орбит, и у него перехватило дыхание. Но в следующий момент он уже начал хватать бумажки обеими руками, набивая ими карманы, задыхаясь от страха, что какая-нибудь из банкнот может улететь. Он был во власти убеждения, что, как только он подберет эти деньги, ему надо бежать отсюда со всех ног.

Он знал, что деньги кому-то принадлежат, и был уверен, что даже на этой улице не найдется человека, настолько презирающего бумажные купюры, что он позволит им улететь и не попытается задержать их.

Так что он собрал деньги и, убедившись, что не упустил ни одной бумажки, бросился к своей машине.

Через несколько кварталов, в укромном месте он остановил машину на обочине, опустошил карманы, разглаживая банкноты и складывая их в ровные стопки на сиденье. Их оказалось куда больше, чем он предполагал.

Тяжело дыша, Дойл поднял пачку — пересчитать деньги, и заметил, что из нее что-то торчит. Он попытался щелчком сбить это нечто, но оно осталось на месте. Казалось, оно приклеено к одной из банкнот. Он дернул, и банкнота вылезла из пачки.

Это был черешок, такой же, как у яблока или вишни, черешок, крепко и естественно приросший к углу двадцатидолларовой бумажки.

Он бросил пачку на сиденье, поднял банкноту за черешок, и ему стало ясно, что совсем недавно черешок был прикреплен к ветке.

Дойл тихо присвистнул.

«Денежное дерево», — подумал он.

Но денежных деревьев не бывает. Никогда не было денежных деревьев. И никогда не будет денежных деревьев.

— Мне мерещится чертовщина, — сказал Дойл, — а ведь я уже несколько часов капли в рот не брал.

Ему достаточно было закрыть глаза — и вот оно, могучее дерево с толстым стволом, высокое, прямое, с раскидистыми ветвями, с множеством листьев. И каждый лист — двадцатидолларовая бумажка. Ветер играет листьями и рождает денежную музыку, а человек может лежать в тени этого дерева и ни о чем не заботиться, только подбирать падающие листья и класть их в карманы.

Он потянул за черешок, но тот не отдирался от бумажки. Тогда Дойл аккуратно сложил банкноту и сунул ее в часовой кармашек брюк. Потом подобрал остальные деньги и, не считая, сунул их в другой карман.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни. Бенни протирает стойку. Единственный одинокий посетитель сидел в дальнем углу бара, посасывая пиво.

— Бутылку и рюмку, — сказал Дойл.

— Покажи наличные, — сказал Бенни.

Дойл дал ему одну из двадцатидолларовых бумажек. Она была такой новенькой, что хруст ее громом прозвучал в тишине бара. Бенни очень внимательно оглядел ее.

— Кто это их тебе делает? — спросил он.

— Никто, — сказал Дойл, — я их на улице подбираю.

Бенни передал ему бутылку и рюмку.

— Кончил работу? Или только начинаешь?

— Кончил, — сказал Дойл. — Я снимал старика Дж. Говарда Меткалфа. Один журнал заказал его портрет.

— Этого гангстера?

— Он теперь не гангстер. Он уже лет пять-шесть как легальный. Он магнат.

— Ты хочешь сказать «богач». Чем он теперь занимается?

— Не знаю. Но чем бы ни занимался, живет неплохо. У него приличная хижинка на холме. А сам-то он — глядеть не на что.

— Не понимаю, чего в нем нашел твой журнал?

— Может быть, они хотят напечатать рассказ о том, как выгодно быть честным человеком.

Дойл наполнил рюмку.

— Мне-то что, — сказал он философски. — Если мне заплатят, я и червяка сфотографирую.

— Кому нужен портрет червяка?

— Мало ли психов на свете! — сказал Дойл. — Может, кому-нибудь и понадобится. Я вопросов не задаю. Людям нужны снимки, и я их делаю. И пока мне за них платят, все в порядке.

Дойл с удовольствием допил и налил снова.

— Бенни, — спросил он, — ты когда-нибудь слышал, чтобы деньги росли на дереве?

— Ты ошибся, — сказал Бенни, — деньги растут на кустах.

— Если могут на кустах, то могут и на деревьях. Ведь что такое куст? Маленькое дерево.

— Ну уж нет, — возразил Бенни, малость смутившись. — Ведь на самом деле деньги и на кустах не растут. Просто поговорка такая.

Зазвонил телефон, и Бенни подошел к нему.

— Это тебя, — сказал он.

— Кто бы мог догадаться, что я здесь? — удивился Дойл.

Он взял бутылку и пошел вдоль стойки к телефону.

— Ну, — сказал он в трубку, — вы меня звали, говорите.

— Это Джейк.

— Сейчас ты скажешь, что у тебя для меня работа. И что ты мне дня через два заплатишь. Сколько, ты думаешь, я буду на тебя работать бесплатно?

— Если ты это для меня сделаешь, Чак, я тебе все заплачу. И не только за это, но и за все, что ты делал рань-

ше. Сейчас мне нужна твоя помощь. Понимаешь, машина слетела с дороги и попала прямо в озеро, и страховая компания уверяет...

— Где теперь машина?

— Все еще в озере. Они ее вытащат не сегодня-завтра, а мне нужны снимки...

— Может, ты хочешь, чтобы я забрался в озеро и снимал под водой?

— Именно так. Я понимаю, что это нелегко. Но я достану водолазный костюм и все устрою. Я бы тебя не просил, но ты единственный человек...

— Не буду я этого делать, — уверенно сказал Дойл, — у меня слишком хрупкое здоровье. Если я промокну, то схвачу воспаление легких и у меня разболются зубы, а кроме того, у меня аллергия к водорослям, а озеро почти наверняка полно кувшинок и всякой травы.

— Я тебе заплачу вдвойне! — в отчаянии вопил Джейк. — Я тебе даже втройне заплачу!

— Знаю, — сказал Дойл, — ты мне ничего не заплатишь.

Он повесил трубку и, не выпуская из рук бутылки, вернулся на старое место.

— Тоже мне, — сказал он, выпив две рюмки подряд, — чертов способ зарабатывать себе на жизнь.

— Все способы чертовы, — сказал Бенни философски.

— Послушай, Бенни, та бумажка, которую я тебе дал, она в порядке?

— А что?

— Да нет, просто ты похрустел ею.

— Я всегда так делаю. Клиенты это любят.

И он машинально протер стойку снова, хотя та была чиста и суха.

— Я в них разбираюсь не хуже банкира, — сказал он. — Я фальшивку за пятьдесят шагов учую. Некоторые умники приходят сбывать свой товар в бар, думают, что это самое подходящее место. Надо быть начеку.

— Ловишь их?

— Иногда. Не часто. Вчера здесь один рассказывал, что теперь до черта фальшивых денег, которые даже экс-

перт не отличит. Рассказывал, что правительство с ума сходит — появляются деньги с одинаковыми номерами. Ведь на каждой бумажке свой номер. А когда на двух одинаковый, значит, одна из бумажек фальшивая.

Дойл выпил еще и вернул бутылку.

— Мне пора, — объявил он. — Я сказал Мейбл, что загляну. Она у меня не любит, когда я накачиваюсь.

— Не понимаю, чего Мейбл с тобой возится, — сказал Бенни. — Работа у нее в ресторане хорошая, столько ребят вокруг. Некоторые и не пьют, и работают всю...

— Ни у кого из них нет такой души, как у меня, — сказал Дойл. — Ни один из этих механиков и шоферов не отличит закат солнца от яичницы.

Бенни дал ему сдачи с двадцати долларов.

— Я вижу, ты со своей души имеешь, — сказал он.

— А почему бы и нет! — ответил Дойл. — Само собой разумеется.

Он собрал сдачу и вышел на улицу.

Мейбл ждала его, и в этом не было ничего удивительного. Всегда с ним что-нибудь случалось, и он всегда опаздывал, и она уже привыкла ждать.

Она сидела за столиком. Дойл поцеловал ее и сел напротив. В ресторане было пусто, если не считать новой официантки, которая убирала со стола в другом конце зала.

— Со мной сегодня приключилась удивительная штука, — сказал Дойл.

— Надеюсь, приятная? — спросила Мейбл.

— Не знаю еще, — ответил Дойл. — Может быть, и приятная. С другой стороны, я, может, хлебу горя.

Он залез в часовой кармашек, достал банкноту, расправил ее, разгладил и положил на стол.

— Что это такое? — спросил он.

— Зачем спрашивать, Чак? Это двадцать долларов.

— А теперь посмотри внимательно на уголок.

Она посмотрела и удивилась.

— Смотри-ка, черешок! — воскликнула она. — Совсем как у яблока. И приклеен к бумаге.

— Эти деньги с денежного дерева, — сказал Дойл.

— Таких не бывает, — сказала Мейбл.

— Бывает, — сказал Дойл, сам все более убеждаясь в этом. — Одно из них растет в саду Дж. Говарда Меткалфа. Отсюда у него и деньги. Я раньше никак не мог понять, как эти боссы умудряются жить в больших домах, ездить на автомобилях длиной в квартал и так далее. Ведь чтобы заработать на это, им пришлось бы всю жизнь вкалывать. Могу поспорить, что у каждого из них во дворе растет денежное дерево. И они держат это в секрете. Только вот сегодня Меткалф забыл с утра собрать спелые деньги, и их сдуло с дерева через забор.

— Но даже если бы денежные деревья существовали, — не сдавалась Мейбл, — боссы не смогли бы сохранить все в секрете. Кто-нибудь да дознался бы. У них же есть слуги, а слуги...

— Я догадался, — перебил ее Дойл. — Я об этом думал и знаю, как это делается. В этих домах не простые слуги. Каждый из них служит семье много лет, и они очень преданные. И знаешь, почему они преданные? Потому что им тоже достается кое-что с этих денежных деревьев. Могу поклясться, что они держат язык за зубами, а когда уходят в отставку, сами живут как богачи. Им невыгодно болтать. И, кстати, если бы всем этим миллионерам нечего было скрывать, к чему бы им окружать свои дома такими высокими заборами?

— Ну, они ведь устраивают в садах приемы, — возразила Мейбл. — Я всегда об этом читаю в светской хронике.

— А ты когда-нибудь была на таком приеме?

— Нет, конечно.

— То-то и оно, что не была. У тебя нет своего денежного дерева. И они приглашают только своих, только тех, у кого тоже есть денежные деревья. Почему, ты думаешь, богачи задирают нос и не хотят иметь дела с простыми смертными?

— Ну, ладно, нам-то что до этого?

— Мейбл, смогла бы ты мне найти мешок из-под сахара или что-нибудь вроде этого?

— У нас их в кладовке сколько угодно. Могу принести.

— И, пожалуйста, вдень в него резинку, чтобы я мог

потянуть за нее и мешок бы закрылся. А то, если придется бежать, деньги могут...

— Чак, ты не посмеешь...

— Как раз перед стеной стоит дерево. И один сук навис над ней. Так что я могу привязать веревку...

— И не думай. Они тебя поймают.

— Ну, это мы посмотрим после того, как ты достанешь мешок. А я пока пойду поищу веревку.

— Но все магазины уже закрыты. Где ты достанешь веревку?

— Это уж мое дело, — сказал Дойл.

— Тебе придется отвезти меня домой. Здесь я не смогу переделать мешок.

— Как только вернусь с веревкой.

— Чак!

— А?

— А это не воровство? С денежным деревом?

— Нет. Если даже у Меткалфа и есть денежное дерево, он не имеет никаких прав держать его в саду. Дерево общее. Больше, чем общее. Какое у него право собирать все деньги с дерева и ни с кем не делиться?

— А тебя не поймают за то, что ты делаешь фальшивые деньги?

— Какие же это фальшивки? — возмутился Дойл. — Никто их не делает. Там же нет ни прессы, ни печатной машины. Деньги сами по себе растут на дереве.

Она перегнулась через стол и прошептала:

— Чак, это так невероятно! Разве могут деньги расти на дереве?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Дойл. — Я не ученый, но скажу тебе, что эти ботаники научились делать удивительные вещи. Ты про Бербанка слыхала? Он выращивал такие растения, что на них росло все, что ему хотелось. Они умеют выращивать совсем новые плоды, менять их размер и вкус и так далее. Так что, если кому-нибудь из них пришло бы в голову вывести денежное дерево, для него это пара пустяков.

Мейбл поднялся из-за стола.

— Я пойду за мешком, — сказала она.

Дойл забрался на дерево, которое росло в переулке у самой стены.

Он поднял голову и посмотрел на светлые, освещенные луной облака. Через минуту или две облако побольше закроет луну, и тогда надо будет спрыгнуть в сад.

Дойл посмотрел туда. В саду росло несколько деревьев, но отсюда нельзя было разобрать, какое из них было денежным. Правда, Дойлу показалось, что одно из них похрустывает листьями.

Он проверил веревку, которую держал в руке, мешок, заткнутый за пояс, и стал ждать, пока облако закроет луну.

Дом был тих и темен, и только в комнатах верхнего этажа поблескивал свет. Ночь, если не считать шороха листьев, тоже была тихой.

Край облака начал вгрызаться в луну, и Дойл пополз на четвереньках по толстому суку. Потом привязал веревку и опустил ее конец.

Проделав все это, он замер на секунду, прислушиваясь и приглядываясь к тихому саду.

Никого не было.

Он соскользнул вниз по веревке и побежал к дереву, листья которого, как ему казалось, похрустывали.

Осторожно поднял руку.

Листья были размером и формой с двадцатидолларовые банкноты. Он сорвал с пояса мешок и сунул в него пригоршню листьев. И еще, и еще...

«Как просто! — сказал он себе. — Как сливы. Будто бы я собираю сливы. Так же просто как собирать... Мне нужно всего пять минут, — говорил он себе. — И все. Чтобы пять минут мне никто не мешал».

Но пяти минут у него так и не оказалось; у него не было и минуты.

Яростный смерч налетел на него из темноты. Он ударил его по ноге, впился в ребра и разорвал рубашку. Смерч был яростен, но беззвучен, и в первые секунды Дойлу показалось, что этот сторож-смерч бесплотен.

Дойл сбросил с себя оцепенение внезапности и страха и начал сопротивляться так же беззвучно, как и нападающая сторона. Дважды ему удавалось ухватиться за сторожа, и дважды тот ускользал, чтобы вновь наброситься на Дойла.

Наконец он сумел вцепиться в сторожа так, что тот не мог пошевелинуться, и поднял его над головой, чтобы размозжить о землю. Но в тот момент, когда он поднял руки, облако отпустило луну и в саду стало светло.

Он увидел — что держит, и с трудом подавил возглас изумления.

Он ожидал увидеть собаку. Но это была не собака. Это было не похоже ни на что, виденное им до сих пор. Он даже не слышал о таком.

Один конец этого существа представлял собой рот, другой был плоским и квадратным. Размером оно было с терьера, но это был не терьер. У него были короткие, но сильные ноги, а руки были длинные, тонкие, заканчивающиеся крепкими когтями, и он подумал, как хорошо, что он схватил это существо, прижав его руки к телу. Существо было белого цвета, безволосое и голое, как оципанная курица. За спиной у него было прикреплено что-то, очень похожее на ранец. И, тем не менее, это было еще не самое худшее.

Грудь его была широкой, блестящей и твердой, как панцирь кузнечика, а на ней вспыхивали светящиеся буквы и знаки. Дойла охватил ужас. Мысли молниеносно сменяли одна другую, он пытался удержать их, но они крутились где-то, и он никак, никак не мог привести их в порядок.

Наконец непонятные знаки исчезли с груди существа, и на ней появились светящиеся слова, написанные печатными буквами:

«ОТПУСТИ МЕНЯ!»

Даже с восклицательным знаком на конце.

— Дружище, — сказал Дойл, основательно потрясенный, но, тем не менее, уже пришедший в себя. — Я тебя не отпущу просто так. У меня есть насчет тебя кое-какие планы.

Он обернулся, нашел лежавший на земле мешок и подвинул к себе.

«ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ», — появилось на груди существа.
— Нет, — сказал Дойл, — не пожалею.

Он встал на колени, быстро развернул мешок, засунул внутрь своего пленника и затянул резинку.

Внезапно на первом этаже дома вспыхнул свет и слышались голоса из окна, выходящего в сад. Где-то в темноте скрипнула дверь и захлопнулась с пустым гулким звуком. Дойл бросился к веревке. Мешок мешал ему бежать, но желание убраться подальше помогло быстро вскарабкаться на дерево. Он притаился среди ветвей и осторожно подтянул к себе болтающуюся веревку, сворачивая ее свободной рукой.

Существо в мешке начало ворочаться и брыкаться. Он приподнял мешок и стукнул им о ствол. Существо сразу затихло.

По дорожке, утопающей в тени, кто-то прошел уверенным шагом, и Дойл увидел в темноте огонек сигары. Раздался голос, явно принадлежащий Меткалфу:

— Генри!

— Да, сэр, — отозвался Генри с веранды.

— Куда, черт возьми, задевался ролла?

— Он где-то там, сэр. Он никогда не отходит далеко от дерева. Вы же знаете, он за него отвечает.

Огонек сигары загорелся ярче. Видно, Меткалф яростно затянулся.

— Не понимаю я этих ролл, Генри, — сказал он. — Столько лет прошло, а я их все равно не понимаю.

— Правильно, сэр, — сказал Генри. — Их трудно понять.

Дойл чувствовал запах дыма. Судя по запаху, это была хорошая сигара.

Ну и понятно, Меткалф, конечно, курит самые лучшие. Не будет же человек, у которого растет денежное дерево, задумываться о цене сигар!

Дойл осторожно отполз фута на два по суку, стараясь приблизиться к стене.

Огонек сигары дернулся и обернулся к нему, — значит, Меткалф услышал шум на дереве.

— Кто там? — крикнул он.

— Я ничего не слышал, сэр. Это, наверно, ветер.

— Никакого ветра, дурак. Это опять та же кошка.

Дойл прижался к ветке, неподвижный, но вместе с тем собранный в комок, готовый действовать, как только в этом возникнет необходимость. Он выругал себя за неосторожность.

Меткалф сошел с дорожки и стоял, освещенный лунным светом, разглядывая дерево.

— Там что-то есть, — объявил он торжественно. — Листья такая густая, что я не могу разглядеть — в чем дело. Но могу поклясться — это та самая чертова кошка. Она просто преследует роллу.

Он вынул сигару изо рта и выпустил несколько изумительных по форме колец дыма, которые, как привидения, поплыли в воздухе.

— Генри, — крикнул он, — принеси-ка мне ружье! Двенадцатый калибр стоит прямо за дверью.

Этого было достаточно, чтобы Дойл бросился к стене. Он едва не упал, но удержался. Он уронил веревку, чуть не потерял мешок. Ролла внутри снова начал трепыхаться.

— Тебе что, попрыгать охота? — яростно зашипел Дойл.

Он перекинул мешок через забор и услышал, как тот ударился о мостовую. Дойл надеялся, что не убил роллу, так как его пленник мог оказаться ценным приобретением. Его можно будет продать в цирк, там любят всяких уродцев.

Дойл добрался до стены и соскользнул вниз, не думая о последствиях, исцарапав руки и ноги.

Из-за забора доносились страшные вопли и леденящие кровь ругательства Дж. Говарда Меткалфа.

Дойл подобрал мешок и бросился к тому месту, где он оставил машину. Добежав, он кинул мешок внутрь, сел за руль и поехал по сложному, заранее разработанному маршруту, чтобы уйти от возможной погони.

Через полчаса Дойл остановился у небольшого парка и принялся обдумывать ситуацию.

В ней было и плохое, и хорошее.

Ему не удалось собрать урожай с дерева, как он намеревался, и к тому же теперь Меткалфу обо всем известно, и вряд ли удастся повторить набег.

С другой стороны, Дойл теперь знал наверняка, что денежные деревья существуют, и у него был ролла, вернее, он предполагал, что эту штуку зовут роллой.

И этот ролла — такой тихий в мешке — основательно поцарапал его, охраняя дерево.

При свете луны Дойл видел, что руки его в крови, а царапины на ребрах под разорванной рубашкой жгли огнем. Штанина промокла от крови.

Он почувствовал, как мурашки побежали по коже. Человеку ничего не стоит подцепить инфекцию от неизвестной зверюги.

А если пойти к доктору, тот обязательно спросит, что с ним случилось. Он, конечно, сможет сослаться на собаку. Но вдруг доктор поймет, что это совсем не собачьи укусы? Вернее всего, доктор сообщит, куда следует.

Нет, решил он, слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать, — никто не должен знать о его открытии. Потому что, пока Дойл — единственный человек, знающий о денежном дереве, из этого можно извлечь выгоду. Особенно если у него есть ролла, таинственным образом связанный с этим деревом, которого, даже и без дерева, если повезет, можно превратить в деньги.

Он снова завел машину.

Минут через пятнадцать он остановил ее в переулке, в который выходили задние фасады старых многоквартирных домов.

Он вылез из машины, прихватив с собой мешок.

Ролла все еще был неподвижен.

— Странно, — сказал Дойл.

Он положил руку на мешок. Мешок был теплым, а ролла чуть пошевелился.

— Жив еще, — сказал Дойл с облегчением.

Он пробирался между мусорных урн, штабелей гнилых досок и груд пустых консервных банок. Кошки, завидя его, разбегались в темноте.

— Ничего себе местечко для девушки, — сказал себе Дойл. — Совершенно неподходящее место для такой девушки, как Мейбл.

Он отыскал черный ход, поднялся по скрипучей лестнице, прошел по коридору и нашел дверь в комнату Мейбл. Она схватила его за рукав, втащила в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

— Я так волновалась, Чак!

— Нечего было волноваться, — сказал Дойл. — Непредвиденные осложнения. Вот и все.

— Какие у тебя руки! — вскрикнула она. — А какая рубашка!

Дойл весело подкинул мешок.

— Это все пустяки, Мейбл, — сказал он. — Главное, посмотри, что в мешке.

Он огляделся.

— Окна закрыты?

Она кивнула.

— Передай мне настольную лампу, — сказал он, — сойдет вместо дубинки.

Мейбл вырвала провод из штепселя, сняла абажур и протянула ему лампу.

Он поднял лампу, наклонился над мешком и развязал его.

— Я его пару раз стукнул, — сказал он, — и перебросил через забор, так что он, наверно, оглушен, но все-таки рисковать не стоит.

Он перевернул мешок и вытряхнул роллу на пол. За ним последовал дождь из двадцатидолларовых бумажек.

Ролла с достоинством поднялся с пола и встал вертикально, хотя трудно было понять, что он стоит прямо. Его задние конечности были такими короткими, а передние — такими длинными, что казалось, будто он сидит, как собака.

Больше всего ролла был похож на волка, или, вернее, на могучего карикатурного бульдога, воющего на луну.

Мейбл испустила отчаянный визг и бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Замолчи ты, бога ради! — сказал Дойл. — Всех перебудешь. Соседи подумают, что я тебя убиваю.

Кто-то наверху затопал ногами. Мужской голос зарычал:

— Заткнитесь, эй, там, внизу!

На груди роллы загорелась надпись:

«ГОЛОДЕН. КОГДА БУДЕМ ЕСТЬ?»

Дойл проглотил слюну. Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

«В ЧЕМ ДЕЛО? — продолжал ролла. — ГОВОРИ, Я СЛЫШУ».

Кто-то громко постучал в дверь.

Дойл быстро огляделся и увидел, что пол засыпан деньгами. Он принялся собирать их и рассовывать по карманам.

В дверь продолжали стучать.

Дойл собрал деньги и открыл дверь.

В дверях стоял мужчина в нижнем белье. Он был высок и мускулист и возвышался над Дойлом по крайней мере на фут. Из-за его плеча выглядывала женщина.

— Что здесь происходит? — спросил мужчина. — Мы слышали, как кричала женщина.

— Мышку увидела, — сказал Дойл.

Мужчина не спускал с него глаз.

— Большую мышку, — уточнил Дойл. — Может быть, даже крысу.

— А вы, мистер... с вами что случилось? Где это вы так рубаху порвали?..

— В карты играл, — сказал Дойл и попытался захлопнуть дверь.

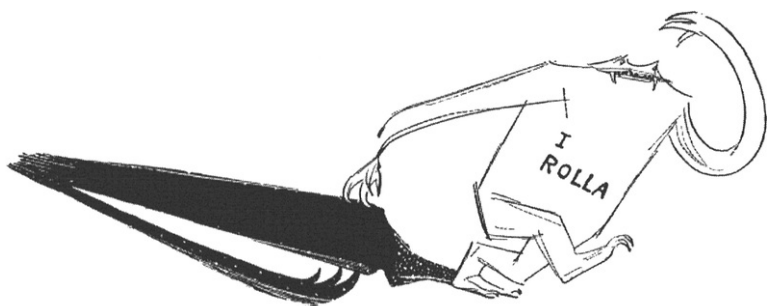
Но мужчина распахнул ее еще шире и вошел в комнату.

— Если вы не имеете ничего против, я бы взглянул... — сказал он.

С замиранием сердца Дойл вспомнил о ролле.

Он обернулся. Но роллы не было.

Открылась дверь спальни, и вышла Мейбл. Она была холодна как лед.

— Вы здесь живете, леди? — спросил мужчина в исподнем.

— Да, здесь, — сказала женщина, оставшаяся в дверях. — Я ее часто вижу в коридоре.

— Этот парень к вам пристаёт?

— Ни в коем случае, — сказала Мейбл. — Это мой друг.

Мужчина обернулся к Дойлу.

— Ты весь в крови, — сказал он.

— Что делать... — ответил Дойл. — Всегда из меня кровь идет.

Женщина потянула мужчину за рукав.

Мейбл сказала:

— Уверяю вас, ничего не произошло.

— Пошли, милый, — настаивала женщина, продолжая тянуть его за рукав. — Они в нас не нуждаются.

Мужчина неохотно ушел.

Дойл захлопнул дверь и запер ее.

— Черт возьми, — сказал он, — нам придется отсюда сматываться. Он будет думать об этом, потом позвонит в полицию, они явятся и заберут нас...

— Мы ничего не сделали, Чак, — сказала Мейбл.

— Может, и так. Но я полицию не люблю. Не хочу отвечать на вопросы.

Она подошла к нему ближе.

— Он прав, ты весь в крови, — сказала она. — И руки, и рубашка.

— И нога тоже, — сказал он. — Это меня ролла обработал.

Ролла вышел из-за кресла.

«НЕ ХОТЕЛ НЕДОРАЗУМЕНИЙ, ВСЕГДА ПРЯЧУСЬ ОТ НЕЗНАКОМЫХ».

— Вот так он и говорит, — сказал Дойл, не скрывая восторга.

— Что это? — спросила Мейбл, отходя на два шага.

«Я РОЛЛА».

— Мы встретились под денежным деревом, — сказал Дойл. — Малость повздорили. Он имеет какое-то отношение к дереву — то ли стережет его, то ли еще что.

— Ты денег достал?

— Немного. Понимаешь, этот ролла...

«ГОЛОДЕН», — зажглось на груди у роллы.

— Иди сюда, — сказала Мейбл, — я тебя перевяжу.

— Да ты что, не хочешь послушать?..

— Не очень. Ты снова попал в переделку. Мне кажется, что ты нарочно попадаешь в переделки.

Она повела его в ванную.

— Сядь на край ванны, — сказала она.

Ролла подошел к двери и остановился.

«У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПИЩИ?» — спросил он.

— О боже мой! — воскликнула Мейбл. — А что вы хотите?

«ФРУКТЫ. ОВОЩИ».

— Там, в кухне, на столе есть фрукты. Вам показать?

«САМ НАЙДУ», — заявил ролла и исчез.

— Не пойму этого коротышку, — сказала Мейбл. — Сначала он тебя искусал, а теперь, выходит, стал лучшим другом.

— Я его стукнул пару раз, — ответил Дойл. — Научил себя уважать.

— И он еще умирает с голоду, — заметила Мейбл с осуждением. — Да сядь ты на край ванны. Я тебя обмою.

Он сел, а она достала из аптечки бутылку с чем-то коричневым, пузырек спирта, вату и бинт. Она встала на колени и закатала штанину Дойла.

— Плохо, — сказала она.

— Это он зубами меня, — сказал Дойл.

— Надо пойти к доктору, Чак, — сказала Мейбл. — Можешь подцепить заражение крови. А вдруг у него грязные зубы?

— Доктор будет задавать много вопросов. У меня и без него хватит неприятностей.

— Чак, а что это такое?

— Это ролла.

— А почему его зовут ролла?

— Не знаю. Зовут, и все.

— Зачем же ты тогда притащил его с собой?

— Он стоит не меньше миллиона. Его можно продать в цирк или в зоопарк. Даже могу сам выступать с ним в ночном клубе. Показывать, как он говорит, и вообще.

Она быстро и умело промыла ему раны.

— И вот еще почему я его сюда притащил, — сказал Дойл. — Меткалф у меня в руках. Я знаю кое-что такое... У меня теперь ролла, а ролла как-то связан с этими денежными деревьями.

— Это что же, шантаж?

— Ни в коем случае! Я в жизни никого не шантажировал. Просто у меня с Меткалфом небольшое дельце. Может быть, в благодарность за то, что я держу язык за зубами, он подарит мне одно из своих денежных деревьев.

— Но ты же сам говоришь, что там всего одно денежное дерево.

— Это я одно видел. Но там темно, может, других я и не заметил. Ты понимаешь, такой человек, как Меткалф, никогда не удовлетворится одним денежным деревом. Если у него есть одно, он себе вырастит еще. Могу поспорить на что угодно, у него есть и двадцатидолларовые деревья, и пятидесятидолларовые, а может быть, даже стодолларовые.

Он вздохнул:

— Хотел бы я провести всего лишь пять минут под стодолларовым деревом! На всю бы жизнь себя обеспечил. Я бы обеими руками рвал.

— Сними рубашку, — сказала Мейбл. — Мне нужно добраться до царапин.

Дойл стащил рубашку.

— Знаешь что, — сказал он, — могу поклясться, что не только у Меткалфа есть денежные деревья. У всех богачей есть. Они, наверно, объединились в секретное общество и поклялись никогда об этом не болтать. Я не удивляюсь, что все деньги идут оттуда. Может быть, правительство вовсе не печатает никаких денег, а только говорит, что печатает...

— Замолчи, — скомандовала Мейбл, — и не дергайся. Она наклеивала пластырь ему на грудь.

— Что ты собираешься делать с роллой? — спросила она.

— Мы его положим в машину и отвезем к Меткалфу. Ты останешься в машине с роллой и, если что-нибудь будет не так, дашь газ. Пока ролла у нас — мы держим Меткалфа на прицеле.

— Ты с ума сошел! Чтобы я осталась одна с этой тварью! После всего что она с тобой сделала!

— Возьмешь палку и, если что не так, ты его палкой.

— Еще чего не хватало, — сказала Мейбл. — Я с ним не останусь.

— Хорошо, — сказал Дойл, — мы его положим в багажник. Завернем в одеяло, чтобы не ушибся. Может, даже лучше, если он будет заперт.

Мейбл покачала головой.

— Надеюсь, так будет лучше, Чак. И надеюсь, что мы не попадем в переделку.

— И не думай об этом, — ответил Дойл. — Давай двигаться отсюда. Нам нужно выбраться, пока этот бездельник не догадался позвонить в полицию.

В дверях появился ролла, поглаживая себя по животу.

«БЕЗДЕЛЬНИК? — спросил он. — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?»

— О господи, — сказал Дойл, — как я ему объясню?

«БЕЗДЕЛЬНИК — ЭТО ПОДОНОК?»

— Здесь что-то есть, — согласился Дойл. — Бездельник — это похоже на подонка.

«МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ВСЕ ЛЮДИ, КРОМЕ МЕНЯ, — ПОДОНКИ».

— Знаешь, что я тебе скажу. Меткалф в чем-то прав, — сказал Дойл.

«ПОДОНОК — ЗНАЧИТ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ».

— Никогда не слышал такой формулировки, — сказал Дойл. — Но если так, можете считать меня подонком.

«МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ПЛАНЕТА НЕ В ПОРЯДКЕ — СЛИШКОМ МАЛО ДЕНЕГ».

— Вот тут я с ним полностью согласен.

«ПОЭТОМУ Я НА ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕ СЕРЖУСЬ».

— Боже мой, — сказала Мейбл, — он оказался болтуном!

«МОЕ ДЕЛО — ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕРЕВЕ. СНАЧАЛА Я РАССЕРДИЛСЯ, НО ПОТОМ ПОДУМАЛ: “БЕДНЫЙ ПОДОНОК, ЕМУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ, НЕЛЬЗЯ ЕГО ВИНИТЬ”».

— Это с твоей стороны очень благородно, — сказал Дойл. — Но жаль, что ты не подумал об этом прежде, чем начал меня жевать. Если бы в моем распоряжении было хотя бы пять минут...

— Я готова, — сказала Мейбл. — Если ты не передумал, поехали.

3

Дойл медленно шел по дорожке, ведущей к дверям дома Меткалфа. Дом был темен, и луна склонялась к вершинам сосен, которые росли на другой стороне улицы.

Дойл поднялся по кирпичным ступенькам и остановился перед дверью. Позвонил и подождал.

Никакого ответа.

Он снова позвонил, и снова никакого ответа.

Потянул дверь. Она была заперта.

«Сбежали», — сказал Дойл про себя.

Он вышел на улицу, обогнул дом и взобрался на дерево в переулке. Сад за домом был темен и молчалив. Дойл долго наблюдал за ним, но не заметил никакого движения. Потом вытащил из кармана фонарик и осветил им. Светлый кружок прыгал в темноте, пока не наткнулся на участок развороченной земли.

У него перехватило дыхание, и он долго освещал то место, пока не убедился, что не ошибся.

Он не ошибся. Денежное дерево исчезло. Кто-то выкопал его и увез.

Дойл погасил фонарик и спрятал его в карман. Спустился с дерева и вернулся к машине. Мейбл не выключала мотора.

— Они смотались, — сказал Дойл. — Никого нет. Выкопали дерево и смотались.

— Ну и хорошо, — ответила Мейбл. — Я даже рада. Теперь ты, по крайней мере, не будешь ввязываться в авантюры с денежными деревьями.

— Поспать бы... — зевнул Дойл.

— Я тоже хочу спать. Поехали домой и выспимся.

— Ты, может, выспишься, а я нет, — сказал Дойл. — Укладывайся на заднем сиденье. Я сяду за руль.

— Куда мы теперь?

— Когда я снимал Меткалфа сегодня днем, он сказал мне, что у него есть ферма за городом. На западе, возле Милвилла.

— А ты тут при чем?

— Вот что, если у него до черта денежных деревьев...

— Но у него же только одно дерево. В саду городского дома.

— А может, и до черта. Может, это росло здесь только для того, чтобы Меткалфу иметь в городе карманные деньги.

— Ты хочешь сказать, что мы поедем к нему на ферму?

— Сначала надо заправиться и посмотреть по карте, где этот Милвилл. Спорим, что у него там целый денежный сад? Представь себе только — ряды деревьев и все в банкнотах.

4

Старик, хозяин единственного магазина в Милвилле, где продавались посуда, бакалейные товары, а еще умещались аптека и почтовая контора, покрутил серебряный ус.

— Ага, — сказал он. — У Меткалфа ферма за холмами, на том берегу реки. И даже название у нее есть — «Веселый холм». Вот скажите мне, с чего бы человеку так называть свою ферму?

— Чего только люди не делают! — ответил Дойл. — Как туда поскорее добраться?

— Вы спрашиваете?

— Конечно...

Старик покачал головой.

— Вас пригласили? Меткалф вас ждет?

— Не думаю.

— Тогда вам туда не попасть. Ферма окружена забором. А у ворот стража, там даже специальный домик для охранников. Так что, если Меткалф вас не ждет, не надейтесь туда попасть.

— Я попробую.

— Желаю успеха, но вряд ли у вас что-нибудь выйдет. Скажите мне лучше, зачем бы этому Меткалфу так себя вести? Места наши тихие. Никто не обносит своих ферм оградой в восемь футов высотой, с колючей проволокой поверху. Никто бы и денег не набрал, чтобы такую ограду построить. Должно быть, он кого-то сильно боится.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Дойл. — А все-таки, как туда добраться?

Старик достал из-под прилавка бумажный пакет, вытащил из кармана огрызок карандаша и лизнул грифель, прежде чем принялся медленно рисовать план.

— Переедете через мост и поезжайте по этой дороге — налево не поворачивайте, там дорога ведет к реке, — доберетесь до оврага, и начнется холм. Наверху повернете налево, и оттуда до фермы Меткалфа останется миля.

Он еще раз лизнул карандаш и нарисовал грубый четырехугольник.

— Вот тут, — сказал он. — Участок не маленький. Меткалф купил четыре фермы и объединил их.

В машине ждала раздраженная Мейбл.

— Сейчас ты скажешь, что с самого начала был неправ, — заявила она. — У него нет никакой фермы.

— Всего несколько миль осталось, — ответил Дойл. — Как там ролла?

— Опять проголодался, наверное. Стучит в багажнике.

— С чего бы ему проголодаться? Я ему два часа назад сколько бананов скормил!

— Может, ему скучно? Он чувствует себя одиноким?

— У меня и без него дел достаточно, — сказал Дойл. — Не хватает еще, чтобы я держал его за ручку.

Он забрался в машину, завел ее и поехал по пыльной улице, пересек мост, но вместо того, чтобы перебраться через овраг, повернул на дорогу, которая вела вдоль реки. «Если план, который нарисовал старик, был правильным, — думал он, — то, следуя по дороге вдоль реки, можно подъехать к ферме с тыла».

Мягкие холмы сменились крутыми утесами, покрытыми лесом и кустарником. Извилистая дорога сузилась. Машина подъехала к глубокому оврагу, разделявшему два утеса. По дну оврага протянулась полужаросшая колея.

Дойл свернул на эту колею и остановился.

Затем вылез и постоял с минуту, осматривая овраг.

— Ты чего встал? — спросила Мейбл.

— Собираюсь зайти к Меткалфу с тыла, — сказал он.

— Не оставишь же ты меня здесь?

— Я ненадолго.

— К тому же здесь москиты, — пожаловалась она, отгоняя насекомых.

— Закроешь окна.

Он пошел, но Мейбл его окликнула:

— Там ролла остался.

— Он до тебя не доберется, пока заперт в багажнике.

— Но он так стучит! Что, если кто-нибудь пройдет мимо и услышит?

— Даю слово, что по этой дороге уже недели две как никто не ездил.

Пищали москиты. Он попытался отогнать их.

— Послушай, Мейбл, — взмолился он, — ты хочешь, чтобы я с этим делом покончил, не так ли? Ты же ничего не имеешь против норковой шубы? Ты ведь не откажешься от бриллиантов?

— Нет, наверно, — призналась она. — Только поспеши, пожалуйста. Я не хочу здесь сидеть, когда стемнеет.

Он повернулся и пошел вдоль оврага.

Все вокруг было зеленым — глухого летнего зеленого цвета. И было тихо, если не считать писка москитов. При-

выкший к бетону и асфальту города, Дойл ощутил страх перед зеленым безмолвием лесистых холмов.

Он прихлопнул москита и поежился.

— Тут нет ничего, что повредило бы человеку, — вслух подумал он.

Путешествие было не из легких. Овраг вился между холмов, и сухое ложе ручья, заваленное валунами и грудами гальки, вилось от одного склона к другому. Время от времени Дойлу приходилось взбираться на откос, чтобы обойти завалы.

Москиты с каждым шагом становились все назойливее. Он обмотал шею носовым платком и надвинул шляпу на глаза. Ни на секунду не прекращая войны с москитами, он уничтожал их сотнями, но толку было мало.

Овраг сузился и круто пошел вверх. Дойл повернул и обнаружил, что дальнейший путь закрыт. Масса сучьев, обвитых виноградом, перекрывала овраг, завал смыкался с деревьями, растущими на отвесных скатах оврага.

Пробираться дальше не было никакой возможности. Завал казался сплошной стеной. Сучья были скреплены камнями и сцементированы грязью, принесенной ручьем. Цепляясь ногтями и нащупывая ботинками неровности, он вскарабкался наверх, чтобы обойти препятствие. Москиты бросались на него эскадронами, он отломил ветку с листьями и пытался отогнать их.

Так он стоял, тяжело дыша и хрипя, пытаясь наполнить легкие воздухом. И думал: как же это он умудрился попасть в такой переплет? Это приключение было не по нему. Его представления о природе никогда не распространялись за пределы ухоженного городского парка.

И вот, пожалуйста, он стоит где-то среди деревьев, старается вскарабкаться на богом забытые холмы, пробираясь к месту, где могут расти денежные деревья — ряды, сады, леса денежных деревьев.

— Никогда бы не пошел на это, ни за что, кроме как за деньги, — сказал он себе.

Он огляделся и обнаружил, что завал был всего два фута толщиной и одинаковый по толщине на всей своей протяженности. Задняя сторона завала была глад-

кой, будто ее специально загладили. Нетрудно было понять, что ветви и камни накапливались здесь не годами, не были принесены ручьем, а были сплетены так тщательно, что стали единым целым.

Кто бы мог решиться на такой труд, удивлялся Дойл. Здесь требовалось и терпение, и умение, и время.

Он постарался разобраться, как же были сплетены сучья, но ничего не понял. Все было так перепутано, что казалось сплошной массой.

Немного передохнув и восстановив дыхание, он продолжил путь, пробираясь сквозь ветки и тучи moskitov.

Наконец деревья поределели, так что Дойл уже видел впереди синее небо. Местность выровнялась, но он не смог прибавить шагу — икры ног сводило от усталости, и ему пришлось идти с прежней скоростью.

Наконец он выбрался на поляну. С запада налетел свежий ветер, и moskity исчезли, если не считать тех, которые удобно устроились в складках его пиджака.

Дойл плашмя бросился на траву, дыша, как измученный пес. Перед ним меньше чем в ста ярдах виднелась ограда фермы Меткалфа. Она, как блестящая змея, протянулась по склонам холмов. Перед ней виднелось еще одно препятствие — широкая полоса сорняков, как будто кто-то вскопал землю вдоль изгороди и посеял сорняки, как сеют пшеницу.

Далеко на холме среди крон деревьев смутно виднелись крыши. А к западу от зданий раскинулся сад, длинные ряды деревьев.

«Интересно, — подумал Дойл, — это игра воображения или действительно форма деревьев такая же, как у того дерева в городском саду Меткалфа?» И только ли воображение подсказывало ему, что зелень листьев отличалась от зелени лесных деревьев и была цвета новеньких долларов?

Солнце палило ему в спину, и он почувствовал его лучи сквозь просохшую рубашку. Посмотрел на часы. Было уже больше трех.

Дойл снова взглянул в сторону сада и на этот раз увидел среди деревьев несколько маленьких фигур. Он на-

прягся, чтобы разглядеть, кто это, и ему показалось, что это роллы.

Дойл начал перебирать различные варианты поведения на случай, если не найдет Меткалфа, и самым разумным ему представилось забраться в сад. Он пожалел, что не захватил с собой мешка из-под сахара, который дала ему Мейбл.

Беспокоила его и изгородь, но он отогнал эту мысль. Об изгороди надо будет думать, когда подойдет время перелезть через нее.

Думая так, он полз по траве, и у него это неплохо получалось. Он уже добрался до полосы сорняков, и никто еще его не заметил. Как только он заберется в сорняки, будет легче, потому что там можно спрятаться. Он подкрадется к самой изгороди.

Он дополз до сорняков и вздрогнул, увидев, что это самые густые заросли крапивы, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Он протянул руку, и крапива обожгла ее. Как оса. Он потер ожог.

Тогда он приподнялся, чтобы заглянуть за кусты крапивы. По склону изгороди спускался ролла, и теперь уже не было никакого сомнения, что под деревьями виднелись именно роллы.

Дойл нырнул за крапиву, надеясь, что ролла его не заметил. Он лежал ничком на траве. Солнце пекло, и ладонь его, обожженная крапивой, горела как ошпаренная. И уже нельзя было решить, что хуже: mosquito укусы или ожог крапивы.

Дойл заметил, что крапива колышется, будто под ветром, и это было странно, потому что ветер как раз затих.

Крапива продолжала колыхаться и наконец легла по обе стороны, образовав дорожку от него к изгороди. И вот перед ним оказалась тропинка, по которой можно было пройти к самой изгороди.

За изгородью стоял ролла, и на груди у него горела яркая надпись печатными буквами:

«ПОДОЙДИ СЮДА, ПОДОНОК».

Доыл заколебался на мгновение. То, что его обнаружили, никуда не годилось. Теперь уж наверняка все труды и предосторожности пропали даром, и таиться дальше в траве не имело никакого смысла. Он увидел, что другие роллы спускались по склону к изгороди, тогда как первый продолжал стоять, не гася пригласительной надписи на груди.

Потом буквы погасли. Но крапива продолжала лежать, и дорожка оставалась свободной. Роллы, которые спускались по склону, тоже подошли к изгороди, и все пятеро — их было пятеро — выстроились в ряд.

У первого на груди загорелась новая надпись:

«ТРОЕ РОЛЛ ПРОПАЛИ».

А на груди второго зажглось:

«ТЫ НАМ МОЖЕШЬ СООБЩИТЬ?»

У третьего:

«МЫ ХОТИМ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ».

У четвертого:

«О ТЕХ, КТО ПРОПАЛ».

У пятого:

«ПОДОЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОНОК».

Доыл поднялся с земли. Это могло быть ловушкой. Чего он добьется, разговаривая с роллами? Но отступить было поздно: он мог вовсе лишиться возможности подойти к изгороди.

С независимым видом он медленно зашагал по дорожке.

Добравшись до изгороди, он сел на землю, так что его голова была на одном уровне с головами ролл.

— Я знаю, где один из них, — сказал он, — но не знаю, где двое других.

«ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДНОМ, КОТОРЫЙ БЫЛ В ГОРОДЕ С МЕТКАЛФОМ?»

— Да.

«СКАЖИ НАМ, ГДЕ ОН».

— В обмен.

На всех пятерых зажглись надписи:

«ОБМЕН?»

— Я вам скажу, где он, а вы впустите меня в сад на час, ночью, так, чтобы Меткалф не знал. А потом выпустите обратно.

Они посоветовались — на груди у каждого вспыхивали непонятные значки. Потом они повернулись к нему и выстроились плечом к плечу.

«МЫ ЭТОГО НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ».

«МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ».

«МЫ ДАЛИ СЛОВО».

«МЫ РАСТИМ ДЕНЬГИ».

«МЕТКАЛФ ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ».

— Я бы их не стал распространять, — сказал Дойл. — И могу обещать, что не буду их распространять. Я их себе оставляю.

«НЕ ПОЙДЕТ», — заявил первый ролла.

— А что это за соглашение с Меткалфом? Почему это вы его заключили?

«ИЗ БЛАГОДАРНОСТИ», — сказал второй ролла.

— Не разыгрывайте меня. Чувствовать благодарность к Меткалфу...

«ОН НАШЕЛ НАС».

«ОН СПАС НАС».

«ОН ЗАЩИЩАЕТ НАС».

«И МЫ ЕГО СПРОСИЛИ: “ЧТО МЫ МОЖЕМ ДЛЯ ВАС СДЕЛАТЬ?”»

— Ага, а он сказал: вырастите мне немножко денег.

«ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПЛАНЕТА НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЬГАХ».

«ОН СКАЗАЛ, ЧТО ДЕНЬГИ СДЕЛАЮТ СЧАСТЛИВЫМИ ВСЕХ ПОДОНКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ».

— Черта с два! — сказал Дойл с негодованием.

«МЫ ИХ РАСТИМ».

«ОН ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ».

«СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МЫ СДЕЛАЕМ ВСЮ ПЛАНЕТУ СЧАСТЛИВОЙ».

— Нет, вы только посмотрите, какая милая компания миссионеров!

«МЫ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕМ».

— Миссионеры. Люди, которые занимаются всякими благотворительными делами. Творят добрые дела.

«МЫ ДЕЛАЛИ ДОБРЫЕ ДЕЛА НА МНОГИХ ПЛАНЕТАХ. ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА ЗДЕСЬ?»

— А при чем тут деньги?

«ТАК СКАЗАЛ МЕТКАЛФ. ОН СКАЗАЛ, ЧТО НА ПЛАНЕТЕ ВСЕГО ДОСТАТОЧНО, ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЕТ ДЕНЕГ».

— А где те другие роллы, которые пропали?

«ОНИ НЕ СОГЛАСНЫ».

«ОНИ УШЛИ».

«МЫ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ — ЧТО С НИМИ?»

— Вы не пришли к общему мнению насчет того, стоит ли растить деньги? Они, наверно, думали, что лучше растить что-нибудь другое?

«МЫ НЕ СОГЛАСНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТКАЛФА. ТЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ОН НАС ОБМАНЫВАЕТ, А МЫ ДУМАЕМ, ЧТО ОН БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК».

«Вот тебе и компания! — подумал Дойл. — Ничего себе, благородный человек!»

«МЫ ГОВОРИЛИ ДОСТАТОЧНО. ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙ».

Они повернулись как по команде и зашагали по склону обратно к саду.

— Эй! — крикнул Дойл, вскакивая на ноги.

Сзади раздалось шуршание, и он обернулся.

Крапива распрямилась и закрыла дорожку.

— Эй! — крикнул он снова, но роллы не обратили на него никакого внимания. Они продолжали взбираться на холм.

Дойл стоял на вытоптанном участке, а вокруг поднималась стеной крапива — листья ее поблескивали под солнцем. Крапива протянулась футов на сто от изгороди и доставала Дойлу до плеч.

Конечно, человек может пробраться сквозь крапиву. Ее можно раздвигать ботинками, топтать, но время от времени она будет жечь и, пока выберешься наружу, будешь весь обожжен до костей. Да и хочется ли ему выбраться отсюда?

В конце концов, он был не в худшем положении, чем раньше. Может, даже в лучшем. Ведь он безболезненно пробрался сквозь крапиву. Правда, роллы предательски оставили его здесь.

«Нет никакого смысла сейчас идти обратно, — подумал он. — Ведь все равно придется возвращаться тем же путем, чтобы добраться до изгороди».

Он не смел перелезть через изгородь, пока не стемнело. Но и деваться больше было некуда.

Присмотревшись к изгороди, он понял, что перебраться через нее будет нелегко. Восемь футов металлической сетки и поверху три ряда колючей проволоки, прикрепленной к брусам, наклоненным к внешней стороне.

Сразу за изгородью стоял старый дуб, и, если бы у него была веревка, он мог бы закинуть ее на ветви дуба, но веревки у него не было, так что пришлось обойтись без нее.

Он прижался к земле и почувствовал себя очень несчастным. Тело саднило от mosquito укусов, рука горела от крапивного ожога, ныли нога и царапины на груди, а кроме того, он не привык к такому яркому солнцу. Ко всему прочему, разболелся зуб. Этого еще не хватало!

Он чихнул, боль отдалась в голове, и зуб заболел еще сильнее. «В жизни не видал такой крапивы!» — сказал он себе, устало разглядывая могучие стебли.

Почти наверняка роллы помогли Меткалфу ее вырастить. У ролл неплохо получалось с растениями. Уж если они умудрились вырастить денежные деревья, значит они могли сотворить какие хочешь растения. Он вспоминал, как ролла заставил крапиву улечся и расчистить для него дорожку. Наверняка это сделал именно ролла, потому что ветра почти не было, а если бы даже ветер и был, он все равно не мог бы дуть сразу в две стороны.

Он никогда не слышал ни о ком, похожем на ролл. А они говорили что-то о добрых делах на других планетах. Но что бы они ни делали на других планетах, на этой их явно провели.

«Филантропы, — подумал он. — Миссионеры, может быть, из другого мира. Компания идеалистов. И вот застряли на планете, которая, может быть, ничем не похожа ни на один из миров, где они побывали. Понимают ли они, что такое деньги, — задумался он. — Интересно, что за байку преподнес им Меткалф?»

Видно, Меткалф был первым, кто на них натолкнулся. Будучи человеком опытным в денежных делах и в обращении с людьми, он сразу понял, как воспользоваться

счастливых встречей. К тому же у Меткалфа есть организация, гангстерская банда, хорошо усвоившая законы самосохранения, так что она смогла обеспечить секретность. Одному бы человеку не справиться.

Вот так ролл и провели, полностью одурачили. Хотя нельзя сказать, что роллы глупы. Они изучили язык. И не только разговорный, но и писать научились и сообщают неплохо. Они, наверное, даже умнее, чем кажутся. Ведь между собой они общаются беззвучно, а приучились же разбирать звуки человеческой речи.

Солнце давно уж исчезло за зарослями крапивы. «Скоро наступят сумерки, и тогда мы примемся за дело», — сказал себе Дойл.

Сзади крапива зашуршала, и он вскочил. «Может быть, дорожка снова образовалась? — лихорадочно подумал он. — Может быть, дорожка образуется автоматически, в определенные часы?»

Это было до какой-то степени правдой. Дорожка и в самом деле образовалась. И по ней шел еще один ролла. Крапива расступалась перед ним и смыкалась, как только он проходил.

Ролла подошел к Дойлу.

«ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПОДОНОК».

Это не мог быть ролла, запертый в багажнике. Это, должно быть, один из тех, что отказались участвовать в денежном деле.

«ТЫ БОЛЬНОЙ?»

— Все чешется, — сказал Дойл, — и зуб болит, и каждый раз, как чихну, кажется, голова раскалывается.

«МОГУ ПОЧИНИТЬ».

— Разумеется, ты можешь вырастить аптечное дерево, на каждой ветке которого будут расти таблетки, и бинты, и всякая чепуха.

«ОЧЕНЬ ПРОСТО».

— Ну ладно, — сказал Дойл и замолчал. Он подумал, что и в самом деле для роллы это может быть очень просто. В конце концов, большинство лекарств добывается из растений, а уж никто не сравнится с роллами по части выращивания диковинных растений.

— Ты можешь мне помочь, — сказал Дойл с энтузиазмом. — Ты можешь лечить разные болезни. Ты можешь даже найти средство против рака и изобрести что-нибудь, чем будут лечить сердечные болезни. Да возьмем, к примеру, обычную простуду...

«ПРОСТИ, ДРУГ, НО МЫ С ВАМИ НЕ ХОТИМ ИМЕТЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО. ВЫ НАС ВЫСТАВИЛИ НА ПОСМЕШИЩЕ».

— Ага, значит, ты один из тех, кто убежал? — сказал Дойл с волнением в голосе. — Ты раскусил игру Меткалфа...

Но ролла уже не слушал его. Он как-то подтянулся, стал выше и тоньше, и губы его округлились, будто он собирался крикнуть. Но он не издал ни единого звука. Ни звука, но казалось, будто у Дойла застучали зубы. Это было удивительно — словно вопль ужаса раздался в тишине сумерек, где ветер тихо шелестел в темнеющих деревьях, шуршала крапива и вдали кричала птица, возвращавшаяся в гнездо.

По другую сторону изгороди раздались звуки шагов, и в густеющих сумерках Дойл увидел пятерых ролл, бегущих вниз по склону.

«Что-то происходит», — подумал Дойл. Он был уверен в этом. Он ощутил серьезность момента, но не понимал, что бы это могло значить.

Ролла рядом с ним издал нечто вроде крика, но крика слишком высокого, чтобы его могло уловить человеческое ухо, и теперь, заслышав этот крик, роллы из сада бежали к нему.

Пятеро ролл достигли изгороди и выстроились вдоль нее. На груди их переливались непонятные значки и буквы их родного языка. И грудь того, что стоял рядом с Дойлом, тоже светилась непонятными значками, которые менялись так быстро, что казались живыми.

«Это спор», — подумал Дойл. Пятеро за изгородью спорили с тем, кто стоял снаружи, и в споре ощущалось напряжение.

А он стоял здесь, как случайный прохожий, попавший в гущу семейного скандала.

Роллы махали руками, и в спускающейся темноте знаки на них, казалось, стали ярче.

Ночная птица с криком пролетела над ними, и Дойл поднял голову посмотреть, что это за птица, и тут же увидел людей, бегущих к изгороди. Силуэты их ясно виднелись на фоне светлого неба.

— Эй, смотрите! — крикнул Дойл и сам удивился, зачем это он кричит.

Заслышав его, пятеро ролл обернулись, и на них появились одинаковые надписи, как будто они внезапно обо всем договорились.

Раздался треск, и Дойл снова поднял голову. Он увидел, что старый дуб клонится к изгороди, как будто его толкает гигантская рука. Дерево клонилось все быстрее и наконец с силой ударило по изгороди. Дойл понял, что пора бежать.

Он отступил на шаг, но, когда опустил ногу, то не обнаружил земли. Он с секунду старался удержать равновесие, но не смог и свалился в яму. Тут же над его головой раздался грохот, и громадное дерево, разнеся изгородь, упало на землю.

Дойл лежал тихо, не смея пошевелиться. Он оказался в какой-то канаве. Она была неглубокая, фута три, не больше, но он упал очень неудачно и прямо в спину ему чуть не вонзился острый камень. Над ним нависала путаница ветвей и сучьев — своей верхушкой дуб закрыл канаву. По ветвям пробежал ролла. Он бежал шустро и беззвучно.

— Они туда помчались, — раздался голос. — В лес. Их нелегко будет найти.

Ему ответил голос Меткалфа:

— Надо найти их, Билл. Мы не можем допустить, чтобы они сбежали.

После паузы Билл ответил:

— Не понимаю, что это с ними. Казалось, они были всем довольны.

Меткалф выругался:

— Это все фотограф. Ну, тот самый парень, который залез на дерево и сбежал от меня. Я не знаю, что он наде-

лал и что еще наделает, но могу поклясться, что он в этом замешан. И он где-нибудь здесь.

Билл немного отошел, и Меткалф сказал:

— Если он вам встретится, вы знаете, как поступить.

— Конечно, босс.

— Среднего роста, малохолный.

Они исчезли. Дойл слышал, как они пробираются сквозь крапиву, кроя ее последними словами.

Дойл поежился.

Ему надо выбираться отсюда, и как можно скорее, потому что скоро взойдет луна.

Меткалф и его мальчики шутить не собирались. Они не могли позволить, чтобы их одурачили в таком деле. Если они его заметят, они будут стрелять без предупреждения.

Сейчас, когда все охотятся за роллами, можно было забраться незаметно в сад. Хотя, вернее всего, Меткалф оставил своих людей сторожить деревья.

Дойл подумал немного и отказался от этой мысли. В его положении лучше всего было добраться как можно скорее до машины и уехать отсюда подальше.

Он осторожно выполз из канавы. Некоторое время он прятался в ветвях, прислушиваясь. Ни звука.

Он прошел сквозь крапиву, следуя по пути, протоптанному людьми.

И побежал по склону к лесу. Впереди раздался крик, и он остановился, замер. Потом опять побежал, добрался до первых кустов и залег.

Вдруг он увидел, как из лесу, поднимаясь над вершинами деревьев, показался какой-то бледный силуэт. На нем поблескивали первые лучи лунного света. Он был острым сверху и расширялся книзу, — словом, походил на летящую рождественскую елку, оставляющую за собой светящийся след.

Внезапно Дойл вспомнил о завале в овраге, сплетенном так прочно. И тогда он понял, что это за елка летит по небу.

Роллы работали с растениями, как люди с металлами. Если они могли вырастить денежное дерево и послушную

крапиву, то вырастить космический корабль для них не составляло большого труда.

Корабль, казалось, двигался медленно. С него свешивалось нечто вроде каната, на конце которого болталось что-то вроде куклы. Кукла корчилась и издавала визгливые крики.

Кто-то кричал в лесу:

— Это босс! Билл, да сделай ты что-нибудь!

Но было ясно, что Билл ничего не сможет сделать.

Дойл выскочил из кустов и побежал. Теперь самое время скрыться от этих людей. Они заняты судьбой босса, который все еще держится за канат — может быть, якорную цепь корабля, а может быть, плохо принайтовленную часть оболочки. Хотя, принимая во внимание искусство ролл, вряд ли можно было допустить, что они плохо принайтовили какую-нибудь часть корабля.

Он отлично мог представить, что случилось: Меткалф увидел, как роллы влезают в корабль, и бросился к ним, крича, стреляя на ходу, и в этот момент корабль стартовал, а свисающий с него канат крепко обвился вокруг ноги гангстера.

Дойл достиг леса и побежал дальше вниз по склону, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. И бежал, пока не ударился головой о дерево так, что искры посыпались из глаз.

Он сел на землю и ощупал лоб, убежденный, что проломил голову. Слезы у него лились и стекали по щекам. Но лоб не был проломлен, и крови не было, хотя нос заметно распух.

Потом он поднялся и медленно пошел дальше, на ощупь выбирая путь, потому что, хоть луна и взошла, под деревьями было совершенно темно.

Наконец Дойл добрался до сухого русла ручья и пошел вдоль него. Он заспешил, вспомнив, что Мейбл ждет его в машине. «Она, верно, разозлилась», — подумал он. Ведь он обещал вернуться до темноты.

Он споткнулся о клубок переплетенных ветвей, оставшийся в овраге. Провел рукой по его почти полированной поверхности и постарался представить, что случилось здесь несколько лет назад.

Космический корабль, падающий на землю, вышедший из-под контроля. А Меткалф оказался неподалеку...

«Черт знает что бывает в наши дни», — подумал Дойл.

Если бы им встретился не Меткалф, а кто-то другой, кто думает не только о долларах, теперь по всей земле могли бы расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает, — средства от всех болезней, настоящие средства от бедности и страха. И, может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся.

Но теперь они улетели в корабле, построенном двумя не поверившими Меткалфу роллами.

Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой.

Теперь они улетели. «Постойте минутку, не все улетели! Ведь один ролл лежит в багажнике».

Он прибавил шаг.

«Что же теперь делать? — размышлял он. — Направиться прямо в Вашингтон? Или в ФБР?»

Что бы ни случилось, оставшийся ролл должен попасть в хорошие руки. И так уж слишком много времени потеряно. Если ролл встретится с учеными или свяжется с правительством, он сможет еще многое сделать,

Он начал волноваться. Он вспомнил, как ролл стучал по багажнику.

А что, если он задохнется? А вдруг он хотел сказать что-то важное?

Он бежал по сухому руслу, скользя по гальке, спотыкаясь о валуны. Москиты летели за ним густой тучей, но он так спешил, что не замечал укусов.

«Там, наверно, банда Меткалфа обирает деревья, срывая миллионы долларов», — подумал он. Теперь их игра кончена, и они об этом знают. Им ничего не остается, как оборвать деревья и исчезнуть как можно быстрее.

Возможно, денежным деревьям для выращивания денег нужно, чтобы роллы непрерывно наблюдали за ними.

На машину он наткнулся внезапно, обошел ее в почти полной темноте и постучал в окно. Внутри взвизгнула Мейбл.

— Все в порядке! — крикнул Дойл. — Я вернулся.

Она отперла дверь, и он вскарабкался в машину. Мейбл прижалась к нему, и он обнял ее.

— Прости, — сказал он. — Прости, что я задержался.

— Все в порядке, Чак? — спросила она.

— Да, — промывчал он.

— Я так рада, — сказала она облегченно. — Хорошо, что все в порядке. А то ролла убежал.

— Убежал? Ради бога, Мейбл...

— Не злись, Чак. Он все стучал и стучал. И мне стало его жалко. Я, конечно, боялась, но мне было его в самом деле жалко. Так что я открыла багажник и выпустила его. И все было в порядке. Он оказался милейшим существом...

— Итак, он убежал, — сказал Дойл. — Но, может быть, он где-нибудь по соседству прячется в темноте...

— Нет, — вздохнула Мейбл. — Он побежал по оврагу, как собака, когда ее зовет хозяин. Было уже темно, но я бросилась вслед за ним. Я звала его, но понимала, что он убежал и мне его не догнать. Впрочем, это уже не играет никакой роли. Ролла тебе больше не нужен. Правда, мне жалко, что он убежал. Я бы с ним подружилась. Он так интересно говорил, куда интереснее, чем попугай. Я повязала ему ленточку на шею, желтую ленточку, и он стал такой миленький.

— Еще бы! — сказал Дойл.

Он думал о ролле, летящем в пространстве. Тот направляется к далекому солнцу, увозя с собой величайшие надежды человечества, а на шее у него желтая ленточка.

Ивлин Е. Смит ВИЛБАР-ВЕЧЕРИНКА

— Завтра вечером Парзилы устраивают вилбар-вечеринку, — осторожно сказал профессор Слууд. — Надеюсь, Нарли, вы там будете?

Нарли Гзани раздраженно почесал лоб.

— Вы же знаете, как я отношусь к вечеринкам, Карн. — Он взял с подноса орешек фрисмил и начал ожесточенно его грызть.

— Но ведь эта вечеринка в вашу честь, Нарли. Это прощальная вечеринка. Нелепо... Немыслимо, если вас там не будет.

Слууд умоляюще смотрел на Нарли. Он, конечно, не мог отвечать перед обществом за необщительность своего друга, но было видно, что он все-таки чувствует себя виноватым.

Нарли вздохнул. Он понимал, что именно в этом случае ему придется сдаться. Видит Бог, каких усилий это ему стоило!

— В конце концов, что тут особенного? Просто еду на другое место работы. Всего-то. — Он взял еще один орешек. — В самом деле для меня это всего лишь переезд на другое место. Конечно, платят там побольше, иначе я бы не согласился на это предложение.

Слууд недоумевал, он чувствовал себя задетым и обиженным.

— Вам была оказана такая честь — быть первым представителем нашего народа, выбранным для обмена профессорами с другой планетой, — сказал он жестко. — И вы называете это просто другим местом работы? Почему? Да я бы за это свой правый усик отдал!

Нарли осознал, что перешел границу между искренностью и бестактностью.

— Мне оказали честь быть первой из нашего народа подопытной морской свинкой, — пробормотал он. Прежде такое определение не приходило ему в голову, но теперь он подумал, что, пожалуй, так оно и есть. — В самом деле все это меня вовсе не заботит.

Он отмахнулся от возможного сочувствия.

— Вы знаете, как я люблю одиночество. А студенты — везде студенты, будь они земляне или сатурниане. Полагаю, что они будут хихикать за моей спиной, как делают это и здесь.

Он глухо рассмеялся и тихонько протянул одну из своих рук за орешком.

— По крайней мере, буду знать, над чем смеются на Земле.

Поморщившись, как от боли, Слууд решительно отодвинул поднос с орешками от своего друга.

— Я, Нарли, не рассматривал эту ситуацию в подобном аспекте. Конечно вы правы. Человеческие существа, судя по книгам, которые я читал, не отличаются терпимостью. Вам будет трудно, но я уверен, — добавил он с наигранной бодростью, — вы их обыграете.

Нарли горько усмехнулся. Вряд ли можно было найти на Сатурне существо, менее приспособленное к тому, чтобы обыграть чужаков при помощи личного обаяния. Нарли Гзани был выбран для первого обмена профессорами между Землей и Сатурном, благодаря его профессиональной репутации, а не из-за его личных качеств.

Но хотя те, кто выбирал, не рассматривали кандидатуры с этой точки зрения, их выбор, думал Нарли, был мудрым.

Отшельник по натуре, он не считал, что ему будет более одиноко на той планете, чем на этой.

Он и согласился на приглашение в значительной степени потому, что в чужом мире он окажется совершенно один. Это давало бы ему возможность закончить свой монументальный проект — историю Солнечной системы, большую работу, из-за которой он так не любил тратить время на исполнение минимальных обязанностей в обществе. Зарплата тоже была весомым факто-

ром — она в два раза превышала его профессорский оклад, что давало ему возможность, скопив значительную сумму, достаточно молодым уйти в отставку. Как приятно представлять себе жизнь ученого без всяких студентов!

Ради этой цели он готов был примириться со всеми трудностями.

Но сейчас, при виде страдальческого лица Карна, профессор Гзанин понял, что не должен огорчать единственное существо, которое по некой непонятной причине любило его, Нарли. Поэтому он сказал именно то, что должно было порадовать это существо:

— Хорошо, Карн, я буду завтра вечером у Парзилов.

На этой вечеринке, как и на всех предыдущих, было смертельно скучно. Пришлось слишком много есть. Только мысль о том, что он надолго расстанется со всеми, кто сейчас рядом с ним, сделала его пребывание в гостях сносным. Кстати, неплохо было и как следует наесться. Ведь на Земле вряд ли будет приличная пища, и ему придется приспособливаться к чужой еде.

— Я просто уверена, что вы полюбите Землю, профессор Гзанин, — изливала свои чувства стюардесса межпланетного лайнера.

— Я тоже в этом уверен, — солгал профессор.

Стюардесса слишком часто улыбалась ему, преувеличивая свою профессиональную сердечность. В этой настойчивости ему чудилось упряманное отвращение. Конечно, нельзя было порицать ее за попытку скрыть антипатию к чужеземному созданию. Трудно предположить, что земляне способны на такие усилия ради маскировки своих чувств. Ему-то больше всего хотелось остаться в одиночестве, чтобы спокойно предаться медитации. Он планировал заниматься этим большую часть своего путешествия.

— Вы чрезвычайно хорошо говорите по-английски, — сказал стюардесса.

Нарли посмотрел на нее.

— Мне говорили, что у меня неплохие способности, поэтому меня и выбрали для обмена профессорами. Похоже, это было разумное решение, верно?

Она слегка покраснела. Профессор догадался, что стюардесса смутилась.

— Это не имеет отношения к вашим способностям, профессор. Просто вы... Ну... Вы не похожи на профессора!

— В самом деле? — спросил он ледяным тоном. — И на кого же я похож?

Она покраснела еще больше.

— О... я... я точно не знаю. Просто... ну... — И она убежала.

Нарли не смог справиться с желанием вытянуть усик вперед, чтобы услышать ее тихую беседу со вторым пилотом. Ведь так редко представляется шанс узнать, что окружающие говорят у вас за спиной.

— Но как я могла ему сказать, что он похож на игрушечного медвежонка?

— А он, возможно, даже не знает, что такое игрушечный медвежонок.

«Может быть, и не знаю, — обиженно подумал Нарли, — но мог бы себе представить».

Каким-то образом земляне ухитрились узнать, какие блюда он любит, и непрерывно его кормили. К тому моменту, когда корабль приземлился, профессор значительно прибавил в весе.

«Ну ладно, — подумал он, — наверное, все это входит в дипломатическое обслуживание. На Земле придется есть грубую местную пищу, и я снова похудею».

Паррингтон, президент Северной Америки, сам приехал на летное поле встречать Нарли, первого профессора по межпланетному обмену учеными.

— Добро пожаловать на нашу планету, профессор Гзани! — сказал президент с теплой дипломатической приветливостью и после некоторого колебания пожал верхнюю руку Нарли. — Мы сделаем все, что в наших

силах, чтобы ваше пребывание здесь было приятным и надолго вам запомнилось.

«Хорошо бы вы начали с климата», — подумал Нарли. Глупо было не подумать, как жарко ему будет на Земле. Надев тесный костюм землян поверх своего меха, чтобы не сильно отличаться от местных жителей, Нарли жестоко страдал от зноя. Конечно, справедливости ради надо признать, что костюм не был бы ему так тесен, если бы он поменьше ел на борту межпланетного лайнера.

Паррингтон указал на стоявшую рядом с ним женщину.

— Позвольте представить вам мою жену.

— Ох-х-х! — вздохнула жена президента. — Он очень мил!

Президент и Нарли в оцепенении уставились на нее. После минутного смущения она широко улыбнулась Нарли и фоторепортерам.

— Добро пожаловать на Землю, дорогой профессор Гзани! — воскликнула она и, наклонившись, поцеловала Нарли точно в пушистый лоб.

На Сатурне не целуются. Нарли достаточно много читал о Земле, чтобы знать, что европейцы иногда выказывают уважение таким своеобразным способом. Но ведь здесь Америка, а не Европа!

— Сегодня я устраиваю в вашу честь коктейль, — лучезарно улыбалась жена президента, разглаживая подол своего платья в цветочек. — Жду вас ровно в пять. Вы ведь придете, дорогой?

— С радостью, — уныло пообещал Нарли. Нелегко было изобразить радость по поводу первого приглашения сразу же после приземления.

— Я постараюсь подать все, что вы любите, — продолжала она возбужденно. — Но если вы хотите чего-нибудь особенного, то скажите мне. Хорошо?

— Я на диете, — ответил Нарли. Надо выдержать. Вероятно, пища окажется омерзительной, поэтому будет нетрудно справиться с аппетитом. — Желудочное расстройство, знаете ли... Стакан минеральной воды «Виши» и печенья будет...

Он остановился, потому что заметил, что в глазах миссис Паррингтон блеснули слезы.

— Разболелся животик? Бедный малыш!

— Глэдис! — резко оборвал ее президент.

На коктейле у миссис Паррингтон подавали орешки фрисмил, вилбар и даже слиппис бруугс. Все импортное, за бешеные деньги. Нарли понимал, что прием устроен за счет правительства, а для правительства деньги ничего не значат, потому что они поступают от налогоплательщиков. Некоторая местная еда оказалась удивительно вкусной, например, паштет из гусиной печени, шампанское и маленькие пирожки с разнообразными начинками. Нарли испугался, что станет таким же, как злуугл. Стараясь не видеть своего отражения в зеркале, висящем на стене, он думал, что впереди его ждут постные дни.

Кроме того, что он мог сделать, если все вокруг старались чем-нибудь его угостить?

— Попробуйте, профессор Гзани!

— Обязательно попробуйте это, профессор!

(Разве эти люди не видят, как тесен ему его новый костюм?)

Все толпились вокруг него. Женщины ворковали, мужчины поглаживали, а Нарли — ел. Ему хотелось поскорее избавиться от этой чрезмерной дипломатической любезности и оказаться перед естественной враждебностью студенческой аудитории.

Запахи мела, чернил, гнилых яблочных огрызков в земной классной комнате так напоминали аудитории Сатурна, что Нарли немедленно почувствовал себя дома. Он знал, что его внешность не понравится студентам. Для молодежи естественна враждебность ко всему чуждому, незнакомому. Они станут презирать его и глумиться над ним, а он, в свою очередь, будет задавать им длинные, запутанные домашние задания и устраивать такие трудные экзамены, что они обязательно их провалят...

Нарли вперевалку подошел к своему столу, у которого были подпилены ножки, чтобы он стал удобен существу невысокого роста, тогда как Нарли уже представлял себя победно сражающимся с мебелью обычных земных размеров.

Было так жарко, влажно и непереносимо, как он себе и представлял. Слегка задыхаясь, он деликатно постучал указкой.

— Студенты, внимание!

Тут должна была начаться насмешливая болтовня... Но в аудитории царило молчание, неожиданно нарушенное громким шепотом:

— О-о-о! Он такая прелесть!

А затем последовало:

— Ш-шш! Не смущай малышку!

Нарли надулся.

— Я — ваш новый профессор по изучению Сатурна. Сатурн, как вы, возможно, знаете, главная планета. Она гораздо больше и важнее Земли — планеты второстепенной.

Студенты стали послушно конспектировать лекцию. Они тщательно фиксировали все, что он им говорил. Даже его кашель изобразили в фонетической транскрипции. Время от времени студенты прерывали Нарли хорошо продуманными вопросами по существу дела и так вежливо, что ему не оставалось ничего другого, как так же по существу им отвечать.

Иногда он поднимал свои усики, чтобы услышать шепот, которым обменивались студенты.

— По-моему, он очень милый!

— Выглядит славным малым и в предмете разбирается.

— Симпатичный малыш!

— Необыкновенно интересный спектакль!

— Правда, он напоминает Винни-Пуха?

— Знающий парень.

— Просто прелесть!

После лекции, вместо того, чтобы выбежать из аудитории, студенты столпились возле его стола. Нравится ли

ему Земля? Не слишком ли высок стол? А может быть, слишком низок? Вероятно, ему очень жарко из-за его меха? Хотя это такой приятный, пушистый, мягкий мех!

— Можно я поглажу одну из ваших рук, профессор?

Нарли сказал «да», ему очень жарко, и «нет», он не возражает, если его потрогают, это будет его вкладом в научные исследования.

После обеда в преподавательском кафетерии у Нарли поднялось настроение. Так как пища оказалась практически несъедобной, Нарли ковырялся в тарелке, и это увидел управляющий. К ужину был прислан шеф-повар из Вашингтона, который был специалистом по сатурнианской еде. Поскольку пища в кафетерии была несъедобна не только для Нарли, но и для всех остальных, то после введения сатурнианского меню все стали благодарить Нарли как благодетеля.

Вечером, когда Нарли, разложив свои записи по истории Солнечной системы, собирался сесть за работу, в дверь его маленькой комнаты постучали. Он, ворча про себя, потопал к двери и открыл ее.

Нарли увидел радостно улыбающегося шефа.

— Кое-кто собирается пойти выпить. Составите компанию?

Нарли не знал, как отказаться, и к тому же надо было поддержать престиж планеты Сатурн, поэтому он принял приглашение. Обнаружив, что джин-физ даже вкуснее шампанского и куда эффективнее вилбара, он рассказал несколько сатурнианских анекдотов, которые были восторженно приняты окружающими. Но он смеялся «НАД», а не «С». Он знал, что вся эта фальшивая сердечность исчезнет через несколько дней, и тогда-то ему удастся поработать. А сейчас надо обуздать свое интеллектуальное нетерпение.

Утром обнаружилось, что количество студентов в его семинаре удвоилось. Толпа сияющих энергичных молодых землян жаждала послушать лекцию нового профессора. На его столе лежали яблоки, шоколадки, импортные орешки и настойчивое приглашение от миссис Паррингтон провести уик-энд в Белом доме. В окно был вмонтирован кондиционер, купленный на деньги студентов. Температура в комнате значительно понизилась. Студенты сидели в пальто.

Когда он выходил во двор университета, женщины — студентки, преподавательницы и просто прохожие — останавливались поговорить с ним, потрогать и даже поцеловать. Во дворе постоянно дежурили фотогафы.

Некоторые наиболее удачные фотографии потом продавались как открытки.

На обороте одной из таких открыток Нарли написал: «Безрадостная жизнь, радуйтесь тому, что вы не здесь», и послал ее Слууду.

В честь Нарли устраивались коктейли, музыкальные вечера и балы. Когда он пытался отказаться от приглашений, его обвиняли в излишней застенчивости и, очень веселясь, почти силой вытаскивали из дома. Он так поправился, что пришлось купить новый комплект одежды, что влетело в копеечку. В результате ему потребовалось увеличить свои доходы, что он и сделал, читая лекции в женском клубе.

Студенты Нарли прилежно выполняли домашние задания и делали даже больше, чем он задавал. В конце года все не только перешли на следующий курс, но и отметки у всех были самые высокие.

— Профессор Гзанн, — сказал президент университета, — надеюсь, вы не забудете, что здесь вас всегда ждет место профессора. Мы были счастливы работать с вами.

— Спасибо, — вежливо ответил Нарли.

Миссис Паррингтон ударилась в слезы, когда он сказал ей, что покидает Землю.

— О! Мне будет так не хватать вас, Нарли! Обещайте, что будете мне писать!

— Да, конечно, — мрачно ответил Нарли. Это было уже двести восемнадцатое подобное обещание.

К счастью, Нарли был гостем правительства Северной Америки. Он осознал свою удачу, глядя на восемь корзин, на энциклопедию Земли в тяжелых кожаных переплетах, на которых было вытиснено его имя, на индейский головной убор, на живописный портрет президента Паррингтона и шесть коробок с шампанским. Нарли подумал, что доплата за лишний багаж съела бы весь ничтожный остаток на его банковском счете. На Земле у него оказалось так много расходов — одежда, чаевые в отелях, счета за лед...

Но не только в багаже увозил он память о Земле. Новые часы из драгоценного металла мерцали на каждом из его

меховых запястий, в кармане лежали бумажник из кожи высочайшего качества, платиновая цепочка для часов и урановая самописка, а галстук, расписанный студентками, держала бриллиантовая булавка. Вдобавок ему подали мешочек ручной вязки, полный орешками-фрисмил, чтобы ему было чем развлечься по пути домой.

— Ну, Нарли! — расплылся в улыбке Слууд. — Вижу, вы поправились!

Со вздохом Нарли плюхнулся в свое старое кресло. Пожалуй, для приветствия Слууд мог бы выбрать что-нибудь другое, например, его измученный вид или одухотворенное выражение лица.

— Полагаю, что на Земле в свободное время нечем было заняться, кроме еды, — сказал Слууд, пододвигая поднос с орешками. — Даже ИХ еды. Вот вам фрисмил.

— Нет, благодарю, — холодно ответил Нарли.

— О, как вы, должно быть, страдали! Там было очень-очень плохо? — огорченно спросил Слууд.

Нарли вжался в кресло.

— Там было просто ужасно.

— Уверен, они не хотели вас обижать. Естественно, мы для них весьма странные создания...

— ОБИЖАТЬ? — Нарли горько усмехнулся. — Да они просто убивали меня своей добротой. Все время вокруг была суета, суета, суета!

— Нарли, оставьте ваш сарказм!

— Это не сарказм. И я не был для них «странным созданием». У них там есть любимая всеми игрушка, которая называется... — Нарли вздрогнул. — Плюшевый мишка. Я вызывал у всех сладкие воспоминания о детстве, поэтому они дарили мне свою привязанность и... кормили, кормили, кормили...

Слууд от ужаса прикрыл глаза.

— Нарли, вы очень отважный, — сказал он почти благоговейно. — Очень отважный, и мудрый, и хороший. Несомненно, все это вы должны рассказать нашему народу. В конце концов, земляне наши союзники, не хотелось бы

возбуждать общественные настроения против них. Но со МНОЙ, Нарли, вы должны быть откровенны. Они отказывались обслуживать вас в ресторане? Вас изолировали в общественном транспорте? Они отодвигались от вас, когда вы подходили к ним поближе?

Нарли ударил по столу всеми четырьмя руками.

— Мне не давали возможности остаться одному! Все время рядом была куча народу! Рестораны умоляли стать их клиентом! Я должен был пользоваться личным транспортом, потому что в общественном меня осаждала толпа поклонниц!

— За такое короткое время вы стали подозревать даже меня, вашего старинного друга, — пробурчал Слууд. — Ну, не рассказывайте ничего, если вам не хочется. Скажите только, они насмеялись над вами? Шептали еле слышно какие-нибудь оскорбления? Они...

— Вы правы! Я НЕ ХОЧУ разговаривать об этом!

Слууд, успокаивая друга, положил руку ему на плечо.

— Вероятно, разумней всего именно это. Надо, чтобы прошел шок после таких испытаний.

Нарли раздраженно хмыкнул.

— Сегодня вечером Парзилы устраивают вилбар-вечеринку, — сказал Слууд. — Но я, зная, как вы относитесь к вечеринкам, сказал им, что после такого тяжелого перелета вы не сможете прийти.

— Вы так сказали? — иронически спросил Нарли. — Что дало вам повод решать за меня?

— Но...

— На Земле есть выражение: «Путешествия расширяют... — он посмотрел на свой живот, — кругозор». И я обнаружил, что МНЕ ПРАВЯТСЯ ВЕЧЕРИНКИ. Мне — ПРАВИТСЯ ПРАВИТЬСЯ. Прошу меня извинить, но я собираюсь сообщить Парзилам, что буду рад прийти к ним на вечеринку. Хотите ко мне присоединиться?

— Ну, — пробормотал Слууд, — мне бы, конечно, хотелось, но у меня столько работы...

— Интраверт! — воскликнул Нарли и стал набирать номер телефона.

Джон Тоулэнд ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОДИТ ПО ВОДЕ

Это был сутулый человек среднего роста. Всякий, кто посмотрел бы на Фредрика Парди, задумчиво шагающего по ступенькам лестницы на Риверсайд-драйв, подумал бы, что ему около сорока. На самом деле ему было уже сорок два, просто он так хорошо выглядел.

При взгляде на его спокойное невыразительное лицо невозможно было предположить, что это страстная, эмоциональная натура. Более всего он напоминал человека, поставившего свою машину на ночь под мостом, только чтобы не платить за стоянку. Но у мистера Парди не было автомобиля. Его прекрасная жена Майра владела большим «понтиаком», на котором мистеру Парди разрешалось ездить. Но лично у него не было даже крышки от радиатора.

Хотя мистер Парди и был поглощен своими переживаниями, он ловко увертывался от потока машин и скоро оказался на старом причале. Два рыбака, которые многие годы ходили на этот причал, но еще ни разу ничего не поймали, не обратили внимания на то, как странно разглядывал он темную, замусоренную воду. На какое-то мгновение мистера Парди заинтересовали куски отбросов, вылетающих из расположенной рядом с причалом канализационной трубы. «Ничто так хорошо не иллюстрирует истинный демократизм рода человеческого, как конец путешествия отбросов», — подумал он и сморщился от отвращения.

Неприятно будет тонуть в этом месте, даже если тебе в голову приходят такие интересные философские мысли. Он знал, что дедуктивный метод позволяет разрешить любую проблему. Под причалом нашлась старая лодка. Мистер Парди неловко спустился по скользкой лестнице,

свалился в лодку, торопливо отвязал ее и оттолкнулся от причала. Он отправлялся в последнее путешествие в своей жизни.

В лодке было только одно весло, и, стоя с этим веслом в центре суденышка, мистер Парди воображал себя современным Хароном.

Через полчаса Фредрик отплыл от берега на сто ярдов. Когда санитарное состояние воды показалось ему удовлетворительным, он начал спокойно раздеваться. Костюм стоил двести долларов, и Майра огорчится, если он намокнет. Брюки можно будет ушить, и тогда костюм пригодится их сыну Майрону.

У мистера Парди была прекрасная жена, двое здоровых детей и никаких финансовых затруднений. Почему же он, ничем не болевший после мерзкой кори, которую перенес в шесть лет, решил оставить сей бранный мир? Это должно было остаться тайной для читателей бульварных газет.

В двадцать лет Фредрик изобрел карбюратор, который до сих пор используется в одном из популярных американских автомобилей. В двадцать один год он женился на Майре Боттомли. Она быстро изучила его финансовые проблемы и освободила его от этих забот, взяв на себя обязанность подписывать все документы. Через год после свадьбы Майра произвела на свет дочку Милдред, а еще через два — сына Майрона. На этом этапе Фредрик ознакомил жену с теорией Мальтуса, и она любезно приостановила производство потомства.

Фредрик снял очки в черепаховой оправе, нужды в которых на самом деле не испытывал. Просто в возрасте двенадцати лет он стал притворяться, что у него плохо со зрением, и надел очки, чтобы таким образом защититься от здоровенных школьных балбесов.

Мистер Парди вздохнул и положил очки поверх снятой одежды. Не было смысла брать их с собой в это безумное путешествие. К тому же, очки могли разбиться и поранить его.

Фредрик встал на сиденье.

Некоторые люди утверждают, что в последние две секунды существования перед человеком проходит вся его

жизнь. Единственное, о чем вспомнил Фредрик, была гадкая сцена предыдущей ночи, когда Майра, разъяренная тем, что за последние двадцать лет он ничего не изобрел, разодрала на куски его драгоценную книгу по индийской философии.

— Ты — ничтожный бездельник! — яростно кричала Майра. — Целый день ты сидишь и читаешь свои паршивые книжонки, в то время как твоя семья умирает от голода.

Когда он спокойно заметил, что голодание за 15 000 долларов в год являет собой великое достижение и большинство хороших жен мечтали бы о такой жизни, то получил удар по голове книгой Шияма Лала «Итак, вы хотите подняться в воздух», серьезно документированной, но популярно изложенной. Эта книга не относилась к числу самых любимых книг мистера Парди, как, например, классическая «Йога для вас» или книга Раша Дахари «Мать Ганг и наблюдение за поступками Рашашвамеда Гата», так как подход автора казался Фредрику слишком поверхностным. Но, тем не менее, она была для него драгоценностью.

Фредрик вздохнул. Как сказал Махатма Ганди: «Человек должен ценить каждый момент боли и несчастья, потому что они ведут его к окончательной победе». Нет, пожалуй, это сказал не Ганди. Но идея довольно распространенная.

Луч солнца пробился сквозь облака, как в последнем кадре одного из вдохновенных религиозных фильмов компании «Уорнер Бразерс». Фредрик прищурился от внезапного света, а потом, когда его мысли очистились от всех материальных мелочей, спокойно вышел из лодки.

Волны мира и спокойствия пронесли над ним в эту долю секунды. Но больше ничто над ним не пронеслось. Ступни Фредрика не погрузились в воду. Он словно споткнулся, ступив на бетон. У мистера Парди зашевелились волосы. Подумав, что он наступил на песчаную отмель, Фредрик шагнул вперед. Но ямка в воде не образовалась.

Мысли о самоубийстве улетели прочь. Возбужденный Фредрик бежал по поверхности ласковых волн. У него получилось! Благодаря странному капризу судьбы он достиг одной из форм левитации! Солнце быстро спряталось за облака, будто испугавшись увиденного.

От радости сердце мистера Парди готово было разорваться. Годы исследований и учебы принесли свои плоды. Шиям Лал действительно мог бы им гордиться. Первой об этом должна узнать Майра! Это ведь даже более значительно, чем то, что случилось двадцать два года назад, когда он поднялся от глубокого сна с революционной идеей добавить еще одно отверстие в карбюратор.

Когда мистер Парди был в пятидесяти ярдах от берега, его увидела девушка, сидящая на камне у воды.

Девушка закричала.

И Фредрик, испуганный криком, свалился в воду.

— Бллбл! — произнес Фредрик, когда выплыл в первый раз.

Девушка замерла с разинутым от удивления ртом.

— Бллбл! — сказал Фредрик, поднимаясь вверх вторично.

Неожиданно девушка оживилась и, сбросив туфли на высоких каблуках, кинулась в грязную реку. Она доплыла до мистера Парди точно в тот момент, когда он был готов погрузиться в последний раз.

К счастью, у Фредрика были хорошие крепкие волосы, и по пути к берегу он успел расстаться лишь с небольшой прядью. Он лежал на мокром камне, а девушка укоризненно смотрела на него.

— Какого черта вы это устроили?

— Простите, — автоматически ответил Фредрик. Так он обычно отвечал Майре.

— За что простить? — Девушка сверкнула глазами.

— Я... Э-э-э...

— Как мило! Какой дурацкий ответ! — Девушка вдруг рассмеялась. — Ох, этого я не видела со времен моего дедушки.

Она показывала на длинные трусы мистера Парди, прилипшие к его бедрам.

— О, Господи! — Осознав, что он в нижнем белье, Фредрик попытался спрятаться за камнем.

— Знаете, после ночного кутежа я еще немножко не в себе.

Только сейчас Фредрик заметил, что девушка одета в вечернее платье с таким же глубоким вырезом спереди, как и сзади.

— В сущности, я чертовски не в себе, накачалась по уши. Мне кажется, я вас видела... ух... ох, нет! Розовый слон — не возражаю... даже маленькие зеленые человечки.... Но ЭТО! Значит, скоро конец!

Она прижала ладони к глазам.

— Вы не увидели самого главного, мисс, — сказал он спокойно. — Я ходил по воде.

Девушка покачала головой.

— О, нет! Это невозможно! Я все это вообразила.

Фредрик смотрел на нее с удивлением. Он был слегка задет.

— Моя дорогая юная дама! То, что вы видели, — не невозможно. Просто я достиг некой формы левитации.

— Вы достигли леви-какой-таии?

— Левитации. Вы можете называть это незаконно-рожденной формой левитации. Это, в сущности, ублюдок. Совершенная левитация — это способность поднять тело над землей без физических усилий. — Его глаза сверкали. — Когда-нибудь я этого добьюсь. О, Господи! Что я замыслил!

Девушка, очарованная мистером Парди, была ошеломлена.

— Моя одежда! — вдруг закричал Фредрик.

— Почему же вы не оденетесь?

— Она осталась в лодке.

— В какой лодке?

— В лодке, из которой я выпрыгнул. Она уплыла... — Он неопределенно махнул рукой в сторону реки, но лодки там уже не было. Ее унесло время и волны.

— Знаете, — медленно сказала девушка, — я не верю, что была какая-то лодка. И не верю даже, что вы там были.

— Моя дорогая юная дама, — назидательно произнес Фредрик, — мое физическое присутствие удостоверяет факт моего существования. То, что вы были свидетелем необычного явления, не должно нарушать вашего дедуктивного мышления. Я здесь, значит, я — есть.

— Ну ладно. Я тоже пока здесь. Но скоро меня здесь не будет. Ухожу к чертям!

И девушка, шатаясь, побрела в сторону.

— Погодите! — жалобно проговорил Фредрик. — А мне что делать?

Девушка, ее звали Зев, всегда трогательно жалела голодных котят и птичек со сломанными крыльями. Поэтому она заколебалась. Тоскливый взгляд Фредрика пробудил в ней материнский инстинкт.

— Никакой мираж не может выглядеть таким несчастным, — решила она. — Наверное, вы все-таки настоящий.

Она шагнула к нему, чтобы дотронуться до него. Она его даже ущипнула.

— Оууу! — закричал Фредрик.

— Боже мой! Вы — настоящий. И такой холодный, как... — Она пыталась найти правильное слово.

— Как сосулька, — прошептал Фредрик.

— Как сосулька, — согласилась Зев. — Бедняжка!

Она вытащила из-за камня меховую накидку и задрапировала ею Фредрика.

— Нельзя порицать девушку за сомнения. Вы не должны...

— Как вы провинциальны! Никогда прежде не видели человека, ходящего по воде? И поэтому уверены, что это невозможно?

— Это безумие! Я в это не верю!

Фредрик снял меховую накидку и вздохнул. Потом подошел к воде. На его лице появилось спокойное отрешенное выражение, и он сделал решительный шаг в реку Гудзон.

— Вы... вы на чем-то стоите? — спросила Зев.

— Конечно. — Он сделал еще несколько шагов. — На воде.

Снова придя в восторг от своих возможностей, он стал отплясывать какой-то странный танец, а потом побежал обратно к Зев.

— Ну? — спросил он.

— Этому... Этому должно быть какое-то объяснение, — медленно, словно слова застревали у нее в горле, проговорила девушка.

— Конечно, объяснение есть! — И тут он привел ее в еще большее замешательство, начав излагать свою теорию.

— Эй вы! Что за дела?

По камням по направлению к ним спускался нью-йоркский полисмен.

— Чтой-то вы тут делаете?

— Вы имеете в виду нас, офицер? — спросил Фредрик.

— А вы думаете кого? Вон тех голубей?

— Чаек, — поправил его Фредрик.

— Не раскатывай губу, Джек. Это я о вас.

— Мы собираемся запускать воздушного змея, — вступила в разговор Зев, у которой было много больше контактов с представителями закона и порядка.

— А ну-ка, леди, не хотите ли прогуляться к ближайшему участку?

— Что это вас так задело, комиссар? Разве сидеть на камне у реки противозаконно?

— Плаванье! Здесь нельзя плавать! — зарычал полисмен. — Это противозаконно. И не говорите мне, что вы не плавали! Вы совершенно мокрые.

— Мой дорогой, — сказала Зев, — мы плавали в клубе Йейла.

— Но это же мужской клуб.

Зев подняла брови.

— Именно поэтому я там всегда плаваю.

— Хм, офицер, — кротко вставил Фредрик, — я случайно упал в реку, а эта юная леди, с которой я совершенно незнаком, прыгнула в воду и спасла меня.

— Да-а?

Полицейский, похоже, смягчился. Можно рассказать славную историю газетчикам. Но потом его лицо снова приняло суровое выражение.

— А где же ваша одежда-то, Джек?

— Я ее... она у меня...

— Я порвала его одежду, когда вытаскивала его из воды, — сказала Зев.

— Разорвала? И я должен этому верить? Пойдемте-ка со мной. — И он двинулся к полицейской машине.

Девушка пожалала плечами и протянула Фредрику руку.

— О'кей, дружок.

Фредрик быстро потерял всю свою восточную таинственность. Его испугала мысль о железных решетках. Колени дрожали от страха и холода, и он с трудом пробирался через залежи мусора.

— Эй, я вас откуда-то знаю, — неожиданно обратился к Зев полисмен.

— Возможно, — сказал девушка. — Мне не раз пришлось бывать в вашем преступном полицейском участке. Приглядишься лучше.

— О, Господи! Да вы — Зев Форбс! Девушка-головорез! Зев гордо выпрямилась.

— Хочешь схлопотать в хлебало?

— Ну, это вы бросьте...

Полицейский попятился.

— Никаких претензий к вам, леди. Просто я... — Он вспомнил брата-патрульного, который пытался остановить девицу, учившуюся кататься на роликах в день пасхального парада на Пятой авеню. Шрам за ухом останется у офицера Загорски до конца дней.

Зев величественно открыла Фредрику заднюю дверцу машины.

— Ваш экипаж, сэр!

— Эй, вам туда нельзя!

— Ты хочешь, чтобы я ехала впереди вместе с тобой? — спросила Зев.

— Я хочу сказать, чтобы вы не садились в мою машину. Не хочу иметь из-за вас неприятности. С меня достаточно. Сам начальник отделения отдал неофициальный приказ, что если кто-нибудь еще хоть раз арестует Зев Форбс, он немедленно вылетит со службы. Майор был убежден, что незачем рекламировать Зев в газетах.

— Рэдклиф Мэнор, парень, — сказала невозмутимая Зев, вталкивая Фредрика в автомобиль, — между 137-ой и 138-ой, на Драйв.

— Но вам нельзя...

— Ты предлагаешь нам идти домой пешком в таком состоянии? Помнишь Загорски? — предупредила Зев, уставившись на полицейского.

— Но я думал...

— И О'Брайена, и Малхолланда...

— Да, мэм.

Полицейский послушно сел за руль и поехал. Он был настолько выбит из колеи, что даже забыл включить сирену.

Через пятнадцать минут Фредрик, закутанный в одеяло, опустив ноги в тазик с горячей водой, сидел в лучшем кресле Зев Форбс в ее маленькой квартирке.

Квартира была отражением сущности хозяйки. На стенах висели подлинники импрессионистов и дадаистов. Хаотически подобранная мебель разных стилей и эпох была задрапирована нижними юбками, лифчиками, трусиками и чулками. Книги вываливались из незастекленных книжных полок.

— Вы всегда заняты по горло? — спросил Фредрик, чихая.

— Что значит «всегда занята»? Порой у меня выпадают совершенно свободные дни. Сунь ноги обратно в воду! — жестко скомандовала Зев.

— Хм, — промычал Фредрик, помахивая головой, как воробей, увидевший трехголового червяка.

— В 1950-м джентльмены из пятого сословия назвали меня дебютанткой года.

— Четвертого! Четвертое сословие — пресса, — поправил Фредрик.

— В 1951-м меня выбрали мисс Пивная пена, а в 53-м я была названа Девушкой с самой прекрасной головой Международной ассоциацией каннибалов.

Наступила тишина.

— А что случилось в пятьдесят втором? — спросил Фредрик.

— Большую часть пятьдесят второго я провела в старом доме доктора Крамера для ДМ-ов.

— ДМ-ов?

— Дипсоманиаков, то есть алкоголиков, невежда. Два месяца назад меня снова направляли туда, но старый добрый док Крамер сказал, что я плохо влияю на моральное состояние его пациентов, и не пустил меня. Как видишь, я разрешила свои проблемы, приобщившись к более серьезным аспектам жизни. — Она указала на груду книг. — Я — знаток Микки Спиллейна. А для легкого чтения у меня Достоевский, Горький и Пруст.

— Очень интересно, — проговорил Фредрик. — Но мне казалось, что дебютантки живут на Парк-авеню.

— Мой папа из прекрасной почтенной семьи, почтенно потерявшей все свои деньги. Папочка потратил последние семейные капиталы, собирая антиквариат.

— Похвально, если делается не из-за прибыли.

— Я имею в виду антикварных хористок! Кроме того, он ставил на каждую лошадь, которая приходила второй. Знаешь, меня даже называли в честь лошади. Помнишь великую Зев?

— Конечно, помню. — Фредрик застенчиво улыбнулся. — Двадцать лет назад я разработал безошибочную систему, чтобы победить этих, как их... букмекеров. Никогда не забуду замечательных скачек Зев и Вечной Памяти.

— Слава Богу, что Зев выиграла. Иначе бы я, как идиотка, шагала по жизни под именем Вечная Память. Поставь ноги обратно в воду! — приказала девушка.

— Но мне трудно держать ноги под водой, они сами становятся на воду. Видишь?

Он с силой опустил ноги под воду, и они немедленно всплыли на поверхность.

— О, Господи! Мне нужно выпить. — Зев пошла на кухню и тут же вернулась со стаканом и бутылкой. — А ты, Фредди, хочешь выпить?

— Я никогда не позволял себе употреблять отравляющие напитки.

— Да? А если сказать попросту, ты никогда не вкушал нектара богов?

Мистер Парди кивнул с чувством собственного достоинства.

— Нахожу достаточно отравы в своих книгах.

Девушка налила полстакана виски и протянула стакан Фредрику.

— Выпей залпом, чтобы не подхватить пневмонию. Я не позволю тебе заболеть в моем доме. Пей!

Он осушил стакан и улыбнулся.

— Приятный лечебный вкус! Думаю, это мне поможет. Я чувствую легкий жар.

— Легкий жар? — Она смотрела на него со смесью удивления и обожания.

Взяв бутылку из рук девушки, Фредрик налил себе полный стакан и выпил его так, словно это было молоко.

— По правде, я немного разочарован. Я слышал, что спиртное оказывает более сильное действие.

— Мужчина моей мечты! — промурлыкала Зев. — Я всегда знала, что если долго ждать, то появится такой, как ты.

— Мисс Форбс, — сказал Фредрик, глядя на нее винными глазами, — не думаете ли вы, что...

Фразу прервал угрожающий стук в дверь.

— Откройте! — крикнул пронзительный женский голос.

— Майра! — застонал Фредрик.

— Твоя жена?

Он кивнул.

— Как она меня здесь нашла? Хотя понятно. У жен есть эффективная шпионская сеть. Их бы использовать вместо радара.

— Откройте двери! Я знаю, что мой муж у вас!

— Пожалуй, надо ее пустить. А то она станет еще злее.

Зев посмотрела на полуобнаженного Фредрика.

— Отправляйся в спальню. В шкафу висит мужской костюм.

Затем она открыла входную дверь.

— Где он? — Разъяренная красавица чуть за сорок влетела в квартиру. За ней вбежали мальчик с вьющимися белокурыми волосами и коренастая девушка. — Так, прекрасно! Где червяк?

— Кто дал вам право врываться в мой дом? — возмутилась Зев. — Как вы смеете?

— Как я смею? Мне это нравится!

— Где старый козел? — крикнул мальчик.

Дверь спальни медленно отворилась, и из нее вышел кроткий Фредрик.

— Привет, мои дорогие!

— Я тебе покажу «привет», старый козел! Миссис Шварцкопф из верхней квартиры видела, как ты плескался в реке вместе с этим созданием.

— Как же она могла нас увидеть на таком расстоянии? — удивилась Зев.

— У миссис Шварцкопф есть телескоп, — ответил Фредрик, путаясь в полах пиджака, свисавших до колен. Папа Зев был намного выше мистера Парди.

— Значит, это правда? — взорвалась обозленная Майра.

— Что правда? — спросил Фредрик.

— Миссис Шварцкопф сказала, что ты с ней плавал. — И Майра запустила в голову мужа Микки Спилейном.

Фредрик увернулся, сказала многолетняя тренировка. Книга, ударившись о стену, разлетелась листочками по полу.

— Моя любимая книжка! — сердито закричала Зев и, подойдя к Майре сзади, шлепнула ее изо всей силы.

Звук удара разнесся по всему свету, и Фредрик понял, что в мире есть кто-то посильнее Майры. В дни Гитлера и Муссолини он всегда чувствовал, что, если бы они столкнулись лицом к лицу с Майрой, диктаторам пришел бы конец.

— Я объясню, что произошло, — миролюбиво сказал Фредрик. — Случилось так, что я упал в воду, и мисс Форбс спасла мою жизнь.

— В этой одежде? — саркастически спросила Майра, отскочив от разъяренной Зев.

— Что толку? Ты никогда не верила правде. А я слишком устал, чтобы выдумывать ложь. Поэтому думай что хочешь.

— Я тебе подумаю! — И Майра двинулась к мужу.

С привычным стоицизмом он, как жертвенный барашек, наклонил голову.

— Только тронь его, и ты от меня получишь! — прорычала Зев.

— А я вызову полицию, — заикаясь, проговорила униженная Майра.

— А я предъявлю иск за проникновение в мою квартиру и порчу моих драгоценных книг. — Глаза Зев сверкали. — Здесьние копы хорошо меня знают.

— Действительно, знают, — предупредил жену Фредрик. — Видели бы вы, как они перед ней прыгают. Может быть, стоит все обсудить, как цивилизованным людям? Ведь только что произошло удивительное событие.

— Что за событие? — подозрительно спросила Майра. — Ты хочешь сказать, что влюбился в эту... эту...

Зев подняла правую руку.

— Нет-нет. Я в конце концов достиг частичной левитации. Я могу ходить по воде.

Молчание.

— Ты хочешь нас рассмешить или повредил голову? — спросила Майра.

— Он МОЖЕТ ходить по воде, — спокойно подтвердила Зев.

— Ох, мама, давайте-ка уйдем из этого змеюшника, — предложил Майрон.

— Я думаю, ты выпил. — Майра подозрительно пригнулась к дыханию мужа. — Точно, ты выпил! Нарушил свой обет!

— Это просто чтобы уберечься от пневмонии.

— Лучше сто раз умереть, чем ЭТО. Жалкий, ничтожный тип!

— Майра, я трезв, как судья, и я действительно ходил по воде. Я сейчас вам докажу, постою на воде в этом тазу. Следите.

Восемь глаз внимательно следили за тем, как он спокойно и уверенно ступил в таз, и его правая нога тут же коснулась дна.

— Ты — лживый пьяница! — Майра чувствовала победу.

— Ничего не понимаю, — Фредрик поставил в таз вторую ногу, и она тоже ушла на дно. — Этому должно быть объяснение.

— Да ты побейся об заклад! — завизжала Майра. — Только я больше не хочу тебя видеть!

— Ну, Майра... — Он вышел из таза и направился к жене.

— И не пытайся проникнуть в наш дом! Пусть твоя подруга заботится о тебе!

— Бьюсь об заклад, что позабочусь! — вступила в разговор Зев. — Наконец он избавится от тебя, старая фурия.

— Идемте, дети. Оставим вашего отца с его... э... подругой.

Майра притянула к себе детей, как курица, атакованная орлом, и, подойдя к двери, сказала:

— Не пытайся забрать свое жалованье из банка в понедельник. Ты не получишь от меня ни цента.

И хлопнула дверь.

— Что за ведь... — начала Зев.

— ...ма, — закончил Фредрик.

— Нужно позвонить твоему адвокату. Не думаю, что она может не выдавать тебе жалованье. Сколько это в неделю?

— Пять долларов.

— О, дьявол. Давай-ка еще выпьем.

Бутылка оказалась пустой, и Зев, с удивлением посмотрев на Фредрика, стала ходить из угла в угол.

— Моих сорока пяти баксов в неделю на двоих не хватит. Надо подумать, как бы достать денег.

— Моя дорогая мисс Форбс, не слишком ли серьезно вы все это воспринимаете? Жена просто потеряла самообладание. Через несколько дней она все обдумает...

— Твоя жена ничего обдумывать не будет. Неужели ты мог бы вернуться к ней после того, как пытался из-за нее утопиться?

— В том, что вы говорите, есть жестокая логика...

— Эта дама — просто опасное ядовитое существо. А я хочу увидеть, как ты сделаешь миллион долларов. Тот, кто может ходить по воде, должен добиться многого.

— Но, боюсь, я потерял этот дар! Минуту назад я потерпел неудачу!

— Как ты сказал, этому должно быть объяснение. Давай-ка! — Она схватила его за руку. — Сейчас же едем к моему любимому пруду и там поставим эксперимент.

Лицо Фредрика просветлело.

— Мисс Форбс, как радостно найти такую молодую и привлекательную особу, которая интересуется научными исследованиями!

— Обсудим! А теперь надо быстренько сбежать, пока Бэтмен не вернулся с копами.

— Бэтмен? О, ты имеешь в виду Майру...

Через час «кадиллак» 1939 года преодолел подъем на холм как раз около Меррит-парквей в Коннектикуте.

— У твоего мотора не очень хороший звук, — заметил Фредрик.

— А мой «кадиллак» — единственный на свете «кадиллак» с мотором от «франклина». И вообще, это неважно. Давай не отходить от основной темы. Вернемся к фактам.

Фредрик вздохнул.

— Я тонул два раза. Сначала в Гудзоне, когда ты впервые закричала на меня, потом в тазу. Первый случай я могу объяснить. Я был испуган в момент абсолютного погружения в свое состояние.

— Может быть, у меня дома тебя напугала жена?

Он покачал головой.

— Я не боюсь ее уже с 1932 года. Я просто тонул.

— Утонул.

— Тонул.

— Ну ничего, мы скоро найдем ответ.

Зев свернула с извилистого щебеночного шоссе на грязную боковую дорогу. После прыжков по камням и

пенькам она остановила закипающий автомобиль. Пели птицы, шелестела листва, булькал изнуренный мотор.

— Приехали, Фредди! — Зев растолкала своего засыпающего пассажира.

— Ох! — Он с любопытством огляделся вокруг. — Очень мило. Очень спокойно. Это идеальное место для достижения nirваны.

Фредрик снял пиджак и рубашку, сел, скрестив ноги, и сказал:

— Мне нужно сосредоточиться на своем пупке. Просто чтобы прийти в нужное состояние.

— Не сегодня, Жозефина. — Зев вытащила его из машины и подтолкнула на лесную тропинку. — Я тебя привезла на чудесное озеро. Езжу сюда купаться каждый день. Получается дешевле, чем ходить на платный пляж, к тому же можно ничего на себя не надевать.

Через несколько минут они подошли к прелестному пустынному озеру. Оно было не больше четверти мили в диаметре, а у берега поросло водяными лилиями.

— Ну, не прекрасно ли? — с гордостью сказала девушка. — Я называю его Миннетонка. Так зовут мою тетю.

Они молча постояли у края тихо плещущейся воды.

— Ну, так... — колебался Фредрик. — Так... так... — Он аккуратно застегнул пиджак. — Интересно понять, являются ли факторы времени и места определяющими или...

— Твои предположения меня доконают, — с этими словами Зев пихнула его в воду.

С неестественной улыбкой он решительно шагнул вперед. И тут же по колено погрузился в ил. Минуту побарахтавшись в жидкой грязи, Фредрик вышел на сушу.

— Лично я думаю, что на Гудзоне мы оба были пьяными, и ты НИКОГДА не ходил по воде.

— Могло быть явление массовой галлюцинации, — размышлял мистер Парди, — но я в этом не уверен. Давай еще подумаем. Надо воссоздать картину как можно полнее. Так. Я был в лодке. Снял свой... — Он возбужденно вскочил на ноги. — Вот оно! Я понял!

— Что понял?

— Я был без одежды. — Он быстро скинул пиджак и рубашку и стал сражаться с молнией на брюках.

— Мой дорогой Фредди, не думай, что я старомодна, но тут явно присутствует леди.

— Не понимаешь? — Он вытаскивал ноги из ботинок ее папы.

— Но леди любят, чтобы их прежде спросили.

Фредрик стоял перед ней в папиных шортах и серьезно смотрел на нее.

— Все еще не поняла? Когда я ходил по Гудзону, на мне было только белье.

— Ох, а я подумала... — И в ее голосе прозвучала нотка сожаления.

— Следи за мной, — прервал он ее, с уверенностью прыгнул вперед и заскакал по воде, как заяц. — Смотри! Смотри! — Он подбежал к зарослям водяных лилий, сорвал лист и, размахивая им в воздухе, закричал: — Получилось! Получилось!

Побежав и попрыгав, Фредрик подбежал к берегу. Он тяжело дышал, но улыбался.

— В нашем пляжном домике я храню несколько книг, может быть, там есть объяснение по поводу одежды. А может быть, дело в обмене веществ...

Зев с уважением смотрела на него.

— Раньше я думала, что самый великолепный парень — Джимми Блэйн, но...

— Кто такой Джимми Блэйн?

Зев недоверчиво посмотрела на Фредрика.

— Ты не знаешь Джимми Блэйна? Ну, это парень из Гарварда, который съел 137 живых золотых рыбок.

Неожиданно Зев потянула Фредрика на тропинку.

— Пойдем-ка!

— Куда ты меня тянешь?

— Мы идем в «Дейли ньюс»!

Через три часа Зев и Фредрик печально сидели на лавочке в Брайант-парке.

— Как можно быть такими глупыми? — пробормотала девушка. — Клянусь, никогда больше не буду заглядывать в их газету через чье-нибудь плечо.

Четверо работников фотогазеты посоветовали им обратиться в сумасшедший дом, когда Зев заговорила о спонсировании перехода через Гудзон пятью тысячами долларов. Газетчики сделали много снимков пришедшей пары энтузиастов, но вместо пяти тысяч позвали копов и сделали еще несколько снимков.

В полицейском участке с ними провели длинную отеческую беседу. Добрый сержант посоветовал им воздерживаться от выпивки, которая еще и сейчас давала о себе знать. Короткую братскую беседу провел с ними лейтенант, разъяснивший, что любая попытка пересечь Гудзон без парома закончится тридцатью днями на Острове.

— Мне все ясно! — неожиданно воскликнула Зев. — Мы идем к Герману Боусману!

— Кто это, Герман...

— Последние два года Герман Боусман пытался сделать из меня певицу.

— Это все...

— Иногда ты глупее, чем Джимми Блэйн.

— А кто такой Джимми Блэйн?

— Это парень из Гарварда, который проглотил 138 живых...

— 137, — педантично поправил Фредрик.

Разговор прекратился до тех пор, пока они не добрались до угла Третьей авеню и 44-й стрит.

— Теперь ты дашь мне возможность все рассказать, — сказала Зев, когда они подошли к подъезду.

— Могу я спросить...

— Да, он на втором этаже.

Они преодолели грязную лестницу, и Зев постучала в дверь.

Дверь медленно отворилась. Их встретил толстый мужчина, который подозрительно щурился.

— Я знал, что это ты, — сказал он хрипло.

— Герман, это — Фредди. Фредди, это — Герман. Теперь перейдем к делу. — Она толкнула толстяка на его неубранную кровать.

Толстяк тяжело вздохнул.

— Я должен все это выслушивать до того, как выпью кофе?

— Это крупное дело, Герман. Гораздо значительнее, чем твоя идея создать вокально-танцевальный ансамбль. Послушай, что делает этот парень.

— Сначала кофе, — толстяк начал подниматься с постели.

— Неудивительно, что тебя выгнали с работы. Ты слишком приземленный.

— О'кей. И что же он делает? Держит равновесие на десяти стульях?

— Он ходит по воде! — с пафосом возгласила Зев.

— Так. Значит, он ходит по воде. Что еще?

Девушка была ошеломлена.

— Что ЕЩЕ?

— Он не может ПРОСТО ходить по воде. Он танцует? Поет? Жонглирует? Может быть, рассказывает истории с перчиком?

Зев шлепнула толстяка по щеке.

— Очнись, парень. Я сказала: ОН ХОДИТ ПО ВОДЕ!

— Это я уже слышал. Он ходит... ЧТО?

— До тебя все долго доходит, — холодно заметила девушка.

Толстяк вяло улыбнулся.

— Это неплохой трюк. А теперь позвольте мне поспать.

— Герман, это не трюк. Сегодня утром этот парень ходил по Гудзону. А в полдень — по водам Миннетонки. У тебя есть ванна?

— Конечно, есть, — возмутился толстяк. — Как ты думаешь, где я храню свое грязное белье?

Зев пошла в ванную комнату, и оттуда донесся звук льющейся воды.

— Иди сюда и смотри. Эй, Фредди, — скомандовала она мистеру Парди, — подготовься.

Фредрик молча стал раздеваться.

— Мужчина-стриптизер, — задумчиво произнес Герман. — Таак... Думаю, в тебе что-то есть.

— Иди в ванную и садись, — приказала Зев. — То, что у нас есть, надо немного облагородить. Вот мой сценарий. Фредрик немного рассказывает о хождении по воде. Доводит присутствующих до экстаза. Потом тихо начинает играть оркестр...

— Полагаю, Бенни Гудмен?

— Нью-Йоркский филармонический. Это тебе не дешевенький водевиль. Я только не знаю, какую музыку выбрать.

— Может, «Музыку на воде» Генделя? — вступил в разговор до сих пор молчавший Фредрик.

— Заткнись! Что-то таинственное и величественное. Как «Пассакалия» Баха...

— Музыка для настоящего хит-парада, — пробормотал ошалевший Герман.

— И потом, — прошептала Зев, — сноп света падает на Фредди, одетого в белую накидку с блестками...

— Это должны быть шорты или трусики, — поправил ее Фредрик.

— ...Блестящая белая накидка, — продолжала Зев. — Он сбрасывает накидку и ступает на воду... — Она повернулась к Фредрику, который ступил в ванну и пошел по направлению к Герману.

— О, нет! — У Германа посерело лицо, и он в полуобморочном состоянии сполз со своего стула.

— Скажу вам, детки, мы сделаем миллионы! — восклицал Герман.

«Кадиллак» рычал на незначительном подъеме деревенской дороги. Они прибыли в зеленый Катскиллс, край летних лагерей бойскаутов и отелей.

С того момента, когда Герман пришел в сознание, он находился в состоянии непрерывного восторга от умения Фредрика ходить по воде.

— Но почему нам надо начинать наш путь в этом захолустье? — недовольно спросила Зев.

— Захолустье? Этот округ больше Бродвей, чем сам Бродвей, — ответил агент. — Если вы пройдете у Гроссмана, потом пройдете везде.

— Не уверен, что мне все это нравится, — мягко заметил Фредрик.

— Что все? — спросили Зев и Герман хором.

— Этот бизнес, это превращение моего... дара... в капитал.

— Дар? Что за дар? Господь наградил тебя сумасшедшим талантом, и ты должен его использовать. Ты обязан показать людям, что ты умеешь.

— Мне просто кажется неправильным...

— Но ведь тебе нужны деньги, чтобы продолжать свои исследования, — добавила Зев.

— Хорошо. Возможно, вы правы.

Герман и Зев с облегчением вздохнули. Но Фредрик не мог остановиться.

— Хочу надеяться, что эта коммерческая деятельность не лишит меня моей силы.

— О, Боже мой! — простонал Герман.

Они проехали щит с надписью: «ГРОССМАН. Ваш счастливый край. Одна миля вперед. Плавание, рыбная ловля, теннис, гольф, бродвейские развлечения».

— Я не сказал Шульцу, что именно ты делаешь, — предупредил агент. — Если бы я объяснял по телефону, он решил бы, что я пьян. Я просто сказал, что ты грандиозен, великолепен, сильнее, чем Хенни Янгмен. Так что на первую неделю у нас есть жилье и еда.

— Помнится, ты говорил о двух сотнях в неделю, — кольнула Зев.

— Не деньги главное в этом случае. Я-то имею всего лишь десять процентов. Но послушайте, самое важное, что в этих местах множество разных продюсеров. Все, что Фредди сделает в одном представлении, это наш будущий успех.

— Похоже, ты прав.

— Герман всегда прав, — подтвердил толстяк и закричал: — Посмотрите-ка, тут же Ку-клукс-клан!

Зев резко остановила автомобиль, пропустив дюжину мужчин и женщин в накинутых на плечи просты-

нях. Они несли большой плакат: «МИРОВОЙ КОНГРЕСС АПОСТОЛОВ ПЕТРОВ».

— Чокнутые, — заключила Зев.

— А интересно... — сказал Фредрик.

— Что тебе интересно?

— А интересно, есть ли у них что-нибудь под простынями?

Герман посмотрел на Фредрика и пожал плечами. Девушка потрепала задумчивого мистера Парди по голове.

— Мой малыш, — сказала она ласково.

Главное здание предприятия, широко известного под именем «Гроссман», представляло собой огромное кирпичное строение, расположенное на краю скалы. Если бы Франка Л. Райта спросили, к какому архитектурному стилю относится это сооружение, то вместо ответа раздался бы вопль. Хозяин «Гроссмана» Джером Шульц десять лет назад был в Швейцарских Альпах, и ему так понравилось одно горное шале, что он приказал воспроизвести его на своей земле. Только гораздо больше.

У подножия массивного «шале» расположились обычное девятилуночное поле для гольфа, дюжина теннисных кортов и подобное драгоценному камню озеро, названное, естественно, озеро Эха. На его берегу можно было просто-я, крича целый день, но так и не дождавшись ответа.

В огромной столовой как раз выметали последний мусор после ланча. А на пустынной эстраде вела дискуссию небольшая группа людей.

— Ты совершенный дурак! — кричал маленький мускулистый рыжий мужчина.

— Давай не переходить на личности, — спокойно отвечал Герман.

— Наше новое шоу открывается сегодня вечером, а ты привез этих рептилий, как каких-то известных актеров! — Рыжий тыкал пальцем в сторону Фредрика.

— Кого это вы называете рептилиями? — потребовала ответа Зев, крепко схватив рыжего за галстук.

— Эй! Эй! Уберите от меня эту дикую кошку! Вы его личный представитель или что-то другое?

— Скажу тебе, Джером, — вступил агент, — эта птичка стоит многого. Зрители будут просто сражены.

— Если ему это не удастся, — сказал Джером, — то у вас тут есть еще дочь Дракулы, которая их всех доконает. Ты обещал мне Хенни Янгмана, а что я имею?.. Этих!

— Небольшое недоразумение. Я тебе сказал по телефону, что этот парень ПОСИЛЬНЕЙ, чем Хенни.

— Мне он не кажется смешным.

— А он и не комик, у него нечто более специфическое.

— Специфическое! А мы хотим комика! Вот если бы твой парень мог... — Джером посмотрел по сторонам. — ...мог ходить по воде...

— Как раз это он и делает, — спокойно ответил Герман.

— Что делает?

— Он ходит по воде.

— Ну, конечно. Один из этих мерзких трюков. У нас был один такой. Использовал привязанные к ботинкам воздушные шары. Но всегда переворачивался и тонул.

— Как скучно! — заметила Зев.

— Держи эту змею на поводке, пока у меня не кончилось терпение, — предупредил Джером.

— Наш воздушными шарами не пользуется.

Рыжий вздохнул.

— Так в чем уловка? У него невидимые веревки или что-нибудь еще?

— Он не пользуется веревками. Он ничем не пользуется. Он просто ходит по воде. Джером, я повторяю снова и снова. У него нет никаких приспособлений. Фредди, покажи-ка ему. Здесь в вестибюле есть большой бассейн с золотыми рыбками. Делай свое дело. Наш хозяин скуповат. Ему надо все показать.

— Хорошо, — вздохнул Фредрик, который уже устал от переодеваний.

— Эй, что это он делает? — закричал Джером, когда мистер Парди скинул одежду и ботинки.

— Это часть представления. Пойдем, Фредди. — Герман взял мистера Парди за руку и повел к вестибюлю.

В вестибюле сотня гостей, большинство из которых была в купальных костюмах, толпилась возле большого бассейна в два фута глубиной. Фредрик в своих шортах не привлек особого внимания.

Когда он ступил на край бассейна, это вызвало значительный интерес, потому что по крайней мере раз в день очередной комедиант преодолевал бассейн, побрякивая по-утиному.

Фредрик спокойно шел по поверхности воды, дошел до середины бассейна и, повернувшись, увидел Джерома с разинутым ртом.

— Смотрите, — негромко сказал он, раскинув руки в стороны, — никаких приспособлений.

Семнадцать женщин пронзительно завизжали, и четверо из них упали в обморок. Сильные мужчины побледили, а гостиничный кот бросился наутек.

Со вздохом Фредрик дошел до края бассейна и скрылся в столовой.

В «Гроссмане» началась паника. Джером подбежал к конторке и нажал на кнопку звонка.

— Люди! Прошу внимания! Это часть нашего шоу! — Он снова нажал на кнопку звонка. Наконец наступила тишина. — Вы сейчас видели небольшую рекламу величайшего в мире шоу, принесшего «Гроссману» небывалый доход. Вы увидели Корко, Человека, Который Ходит По Воде. Справьтесь на доске объявлений о дате следующего шоу.

Как раз перед обедом прибыли утренние газеты. Гости, уже возбужденные экспромтом Фредрика, пришли в неистовство от статьи на третьей полосе «Ньюс». Несмотря на то, что статья носила оттенок издевательства, все в «Гроссмане» поняли, что они на пороге сенсации. В этот вечер каждая программа радио и ТВ делала гвоздем про-

граммы Человека, Который Ходит По Воде. Когда Джером понял, что обладает национальной знаменитостью, он решил до предела драматизировать первое публичное появление звезды.

Хотя гости умоляли устроить хождение по воде этим же вечером, хитрый Джером оповестил, что представление состоится в субботу. Это давало ему время, необходимое для организации телевизионной передачи. Чтобы успокоить взволнованных гостей, Джером выпустил Фредрика на сцену в столовой во время ужина. Выступление мистера Парди об искусстве хождения по воде мало кто понял, но все сочли его научным и очень интересным.

Следующее утро принесло еще более удивительные новости. Тысячи людей утверждали, что видели хождение по: 1) Миссисипи около Сен-Луиса; 2) озеру Эри; 3) Гангу и 4) бассейну отеля «Сент-Джордж» в Бруклине. Русские предъявили 128-летнего крестьянина, который прошел всю реку Балалайку на Урале. Группа видных ученых послала в «Таймс» письмо с категорическим утверждением, что Фредрик — плут. Они назвали его первой «Плавающей тарелкой».

Весь этот шум для Фредрика не значил ничего в сравнении с телеграммой, которую он получил от Майры:

НИКОГДА НЕ ЯВЛЯЙСЯ В МОЙ ДОМ НЕ ЛЮБЛЮ МАЙРА

— Почему это тебя беспокоит? — спросила раздраженная Зев. — Ты ведь и не собираешься возвращаться домой? — Они разговаривали в комнате Зев на четвертом этаже.

— О нет, мне просто не нравится, когда ко мне плохо относятся.

— А здесь кое-кто к тебе очень хорошо относится, — сказала Зев, обнимая его.

Фредрик посмотрел на нее с укором.

— Надеюсь, что ты не будешь расхаживать передо мной в этом...

— В чем?

— В этом... — Он неопределенно махнул рукой на ее лифчик и трусики.

— Но ведь на мне надеты туфли! Мой папа всегда говорил: «Никогда не ходи в номерах отелей босиком. Это негигиенично!»

— Я говорю не об этом.

— Ты меня не любишь? — тихо спросила она.

— Любить тебя? Мое дорогое дитя, я в таком возрасте, что вполне могу быть твоим отцом.

— Папочка! — воскликнула Зев и плюхнулась к нему на колени.

— Знаешь, — переведа дух, сказал Фредрик, — ты совсем не такая, как мои дети.

— Или Майра.

— Нам необходима некоторая практика, — сказал он, пытаясь освободиться.

— Мой дорогой, какую практику ты имеешь в виду?

— Хождения по воде. — Извиваясь, как червяк, он все-таки выдрался из кресла. — Джером сказал, что на озере есть пустынное место.

Через полчаса Фредрик стоял на берегу залива под большими, тенистыми деревьями. Он сменил папины шорты на другие, хорошо сшитые, с гавайским орнаментом, которые ему купила в магазине отеля Зев.

— Чего ты ждешь? — нетерпеливо спросила Зев. — Чтобы начался отлив?

— Шшш... Я концентрируюсь.

Потом он быстро повернулся и пошел к воде.

— Я, очевидно, использую бессознательную форму «ноль-А», поэтому теперь могу даже не концентрироваться. О! Пожалуйста, не делай этого! — закричал он, увидев, что девушка разделась и осталась только в белье.

Зев приблизилась к нему. Фредрик побледнел и погрузился в воду до колен. Но могучая сила вытолкнула его на поверхность.

— Какой он у нас сообразительный! А я вот решила, что если ты можешь ходить по воде, то и я тоже смогу.

— Дорогое дитя! Мое умение — результат многолетних исследований. И я до сих пор точно не знаю, как я это делаю.

— Ты концентрируешься и все. О'кей, я тоже сконцентрируюсь. Так. Я готова. — Она на минуту нахмурила брови. — Иду к тебе.

— Это невозможно!

— Вперед! — она толкнула Фредрика, и он упал, споткнувшись о воду.

— Прошу тебя, больше так не делай. Мне так больно. Словно я упал на тротуар.

— Ну, я иду. — Зев уверенно шагнула в воду и погрузилась по пояс. — Оказывается, это труднее, чем я думала. Но у меня есть новая идея. — Она начала снимать лифчик.

— Это еще зачем?

— На мне слишком много одежды. Поэтому я и тону.

Но ее теория не подтвердилась, и она снова пошла ко дну.

— Если тебе действительно интересно, — сказал Фредрик, отвернувшись, ведь он был истинным джентльменом, — я тебя проинструктирую. Думаю, ты окажешься способной ученицей.

— О, Фредди! Я в самом деле чувствую себя способной. Со стороны отеля донесся звон колокола.

— Быстрее! — крикнул Фредрик. — Зовут к ланчу!

— Ты прав, — вздохнула Зев. — Если не поторопимся, то не удастся проесть нашу двухсотдолларовую зарплату.

В продолжение следующих нескольких дней Фредрик старался использовать каждый удобный момент, чтобы ввести Зев в таинства йоги. В первый день он только приблизил ее к этой строгой интеллектуальной теории. Затем началась практика концентрирования.

Однажды вечером Фредрик сидел на полу, скрестив ноги и сосредоточившись на созерцании своего пупка.

— У меня есть идея, — сказала Зев. — Лучше ты сосредоточься на созерцании моего пупка, а я буду смотреть на твой.

На это Фредрик ответил угрозой прекращения занятий.

За время учебы с Зев произошла удивительная перемена. Прежде ее кожа была серой и безжизненной, а теперь она стала свежей и розовой, как у доярки.

В первый вечер в «Гроссмане» Зев купила бутылку виски. Когда она предложила выпить Фредрику, к ее удивлению, он немедленно согласился.

— Ты хочешь таким образом меня исправить? — спросила она. — Это пытались сделать все мои прежние мужчины.

— Мое дорогое дитя, я с трудом гожусь для этой роли. А кроме того, я не намерен заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь сама. Нальешь мне?

Он осушил полный стакан так, как если бы это была пепси-кола.

— Удивительно. Никакого эффекта.

Будучи по натуре ученым, он экспериментировал до тех пор, пока бутылка не превратилась в воспоминание.

Во второй вечер Зев заняла денег у Германа, и сцена повторилась.

Когда на третий вечер Фредрик стал выяснять, где же виски, Зев расстроено ответила, что из-за его пристрастия к спиртному окружающие будут презирать ее, Зев.

Днем в субботу «Гроссман» превратился в сумасшедший дом. Были зарезервированы все комнаты и сотни палаток с раскладушками по восемь долларов за ночь. Пятьдесят техников монтировали телевизионную аппаратуру. Фирмы «Парамаунт» и «Патэ» объединили свои усилия и построили двухпалубную баржу, чтобы зафиксировать каждый шаг по воде. Группа видных ученых из Новой Англии, которые писали письма в «Таймс», приехали все до одного, чтобы на весь мир разоблачить обман.

Но Зев и Фредрик не особенно обращали внимание на эту кутерьму. Утром Зев удалось пройти несколько шагов по воде пустынного залива, держась за руку Фредрика.

Правда, без его поддержки у нее еще ничего не получалось, но даже этот маленький успех был упоителен.

— Нет предела нашим возможностям, — ликовал мистер Парди, когда они возвращались в отель. — Ты мой вдохновитель! Теперь я уверен, что могу достичь абсолютной левитации!

— Вот он, парень, который мне нужен! — закричал Герман, ждавший их у входа в отель. — Нам в руки идет удача!

— Она тоже может!

— Рад за нее. Нас ждет Салливан.

— Ты слышишь? Зев тоже может ходить по воде!

— Я, правда, держала его за руку, но у меня уже получается! — сказала взволнованная Зев.

— И Зев? Господи! Что за парочка! Надо посмотреть.

— А кто такой Салливан? — спросила практичная Зев. — Он дает деньги или принимает законы?

— Салливан хочет Фредрика на свое завтрашнее шоу. Они строят специальный бассейн. — Он помахал пачкой телеграмм. — И к тому же здесь изумительные предложения из Лас-Вегаса, Чикаго — из всех больших ночных клубов. Шабертс собирается делать с тобой новую версию фильма «Принц-студент», а Майкл Тодд хочет переписать для тебя «Ночь в Венеции».

Пока Герман переводил дух, Фредрик просматривал пачку телеграмм. Радостно улыбаясь, он спокойно сказал:

— До подписания каких-либо контрактов мы с Зев хотим все тщательно обдумать. Здесь я вижу интересное предложение от Калифорнийского технологического. Они предлагают мне место профессора на физическом факультете, если я подойду по их требованиям.

— Ну, это чепуха. Эти скряги дают только восемь тысяч в год.

— Мне всегда хотелось быть женой профессора, — мечтательно сказала Зев.

— Не говорите глупостей. Теперь послушайте меня. Сначала вы забываете все ночные клубы. Потом на проценты от доходов мы делаем картину. За первые два меся-

ца мы должны иметь чистыми по крайней мере два миллиона и потом...

Но вдруг Герман понял, что разговаривает сам с собой. Его компаньоны медленно уходили по вестибюлю, погруженные в свои мысли.

В 9 часов вечера приятно взволнованный Джером Шульц оглядывал свои владения. Повсюду были люди из отеля, из палаток, бойскауты, телевизионщики и три сотни апостолов Петров в белых простынях, занявших два первые ряда на склоне холма, обращенного к пристани. Два связанных вместе плота превратились в сцену для второго отделения. Японские фонарики, подвешенные по всей длине пристани, создавали праздничную атмосферу.

В комнате Зев обсуждалась важная проблема. Герман полдня пробовал убедить Фредрика надеть подтяжки с огромными кристаллами розового хрусталя, но Фредрик на это не соглашался.

— Надо одеться благородно, — настаивала Зев. — Он пойдет в простых белых шортах или ни в чем.

— Не желаю идти ни в чем, — протестовал Фредрик. Герман вздохнул.

— О'кей. Но хоть купальный халат ты согласен надеть?

Джером нашел роскошный золотисто-пурпурный халат, который оставил Кид Марипозо после прощального боя в среднем весе. Со спины халата стерли слова «Кид Марипозо» и написали «Корко».

— Ни за что! — кричала Зев. — Не делайте из Фредди идиота! Корко!

— Это не я придумал, это все Шульц, — оправдывался Герман.

— Вот пусть Шульц и носит этот халат!

Раздался стук в дверь, и в щель на полу вполз желтый конверт. Герман схватил его, вскрыл и прочел:

ПРИХОДИ ДОМОЙ МАЙРА

— Какая еще, к черту, Майра?

— Моя жена, — ответил Фредрик.

В дверь снова постучали. Раздался голос посыльного:

— Вам выходить через полчаса. Шульц ждет вас на пристани!

Фредрик в старом обтрепанном халате, Зев и Герман вышли из комнаты. В вестибюле их остановила группа возбужденных людей. Один из них схватил Фредрика за воротник.

— Вы должны достать нам места. Мы приехали из Новой Англии, и у нас нет мест. Я — доктор Фейдт...

— Это ваши личные проблемы. И не пытайтесь доказать, что все это жульничество.

Толстый ученый взглянул на Германа.

— Мы не собираемся ПЫТАТЬСЯ. Мы ДОКАЖЕМ. Хождение по воде без какой бы то ни было материальной поддержки абсолютно невозможно. Вы утверждаете, что не используете никакого антигравитационного механизма, сэр? — повернулся он к Фредрику.

— Я пользуюсь величайшим в мире механизмом — разумом, — ответил Фредрик.

Это вызвало величайшее возмущение среди ученых.

— Вы, джентльмены, естественно, осведомлены о факторе «ноль-А»?

— Разумеется, — возмущился доктор Фейдт. — Но я думаю, вы используете методы йоги и...

— После многолетних исследований я пришел к заключению, что йога и фактор «ноль-А» находятся в очень близких отношениях...

— У вас осталось двадцать минут, — крикнул посыльный.

— Джентльмены, к сожалению, не могу завершить наш разговор. Если пожелаете, мы можем обсудить проблему после шоу. Надеюсь, оно вам понравится.

— Но у нас нет мест!

— Не волнуйтесь, джентльмены, — ответил Фредрик. — Буду счастлив видеть вас своими гостями. Вам найдут места.

— Но, Фредди, — возмутился Герман, — эти птички хотят тебя распять!

— Я бы хотел, чтобы они сидели как можно ближе, — Фредрик улыбнулся. — Увидеть — значит поверить.

На пристани Фредрика ожидала огромная толпа зрителей. Джером подошел к микрофону.

— Леди и джентльмены! Вот он, великий момент!

Толпа ответила приветственными криками.

— Джером Шульц не был рядом с братьями Райт при их первом полете, но сегодня здесь, в «Гроссмане», я дам вам возможность увидеть нечто еще более величественное. Перед вами единственный в мире человек, который нарушил законы гравитации. Он не пользуется невидимыми веревками или другими приспособлениями. То, что он собирается сделать, очень просто. Он пройдет по воде от пристани до плотов. Дно озера в этом месте и состояние воды были проверены комитетом, состоящим из ученых, юристов и деловых людей. Они определили, что там только вода. Я прав, джентльмены?

Он повернулся к маленькой группе людей, торжественно восседавшей на пристани.

Джентльмены согласно кивнули.

— Итак, леди и джентльмены, «Гроссман» представляет Корко — Человека, Который Ходит По Воде! Ребятки, музыку! — сказал он оркестру.

Шесть могучих ламп осветили пристань, где стоял Фредрик. Он спокойно снял халат, улыбнулся, несколько раз поклонился и пошел к воде.

Наступила мертвая тишина. Шеи вытянулись, глаза не моргали, дыхания остановились. Фредрик поднял правую ногу, собираясь ступить на воду, и в ту же минуту триста белопростынных апостолов Петров вскочили с мест и злобно завопили:

— Святотатство!

Их рычание было таким громким, таким злобным и неожиданным, что Фредрик потерял равновесие и упал в озеро вперед головой. В это мгновение показалось, что голова его стукнулась о что-то твердое. Но тут же его тело, повернувшись на поверхности воды, стало медленно тонуть.

Минутное молчание ошеломленной толпы взорвалось безобразными криками, когда Зев бросилась в воду и вытащила Фредрика на пристань. Только группа десантников, образовав живую стену вокруг полумертвого мистера Парди, спасла его от растерзания обезумевшими зрителями.

Фредрик сидел на маленькой раскладушке, потирая ушибленную голову. Он тупо уставился на мятый желтый листок, который дрожал в его руке.

**ОСТАВАЙСЯ НА МЕСТЕ ТЧК БУДУ ГРОССМАНЕ
6.30 УТРА АВТОБУСОМ ТЧК ЗАБЕРУ ТЕБЯ ДОМОЙ
ТЧК ЛЮБОВЬ ОТ ВСЕХ ТЧК МАЙРА**

Вероятно, она решила, что он заработал миллион своим хождением по воде, подумал мистер Парди. Удивительно, но эта мысль его не огорчила.

Он медленно поднялся и подошел к окну. Несмотря на свой маленький рост, ему все-таки пришлось нагнуться, чтобы не удариться о стропила чердака. Из окна был виден крутой обрыв у маленького озера. Теперь там было пустынно, мертвенный лунный свет заливал склон холма, замусоренный бумажными пакетами и другими следами пребывания толпы.

Фредрик вздохнул. Как глупо было дать себя втянуть в это предприятие, выставить себя на всеобщее обозрение. Движение к цели было так прекрасно, финал — так безобразен. Если бы он прошел по воде, его жизнь превратилась бы в дешевую комедию. Надо было принять предложение от Калифорнийского технологического. Спокойная профессорская жизнь, все условия для размышления, достойное существование. А теперь он — участник клоунады, кочующей с берега на берег.

Он открыл маленькое пыльное окошко и высунул туда ноги. Глянув на камни мостовой, он смущенно улыбнулся и прыгнул в пространство. Пока он падал, сознание его было удивительно ясным. Пролетая мимо комнаты Зев, он уловил ее рассеянный взгляд. Она сидела, скрестив ноги и разглядывая свой пупок. Зев увидела лицо Фредрика

и вскрикнула. Он прощально помахал ей рукой. Вдруг его пронзила мысль о том, как долго он смотрит в окно Зев. При нормальном падении с чердака он должен был приземлиться приблизительно через двенадцать секунд. Однако двенадцать секунд давно прошли. Очевидно, он ошибся в расчетах.

Зев снова вскрикнула и подбежала к открытому окну.

— И-и-и что ты здесь делаешь?

— Я-а-а... — отвечал Фредрик, поняв, что из всех возможных решений загадки логично только невозможное.

— Уцепись за что-нибудь, я втащу тебя в окно, — кричала испуганная девушка.

— Уцепиться? Мое дорогое дитя, я уже уцепился. За ничто.

— Ты хочешь сказать...

— Похоже на то, — сказал он, пожав плечами. — Добился абсолютной левитации.

— Забирайся сюда, пока не простудился, — приказала Зев.

Фредрик вступил, вернее, вплыл внутрь. Он сделал несколько экспериментальных шагов, подпрыгивая на полу. В своем энтузиазме он прыгал слишком высоко и ударялся головой о потолок. Потом он, как гирька, свалился на кровать.

— Что это ты проделывал там, за окном? — подозрительно спросила Зев.

— Я... просто пробовал...

— Не обманывай. Ты снова пытался покончить с собой, да?

Поняв, что отрицать бесполезно, он печально кивнул.

— Ты — глупый осел! — взорвалась она. — Только из-за того, что провалил это ничтожное шоу?

— Прости!

Неожиданно она заплакала. Фредрик успокаивающе обнял ее.

— Ну что ты за человек!

— Я не думал, что так много значу для тебя, — тихо сказал он.

— Не думал? — воскликнула она. — Да если бы я увидела тебя лежащим внизу, я бы бросилась вслед за тобой!

— Ты не преувеличиваешь?

Зев размахнулась и ударила его по щеке.

— За всю мою жизнь никто меня так не оскорблял! — И она снова заплакала.

— Разве меня можно полюбить? — спросил мистер Парди. — Я уже так стар...

— Ты вовсе не стар, — сердито возразила девушка. — Это я так стара, что гожусь тебе в матери. В моем мизинце больше жизненного опыта, чем...

— Хорошо, — вздохнул Фредрик, — тогда я могу тебе признаться в недозволенных мыслях о тебе.

— Тогда давай не только размышлять, а... — кинулась к нему Зев.

— Нет-нет. — Фредрик остановил девушку на расстоянии вытянутой руки. — Только после получения развода от моей... Ох! — И он вспомнил о телеграмме, все еще зажатой в кулаке.

Зев прочитала послание.

— Ах, старая гарпия! Она хочет получить тебя обратно, решив, что ты будешь зарабатывать миллионы. Но теперь, раз ты — неудачник, она рада будет от тебя избавиться.

Фредрик покачал головой.

— Нет. Теперь она знает, что я могу ходить по воде, и сделает меня несчастным, заставив проделывать это на Бродвее по два раза в день.

— Давай сейчас же удерем и будем жить под другими именами.

— Не очень удобно.

— Тогда давай отравим старую нахалку.

Он покачал головой.

— Не очень этично.

Фредрик нахмурился.

— Надо все как следует обдумать. Во-первых, мы должны забрать мои книги из летнего домика на островах. Думаю, я на пороге чего-то очень значительного. Возможно, мне даже удастся проходить сквозь стены.

— Тогда у нас не будет никаких проблем! — обрадовалась Зев. — Все, что нужно сделать, это пойти ночью и слегка себе помочь!

— Нечестная жизнь не принесет нам счастья.

— Ну, это мы еще посмотрим.

— То, о чем ты говоришь, нереально. — Его глаза прояснились. — Если я смогу проходить сквозь стены, Калифорнийский технологический наверняка даст мне место профессора. — Он с сомнением посмотрел на Зев. — Если ты, конечно, не возражаешь против спокойного существования в университетском городке.

Зев с нежностью взглянула на мистера Парди.

Утреннее солнце как раз вытянуло себя над горизонтом и бросило миллиарды желтых взглядов в окно.

— Давай уйдем отсюда, пока не приехала Майра. Собирайся. Я вернусь через пять минут, — сказал Фредрик и вылетел в окно.

Когда большой голубой автобус промчался мимо «кадиллака», Фредрик спрятался на заднем сиденье.

Только они облегченно вздохнули, как под капотом автомобиля раздался взрыв и машина остановилась.

Зев выпрыгнула, открыла капот и увидела грудку запчастей.

— Похоже, ее пора пристрелить, — грустно сказала девушка.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, — ответила она, вытаскивая чемодан из багажника, — что надо садиться в автобус.

— А деньги? — спросил Фредрик.

У них на двоих было 1.98 доллара.

— Мой месячный чек поступит только через две недели, — вздохнула Зев. — Не помню, рассказывала ли я тебе, что мне платят 45 долларов в неделю за то, чтобы я никогда не появлялась в Филадельфии? Ну ладно, надо бы поесть. С этого момента разреши мне самой все устраивать.

Совсем рядом оказалась милая маленькая деревушка под названием Водопады. В ней проживало 1342 человека.

Завтрак был сервирован в саду старого дома в колониальном стиле. После того, как они покончили с вафлями, яйцами и сосисками, Зев обнаружила, что 1.98 доллара потерялись через дырку в ее сумке.

— Что делать? — прошептал Фредрик, когда официантка оставила им счет на 1.75. — Мыть посуду?

— Нам придется мыть посуду целую неделю, а потом, когда снова проголодаемся, опять же начнем мыть посуду. И никогда отсюда не выберемся. Это — рабство. Мы не можем допустить, чтобы с двумя свободными гражданами поступали подобным образом. — И тут она спокойно разделась. — Поднимись и сделай то же самое, — сказала она, когда он вытаращил на нее глаза.

— Но...

— Мы пролетим над стеной сада, а потом отдохнем.

— Но ты же не умеешь летать!

— Если ты умеешь, то и я смогу, — сказала она уверенно. — Поторопись, пока она не вернулась.

Зев быстренько связала их одежду в аккуратный узелок и швырнула его через стену сада.

Раздался звук хлопнувшей двери.

— Скорее, идет официантка.

Фредрик закрыл глаза и медленно поднялся. Он остановился на высоте одного фута, так как Зев еще прочно стояла на земле.

— Сосредоточься, — прошипел он.

— Я... Потяни меня посильнее. — И они медленно оторвались от земли. Летящая парочка поднялась на десять футов, перелетела через стену и спокойно начала снижаться.

Из сада раздался визг и звук бьющейся посуды.

Этот полет видела только миссис Марта Уоткинс.

— Туристы, — с отвращением сказала она своему коту Джорджу.

Зев и Фредрик не стали ждать расследования. Взяв узелок с одеждой, они быстро побежали к дороге и через несколько минут уже спорили перед входом на автобусную станцию.

— Но мы же должны заплатить за автобус! — доказывала Зев.

— Только без кражи, — возражал мистер Парди.

— А как еще достать денег? Скоро по этой дороге будет возвращаться твоя жена, и...

— Но тебя могут поймать, — снова спорил с ней Фредрик.

— Не поймают, если ты сыграешь свою роль. Я пойду в дамский туалет. Ты стоишь снаружи у бензоколонки. Как только я выхожу из туалета, ты поднимаешься на несколько футов. Пока заправщик будет смотреть на тебя, я стащу немного денег из его кассы.

— Но...

— Потом мы их ему вернем.

Она исчезла в дамском туалете. У Фредрика заколотилось сердце. Ожидание показалось бесконечным. Наконец дверь отворилась, и девушка вышла.

Фредрик закрыл глаза и сосредоточился. Когда он их открыл, то оказалось, что он поднялся всего лишь на дюйм от земли. А взволнованный заправщик вытаскивал на улицу Зев.

— Воровка! Воровка! — кричал он.

К автобусной станции двинулся полисмен. Зев сделала резкое движение по направлению к Фредрику, но он словно прирос к земле.

— Эта дама, — кричал заправщик, — пыталась меня ограбить. Я поймал ее руку в кассе.

— О'кей, леди, — прорычал толстый полисмен средних лет, который раньше видел преступников только в кино. — Вы арестованы!

— Это ошибка, — сказал Фредрик, приближаясь к ним. — Она только...

— Не ваше дело, мистер! — включилась Зев. — Заберите меня в камеру, мальчики.

— Но...

— Да-да, займитесь своими делами, мистер, — сказал полисмен.

— Это мое дело. Я так же виновен, как и она, — настаивал Фредрик.

— Что случилось? — прошептала Зев, когда их вели в тюрьму.

— Я был одет, — объяснил Фредрик.

— О Господи! Как я могла об этом забыть!

— До сих пор не понимаю, какой во всем этом смысл. Если бы только я мог добраться до своих книг!

Меньше чем через час Зев и Фредрик стояли перед судьей. В Водопадах юстиция действовала быстро. К тому же в этот день судья собрался на рыбалку, поэтому он хотел как можно скорее закончить все свои дела.

Судья только выслушал объяснения двух воров и приказал поддержать их в суде до его возвращения.

— Вот вернусь и решу, как вас наказать. В соответствии с законом, конечно.

— Давай-ка удерем из этой ловушки, — прошептала Зев своему партнеру по преступлению.

— А? — Но, увидев, что она раздевается, он тут же последовал ее примеру.

— Что это вы делаете? — закричал пораженный судья. — Сержант, отправьте их обратно в камеру! К вашему преступлению добавим еще и непристойное поведение!

— Ваша честь, — сказала сильно не одетая Зев, — мы передаем это дело в более высокий суд.

С этими словами два арестанта, один в шортах, другая в трусиках и лифчике, медленно поднялись над полом. Зев помахала судье рукой, придвинулась к нему и схватила со стола судейский молоток. После этого арестанты, сложив на груди руки и подняв глаза вверх, полетели к застекленному потолку. Зев размахнулась и молотком пробила в стекле дыру.

Два бывших арестанта вылетели на свободу.

Не повезло в этот день Герберту Морли. В тот момент он стоял на автомобильной стоянке позади здания суда. Он только что повздорил с женой и теперь сердито ждал ее возвращения из супермаркета. Глядя на красочную афишу на стене кинотеатра, он думал о том, почему это художники так идеализируют женщин. И пока эти мыс-

ли бродили в его голове, над ним появилась пара хороших ножек, и очень раздетая молодая женщина опустилась прямо в его объятия.

Видение нежно улыбалось Герберту. Это была ожившая киноафиша. Герберт попытался вскрикнуть, но звук застрял где-то в середине горла.

— Таак! — выкрикнул зловещий женский голос, который не мог принадлежать никому, кроме миссис Морли. — Теперь я знаю, почему ты не пошел со мной за покупками, Герберт Морли!

— Но я вовсе... — начал оправдываться удивленный муж.

— Каково! Прямо посреди автомобильной стоянки!

— Это безумие! Я никогда прежде не видел эту леди!

— О, Герберт! — ласково ворковала Зев. — Как ты можешь так легко от меня отказаться? Что я скажу маленькому Герберту и крошке Гербине?

Миссис Морли вскрикнула и упала бы в обморок на руки мужа, если бы первым не потерял сознание он.

— Не надо было этого делать, — сердился Фредрик, когда они наконец приземлились на пустынном заднем дворе какого-то дома.

— Да я пошутила, — хихикала девушка. — Ты видел, какое выражение лица было у этого мистера, когда я свалилась ему на колени?

Она подбежала к веревке с сохнувшим бельем и сдернула с нее платье в узорах из больших роз. Из задней двери дома выскочила собака и стала лаять на девушку. Зев быстро поднялась в воздух. Несчастная собака завyla, поджала хвост и убежала.

Зев покрутилась перед Фредриком, наблюдавшим за ее преступлением.

— Красиво? — Платье шилось на женщину раза в два толще Зев.

— Если так пойдет дальше, я буду летать один, — проворчал Фредрик.

— О'кей, я его сниму, если ты изобретешь что-нибудь получше. Но скажи, что ты думаешь о своей ученице? Ведь я могу теперь левитировать сама!

Неподалеку раздался полицейский свисток. Обернувшись, бывшие арестанты увидели знакомого сержанта, перелезающего через деревянный забор.

— Стойте! Именем закона! — крикнул сержант, направляясь к ним.

— Давай подхватим его и дадим ему немножко полетать, — предложила Зев. — Думаю, вдвоем мы смогли бы...

Но прежде чем ей удалось закончить, она очутилась на соседней улице, так быстро понесся потянувший ее за собой Фредрик.

— Нам необходимо достать немного денег на автобусный билет и какую-нибудь одежду для тебя.

— Может быть, кого-нибудь попросить... — нерешительно сказал Фредрик.

— Ты что, хочешь жить за чужой счет? Не-а, не в этом мерзком городишке. Мы должны попробовать...

Неожиданно Зев и Фредрик услышали громкий рев толпы.

— Это за нами, — испуганно прошептал мистер Парди.

Но в наступившей тишине с другой стороны улицы раздался голос, вещавший через мегафон:

— Леди и джентльмены! Теперь мы переходим к прыжкам с шестом. Победитель в этом виде будет представлять район на предстоящем соревновании по олимпийскому троеборью в Роланд-Айленд. Добавлю, что предприниматели нашего округа учредили ценную золотую медаль. Соревнующиеся, пожалуйста, подойдите к полевым судьям около стойки для прыжков.

Снова послышались приветственные крики невидимой толпы зрителей.

Зев вытолкнула Фредрика из кустов.

— Давай-ка, Фредди.

— Куда это ты собралась?

— Это ты собираешься выиграть районные соревнования по прыжкам с шестом.

— Ты сошла с ума? — Фредрик пожал плечами, но она упорно тащила его через пустынную улицу.

— Разве ты не слышал, что победитель получит золотую медаль? Ты выиграешь медаль, мы ее загоним, все абсолютно честно. Понял?

— Соперники! Немедленно подойдите к стойке. Соревнование начнется через пять минут, — выкрикнул мужчина с мегафоном.

— Никогда не слышал ничего более абсурдного.

— Почему?

— Почему? Я никогда в жизни не прыгал с шестом!

— Глупенький! Тебе надо только немножко полевитировать. Только чуть-чуть, чтобы не вызвать подозрений.

— Но я...

— Спокойно! Я все устрою. В этих белых штанишках ты вполне похож на спортсмена. Единственное, что тебе нужно, это номер.

Мимо них проходил высокий мускулистый мужчина.

— Эй, Джек!

— Это вы мне? — улыбаясь, спросил молодой человек.

— Да. Подойдите сюда.

Молодой человек подошел к Зев.

— Чем могу быть полезен?

— Скажите, где регистрируют санса-фран?

— Чтоооо?

— Где стенд для санса-фран? — Зев притянула молодого человека к себе. — Прижмись, тогда расслышишь. Еще раз спрашиваю, где регистрироваться для... Ой, черт с ним! Мне нужен туалет. Спасибо.

Зев повернулась и поволокла озадаченного Фредрика в сторону.

— Что такое, в самом деле... — начал Фредрик.

Зев держала кусок ткани с большим номером 26.

— Теперь ты у нас двадцать шестой.

Пока Зев регистрировала Фредрика для соревнований, он смиренно стоял на краю ямы для прыжков. Высокий, худой молодой человек перепрыгивал через планку, установленную на двенадцати футах. Толпа аплодировала. Следующие шесть спортсменов планку сбили.

— Никто не победит Гриффина, — сказал какой-то спортсмен. — Он все лето прыгал выше пятнадцати.

— Фредрик Парди, — вдруг громко возвестил объявляющий. — Представляет Покипский атлетический клуб.

Фредрик сглотнул и вышел вперед. Он с трудом поднял с земли один из длинных шестов.

— О'кей, Парди. Давай-ка, покажи! — прорычал над его головой распорядитель.

Фредрик побежал по грязной дорожке. Из толпы слышалось вежливое хихиканье. Зрители не верили, что этот человечек сможет добежать до конца дорожки. Фредрик воткнул конец шеста в небольшую ямку у ног, взлетел на два фута над планкой и медленно приземлился в опилки. Когда он заставил себя подняться, раздался оглушительный рев изумленной толпы.

— Вы в каком колледже учились? — спросил удивленный молодой человек, когда мистер Парди брел к началу дорожки.

— Он ходил в Гавайский университет, — ответила Зев.

— В каком году?

— Закончил в пятидесятом.

— Должно быть, в 1850, — заметил один из проигравших.

— Тогда вы должны знать Чарли О'Шейто. Он был на вашем курсе.

— Да, добрый, старый Чарли, — рассмеялась Зев. — Конечно, мы его хорошо знаем.

— Нет, пожалуй, я ошибся, — сказал Гриффин. — Чарли учился в Орегонском государственном.

— Лучше берите свой шест, дружок, — толкнула удивленного Гриффина Зев. — Вас вызывают.

Всех, кроме Гриффина и Фредрика, вызвали на тринадцать футов. А потом планку подняли на восемнадцать футов восемь дюймов. Новый мировой рекорд.

Гриффин разбежался, прыгнул и чуть задел планку. Планка упала.

Огорченный молодой человек покачал головой, когда распорядитель спросил его, хочет ли он прыгнуть еще раз.

Теперь в начале дорожки стоял Фредрик. Руки его налились тяжестью от веса шеста. Фредрик разбежался в полной тишине. В тот момент, когда он воткнул шест в

лунку, шест выпал из его дрожавших рук, но мистер Парди взвился на пять футов над планкой и спокойно упал в опилки.

Толпа просто озверела.

— Вы победили! — воскликнул распорядитель. — Новый мировой рекорд установил Фредрик Парди из Покипского атлетического клуба!

Прежде чем распорядитель кончил говорить, Зев успела схватить у главного судьи золотую медаль и потянула Фредрика прочь от поздравляющей их толпы.

— Леди и джентльмены, позвольте подтвердить! Поставлен мировой рекорд — 18 футов 8 дюймов без шеста! БЕЗ ШЕСТА? — И распорядитель свалился с трибуны в глубоком обмороке.

Палящее оранжевое солнце устало опускалось в воду после тяжелого жаркого рабочего дня, когда Зев и Фредрик прокрались в большой голубой автобус, готовый к отправлению в Нью-Йорк.

Между концом соревнований и посадкой в автобус они успели: 1) украсть пару чудесных старых комбинезонов и красную рубашку, 2) испугать корову так, что у той начались преждевременные роды, и 3) загнать за пять долларов золотую медаль в магазине «Армия и флот».

Их билеты до Нью-Йорка стоили 4.90, и сейчас они голодными глазами смотрели на женщину, сидящую через проход. Толстуха медленно поедала большой бутерброд, которого хватило бы на троих.

Целый час водитель, явно желавший выиграть время, так несея, что на крутых поворотах Зев и Фредрик стукались друг о друга до синяков.

— Почему ты не поступишь, как я? — спросил Фредрик, сидевший у окна. — Смотри, я ведь не сижу на кресле.

Зев увидела, что он висит в дюйме от сиденья.

— Если бы я разделся, то оказался бы под потолком.

— О'кей, — усмехнулась Зев. — Попробую.

— Ты слишком напряжена. Расслабься.

Женщина с бутербродом испуганно закричала, и Зев поняла, что поднялась слишком высоко. Автобус затормозил, и она быстро опустилась.

— Кому-то надо выйти? — спросил полусонный водитель, оборачиваясь к пассажирам.

Зев схватила Фредрика за руку.

— Ага, это нам.

— Разве вы не едете в Нью-Йорк?

— Моего малыша укачивает. Мы поедем следующим автобусом.

— Но следующий автобус будет только через сутки. Вот это — МАЛЫШ?

Автобус медленно тронулся. Из заднего окна на вышедшую парочку удивленно таращилась Майра, которая спала с момента посадки. Она была так ошарашена, что снова автобус остановился только через полмили.

Ни Зев, ни Фредрик не подозревали о близком возмездии.

— Держу пари, — сказала Зев, — что обжора никогда не забудет этого путешествия.

— Надо быть внимательнее. Наш дар — это священное доверие, и мы не должны пугать окружающих.

— Ах, не становись занудой. Пойдем-ка. Вон там на дороге отель, давай снимем номер.

— Вместе?

— А почему бы и нет? Но... Твоя одежда и весь твой вид... Да и без багажа нас могут не пустить. — Она помолчала. — Знаю! Я зарегистрируюсь одна, войду в комнату, а ты влетишь через окно.

— А как я узнаю, где твоя комната?

— Я включу и выключу лампу четыре раза.

Они подошли к пятиэтажному кирпичному отелю, над которым горела вывеска: «Вам приятно у нас».

— Иди и следи за окнами, — приказала Зев и вошла в отель.

Фредрик терпеливо смотрел на окна и думал о жизни. Теперь, когда он взял Зев в партнеры по тернистому пути жизни, ему нужно было подумать о том, как исправить ее легкомысленный характер. Ее отношение к великому дару левитации было слишком беспечным. Несомненно, к умению ходить по воде и пренебрежению силой гравитации следовало относиться более серьезно и ответственно.

Вдруг окно на третьем этаже четыре раза мигнуло. Фредрик взял комбинезон и рубашку (за время раздумий он успел раздеться) и медленно поднялся. Подлетев к окну второго этажа, он усмехнулся и остановился. Толкнув створку, он влетел в пустой номер. У приоткрытой двери стояла тележка официанта, на которой дымилась аппетитная пища. Ловким движением мистер Парди схватил поднос и вылетел наружу.

— Еда! — закричала Зев, увидев Фредрика с подносом. — Мой герой!

Взяв поднос и аккуратно поставив его на кровать, девушка поцеловала Фредрика.

— Мелочи, — скромно сказал мистер Парди.

— Я и не догадывалась, что ты и это можешь.

— Во мне есть много такого, о чем ты и не подозреваешь, — таинственно ответил он.

— Ты бы видел, каким взглядом посмотрел на меня портье, пока вписывал в книгу. В эту ужасную минуту я подумала, что он попросит у меня аванс. Как тебе это нравится? Я...

Ее перебил повелительный стук в дверь.

— Впустите меня! — скомандовал хорошо знакомый голос.

— Майра! — вздохнул Фредрик.

— Какого черта... как она смогла?

— А как лосось плывет в реку из океана через десятки тысяч порогов, а потом находит место, где отложить икру?

— Похоже, друг-лосось хочет отложить свою икру именно здесь, — сказала Зев.

— Хорошо,пусти ее.

— Впустить? Но только после того, как ты вылетишь наружу. Даю тебе десять секунд.

Зев стянула рубашку с мистера Парди и подтолкнула его к окну.

— Поторопись!

— Не думаю, что это правильное решение. Нам надо было бы встретиться лицом к лицу и...

Зев вытолкнула его в окно, прежде чем он успел закончить фразу, и подбежала к двери.

— Что происходит? — спросила девушка, открывая дверь.

— Это я вас спрашиваю: что происходит?

— Я просила принести холодную воду, а вы мне ни к чему.

— Где он?

— Где кто?

— Вы знаете, кого я имею в виду!

— И кого же, интересно?

— Ага! — Майра торжествующе показала на ужин для двоих на подносе.

— Это? — девушка пожала плечами. — Я ем за двоих.

— Таак! И где же он? — Майра заглянула под кровать.

— Если найдете мужчину, спросите, нет ли у него друга.

— Я знаю, что мой муж здесь. И собираюсь отвезти его домой. Я читала газеты. Я знаю, что вы хотите унижить талант Фредрика, хотите превратить его в источник прибыли.

— А вы не слышали о прошлом вечере? — невинным тоном спросила Зев. — На большом шоу он...

— Я знаю, что произошло. Это просто несчастный случай. Бедному мальчику необходим рядом кто-то, кто мог бы оберегать его покой и...

— ...И превратить его в источник прибыли. Так вот, он уехал в ваш летний домик на островах, чтобы забрать там некоторые книги.

— Нет, не уехал! Я видела, как он вместе с вами вышел из автобуса. Он должен быть здесь! — И она пошла в ванную.

В этот момент в окне появился Фредрик.

— Мы бедные маленькие барашки! Бээ, бээ! — он громко заблеял, размахивая почти пустой бутылкой виски.

Зев возмущенно замахала на него руками.

— Где он? Я слышу его голос! — закричала Майра, вылетая из ванной комнаты.

— Он? Его? Кого?

— Я слышала, как он пел!

— Это я, — сказала Зев. — Бээ, бээ!

— Бэ! — закончил Фредрик, плывая в комнату вперед головой.

Удачно избежав удара об пол, он упал в кресло и визгливо засмеялся.

Надо отдать должное самообладанию Майры при виде мужа, влетающего в окно третьего этажа и более всего напоминающего пьяного воробья.

— Фредрик! Ты сейчас же отправляешься со мной! — приказала она. — Что это ты тут делаешь, летая по чужим окнам?

Фредрик вскочил с кресла и протер к жене руки.

— Майра! У меня гениальная идея.

— Ты едешь домой или нет?

— Конечно, еду. И Зев тоже едет с нами. Поедем, ку-кленок?

— Ку-кленок? — повторила озадаченная Зев.

— Ты в своем уме? — спросила со злостью жена.

— Ты ее полюбишь так же, как полюбил ее я. Верно, верно, она... — Он остановился, подыскивая слово. — Живая куколка.

— Что ты выдумываешь? — спросила Зев.

— У нас будет любовь втроем. Смотри на меня. Майра, я — птичка! Те, кто умеет летать, приветствуют тебя! — И он, свистнув, раскинул руки и взмыл к потолку.

— Мы летим в дикое, голубое, вон то! — пел Фредрик хриплым голосом.

Это было слишком даже для Майры. Она в ужасе отступила к стенке. Фредрик неожиданно рухнул перед ней на колени.

— Раздевайся, милашка, давай немного покувыркаемся!

Он поднялся, покружился и закончил тем, что прошелся по потолку ногами.

— Я летучая мышь! Нет! Я — трехлапый ленивец! Нет! Я — трехловый наивец! Я хочу сказать... Уооп! Сейчас я разобьюсь о скалы! Подумайте о моряхах!

Фредрик выскочил в окно, и женщины услышали звуки рвоты.

— О Господи! — простонала Майра. — Что с ним случилось?

Зев, еле сдерживая хохот, в изнеможении бросилась в кресло.

— Слава Богу, вы здесь! Есть кому о нем позаботиться. Это ваш долг. Вы несете за него ответственность, — сказала она.

— Я несу ответственность?

— Последние несколько дней были сущим адом, — вздохнула девушка. — Он совершенно обезумел. Пьянствует с утра до вечера. Вы бы видели его сегодня в Водопадах! В ресторане разделся, забрался на бензоколонку, а когда его арестовали, сбежал из зала суда, вылетев обнаженным через стеклянный потолок. А потом еще украл одежду и напугал до полусмерти какую-то женщину.

— О Боже!

— И это еще не самое плохое. — Зев придвинулась к Майре. — Он — сущий сатир.

— Что?

— Бешеный волк! Что вы! Это просто ужасно! — И она зашептала что-то на ухо перепуганной женщине.

— Нет! Это не Фредрик!

— Правда, правда!

— Вот они, мои девочки! — В окне снова появился Фредрик и, пьяно размахивая руками, бросился к Майре. — Я так скучаю по моей деточке!

— Нет-нет. — Майра в ужасе спряталась за Зев и зарыдала. — О, мой несчастный дом! О, мои бедные дети!

— Вы не должны уклоняться от обязанностей жены, — назидательно заметила Зев.

— Этот горький пьяница больше мне не муж, — ответила Майра. — В нашей стране законы защищают женщин.

— Папочка! Иди к папочке! — завопил Фредрик.

Майра с отвращением смотрела на мистера Парди.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе разрушить мой дом, то ты — сумасшедший. Я требую развода.

Наступило молчание.

— Развода? — переспросил Фредрик почти нормальным голосом.

— Ты что, не слышал? Утром иду к адвокату.

— Не позволяй ей сделать это, Фредди, — вставила Зев. — У тебя есть права на детей.

— Нет в стране такого суда, который бы отобрал детей у матери!

Зев вздохнула.

— Подозреваю, Фредди, что детей ты потерял.

— При разводе я буду сражаться за каждый пункт, — заявил Фредрик. — Во мне все стонет и плачет. Уо-уи-уууу!

Раздался резкий стук в дверь.

— Еще раз крикнете, и я вас тут же выставлю из отеля, — прошипел злобный мужской голос.

— Тшш! — одновременно произнесли обе женщины.

— Да я его... одной левой... — И вдруг Фредрик заплакал. — Майра, ты не должна меня покидать! Кто же будет обо мне заботиться?

Снова все замолчали.

— А твоя... подруга? — нерешительно спросила Майра.

— Ну уж нет! — воскликнула Зев. — С меня хватит папочки-пьяницы. Я выхожу из игры!

— Моя дорогая! Вы должны! Только вы сможете держать его в руках! — стала умолять Майра.

— Ну дааа...

— Я вам хорошо заплачу, — торопливо заговорила Майра, роясь в сумочке. Достав чековую книжку, она сказала: — Сейчас даю вам тысячу долларов, а первого января каждого следующего года вы будете получать по пять тысяч. Только одно условие: вы не должны появляться в Нью-Йорке.

— Не знаю... — колебалась Зев.

Фредрик незаметно толкнул ее ногой.

— Ну, хорошо, — вздохнула девушка. — Придется, видно, выйти за него замуж. После вашего развода.

— Так будет лучше для детей, — решила Майра.

— Что же, Майра? Это конец?

— Я скажу детям, что их отец погиб в автомобильной катастрофе, — объявила Майра, подошла к двери, открыла ее, с любовью посмотрела на Зев и, издав подобие стоны, удалилась.

Несколько минут Зев и Фредрик стояли неподвижно. Вдруг девушка подпрыгнула, ликуя, размахивая чем-то, и обняла мистера Парди.

— Ну и спектакль ты устроил! Даже я сначала подумала, что ты пьян. — Она, хохоча, упала на кровать.

— Спектакль? Какой спектакль? — прошептал Фредрик.

Он внимательно посмотрел на девушку и двинулся к ней. Когда Фредрик проходил мимо выключателя, комната погрузилась во тьму.

— Детка! — прорычал он.

Прошло шесть лет. Зев и Фредрик теперь живут на западном побережье. Он занимает пост профессора йоги в Калифорнийском технологическом. Они очень прилично существуют на его зарплату и тот чек, который регулярно приходит с востока.

Супруги прекратили сеансы левитации для публики, даже в качестве примера для студентов. Однако иногда ранним утром звери из ближайшего леса удивляются, видя, как профессор и его жена летят высоко над водами озера Миопик, держа за руки своего пятилетнего сына Шияма.

Да, дом Парди самый счастливый и самый веселый во всем университетском городке. Но там никогда не подают спиртного. На этот счет Зев тверда как скала.

Дэймон Найт ВЕЛИКИЙ НАВОЗНЫЙ БУМ

У придорожной вывески «КОРЗИНЫ И СУВЕНИРЫ» в клубах пыли остановился длинный блестящий автомобиль. Чуть подальше над простоватым зданием со стеклянным фасадом висела другая вывеска, гласившая: «КОФЕЙНАЯ МЕЛЬНИЦА СКВАЙРА КРОУФОРДА. ПОПРОБУЙТЕ НАШИ ПОНЧИКИ!» А дальше простиралось пастбище с коровником и силосной ямой, отнесенной подальше от дороги.

Двое пришельцев спокойно сидели в машине и смотрели на вывески. У них была фиолетовая кожа и маленькие желтые глаза. В серых твидовых костюмах они выглядели почти как люди. Только всегда прятали подбородки, укутывая их оранжевыми шарфами.

Марта Кроуфорд вышла из дома и, вытирая руки о фартук, подбежала к киоску с корзинами. У киоска стоял ее муж, Льюэллин Кроуфорд, и жевал кукурузные хлопья.

— Что угодно, сэр? мэм? — нервно спросила Марта, оглядываясь на мужа в поисках поддержки. Льюэллин похлопал ее по плечу. Им еще не доводилось видеть пришельцев так близко.

Один из пришельцев лениво вышел из машины и установился на Кроуфордов. Он (или оно) попыхивал сигарой, засунутой в отверстие в оранжевом шарфе.

— Доброе утро, — все еще нервничая, сказала миссис Кроуфорд. — Корзинку? Сувенирчик?

Пришелец мрачно блеснул желтыми глазками. Его лицо ничего не выражало. Шарф скрывал подбородок и рот, а может быть, и еще что-то. Некоторые говорили, что у пришельцев нет подбородков, другие — что у них вместо подбородков нечто такое кривое и ужасное, что людям

невыносимо на это даже смотреть. Пришельцев называли герками, потому что появились они с планеты Зета Геркулеса.

Герк глянул на корзины и безделушки, висящие над прилавком, и пыхнул трубкой. А потом произнес неотчетливо, но понятно:

— Что это такое? — И указал вниз когтем трехпалой руки.

— Маленькая индейская куколка? — почему-то пискнула Марта. — Или календарь на березовой коре?

— Нет, это. — Герк показывал вниз.

Кроуфорды перегнулись через прилавок и увидели, что герк смотрит на что-то большое, бурое и круглое.

— Это? — неуверенно переспросил Льюэллин.

— Это.

Льюэллин Кроуфорд покраснел.

— Ну-у, это просто коровья лепешка. Вчера корова с сыроварни отбилась от стада и обронила это. А я и не заметил.

— Сколько стоит?

Кроуфорд в недоумении уставился на него (или на нее) и спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Сколько стоит коровья лепешка? — прорычал пришелец, продолжая пыхтеть сигарой.

Кроуфорды обменялись взглядами.

— Никогда не слышала... — начала полупшепотом Марта, но муж шикнул на нее и, откашлявшись, сказал:

— Я бы хотел десять цен... Ну, я не хочу вас надуть, четверть доллара годится?

Пришелец достал большой кошелек с мелочью, положил четвертак на прилавок и что-то сказал своему спутнику, сидящему в машине.

Второй пришелец вышел из автомобиля, неся квадратную шкатулку и лопату с золотой ручкой. Она (или он) осторожно подняла лопатой коровью лепешку и положила ее в шкатулку.

Пришельцы сели в машину, взревел мотор, и в облаке пыли герки скрылись из виду.

Кроуфорды проводили их взглядом, потом посмотрели на сверкающий четвертак, лежащий на прилавке. Льюэллин взял монету и подбросил в воздух.

— Вот и славно! — сказал он и начал хохотать.

Целую неделю по всем дорогам в огромных сверкающих автомобилях разъезжали пришельцы. Где они только ни побывали, что только ни посмотрели! И за все расплачивались сияющими новенькими монетками и хрустящими купюрами.

Шли какие-то разговоры против правительства, которое допустило их на Землю, но они способствовали процветанию бизнеса и не причиняли никаких неприятностей. Одни из них называли себя туристами, другие студентами, проводящими социологические исследования.

Льюэллин Кроуфорд пошел на соседнее пастбище, набрал коровьих лепешек и сложил их у киоска с корзинками. Он предлагал лепешки каждому проходящему мимо герку и получал по доллару за штуку.

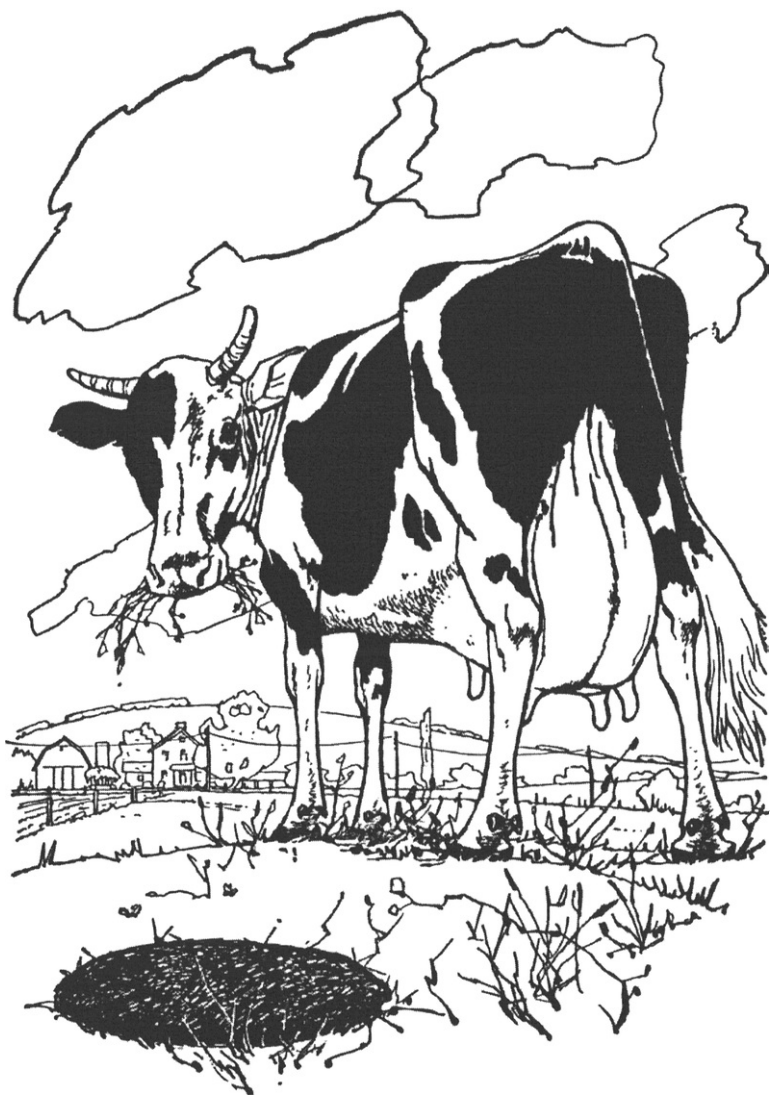
— Но зачем им нужны эти лепешки? — недоумевала Марта.

— Не все ли тебе равно? — отвечал муж. — Им нужны лепешки, а у нас они есть! Если снова позвонит Эд Лейси насчет закладной, скажи ему, чтобы не беспокоился.

Льюэллин расчистил прилавок и разложил на нем новый товар. Сначала он поднял цену до двух долларов за лепешку, потом — до пяти.

На следующий день он заказал новую вывеску: «КОРОВЬИ ЛЕПЕШКИ».

Два года спустя ясным осенним днем Льюэллин Кроуфорд зашел в гостиную, снял шляпу, бросил ее в угол и тяжело опустился в кресло. Поверх очков он посмотрел на большой круглый предмет, висящий над камином. Диск был искусно разрисован голубыми, оранжевыми и желтыми концентрическими кругами. Неискушенному взгляду этот предмет мог показаться подлинной музейной вещью

с планеты герков. Но его сделала сама миссис Кроуфорд. В наши дни многие дамы с художественными способностями стали заниматься подобным искусством.

— Что случилось, Лью? — в тревоге спросила Марта.

Несмотря на новую прическу и платье из дорогого нью-йоркского магазина, она выглядела утомленной и озабоченной.

— Случилось! — прорычал Лльюэллин. — Этот старый идиот Томас хочет четыреста долларов за голову! Больше невозможно покупать коров за такие деньги.

— Послушай, Лью, у нас уже есть семь пастбищ, не хва...

— А надо чтобы было еще больше, раз есть спрос! — выпрямившись, сказал Лльюэллин. — Господи боже мой, Марта, ты же все понимаешь! Поднять цену за королевские лепешки до пятнадцати долларов за штуку — и это еще не предел. А за императорские — по пятнадцать сотен, если повезет...

— Вот смешно, мы раньше и не знали, что есть столько разновидностей лепешек. Императорская — это та, которая с двойным завитком?

Лльюэллин что-то пробормотал и стал перелистывать последний номер журнала «Американский торговец лепешками».

— «Вес лепешек», — прочитал он громко. — «Сохранение лепешек», «Ферма — дополнительный доход». Все не то. О, вот оно! «Неудача с подделкой лепешек». Смотри, они пишут об одном парне из Амарилло, у которого была императорская, и он по ней сделал пластиковую форму. Потом при помощи этой формы отлил пару больших лепешек — и так здорово, что невозможно было отличить от настоящих. Но герки не захотели их купить. Они догадались!

Кроуфорд бросил журнал на пол и уставился в окно, выходящее на задний двор.

— Этот дурачок опять сидит без дела! Почему он не работает?

Лльюэллин поднялся, открыл жалюзи и крикнул:

— Эй, Делберт! Делберт! — Он подождал немного и буркнул: — Оглох, что ли?

— Я пойду, скажу ему, что ты хочешь... — начала Марта.

— Да ладно, сам схожу. За ним глаз да глаз нужен.

Лльюэллин вышел во двор и пошел к сараю, где на пустой тележке сидел долговязый парнишка и неторопливо жевал яблоко.

— Делберт! — раздраженно сказал Лльюэллин.

— А, привет, мистер Кроуфорд, — сказал парнишка и улыбнулся, показав дырку между зубами.

Он в последний раз откусил от яблока и бросил огрызок на землю. Лльюэллин проследил полет огрызка. Обкусанный беззубым ртом Делберта огрызок представлял собой самый ничтожный предмет на всем белом свете.

— Ты почему не возишь лепешки в киоск? — возмущился Лльюэллин. — Я тебе плачу не за то, чтобы ты здесь рассиживался!

— Утром я отвез несколько штук, — ответил мальчишка, — но Фрэнк велел возить их обратно.

— Что-что?

Делберт кивнул.

— Сказал, что продал только две штуки. Можете сами у него спросить, я не вру.

Лльюэллин повернулся на каблуках и отправился к дороге.

Около потрепанного пикапа стоял длинный автомобиль. Когда Лльюэллин подходил, автомобиль тронулся. Следом за ним подъехал еще один. Мистер Кроуфорд подошел к киоску, но пришельцы уже уселись в машину и уехали.

У прилавка остался только один покупатель, усатый фермер в клетчатой рубашке. Продавец Фрэнк удобно разлегся на прилавке. На полках позади него было полно лепешек.

— Доброе утро, Роджер, — с притворной радостью сказал Лльюэллин. — Как семейство? купишь сегодня хорошенькую лепешечку?

— Право, не знаю, — сказал усатый мужчина, почесывая подбородок. — Моя жена присмотрела вон ту. — Он показал на большую симметричную лепешку на средней полке. — Но за такую цену...

— Ничего лучше и придумать нельзя, Роджер. Поверь мне, это ведь вложение капитала, — горячо убе-

ждал фермера Лльюэллин. — Фрэнк, что купил последний герк?

— Ничего, — ответил Фрэнк. Из его нагрудного кармана раздавалось назойливое жужжание приемника. — Он только сфотографировал киоск, и они тут же уехали.

— Ну ладно, а тот, который был перед этим...

В клубах пыли за спиной Лльюэллина остановился длинный блестящий автомобиль. Лльюэллин обернулся. В машине сидело трое пришельцев в красных фетровых шляпах со смешными пуговичками. Их серые твидовые костюмы были усыпаны конфетти.

Один из герков вышел и направился к киоску, попыхи-вая сигарой, торчавшей из отверстия в оранжевом шарфе.

— Что угодно, сэр? — спросил Лльюэллин, быстро выходя вперед. — Хорошенькую лепешечку?

Пришелец смотрел на серые предметы позади прилавка. Он (или оно) блеснул желтым глазом и издал странный булькающий звук. Лльюэллин решил, что это был смех.

— А что в этом смешного? — недовольно спросил он, перестав улыбаться.

— Ничего смешного, — ответил пришелец. — Я веселюсь, потому что счастлив. Завтра я отправляюсь домой. Наши исследования закончены. Можно сфотографировать? — Он поднял фиолетовый коготь с маленькой линзой.

— Что ж, пожалуйста, — неуверенно сказал Лльюэллин. — Так вы говорите, что уезжаете домой? Вы хотите сказать — вы все? А когда вернетесь?

— Мы сюда не вернемся, — сказал пришелец, вытащил из камеры фотографию, посмотрел на нее, что-то хрюкнул и положил ее в карман. — Мы вам благодарны за развлечения. Прощайте.

Герк повернулся, сел в машину, и автомобиль скрылся в облаке пыли.

— И так все утро, — сказал Фрэнк. — Они ничего не покупают — только фотографируют.

Лльюэллин почувствовал, что его начинает трясти.

— Думаешь, он имел в виду, что они ВСЕ уезжают?

— По радио так и сказали, — ответил Фрэнк. — Этим утром тут проезжал Эд Кун из Хортонвилла. Сказал, что со вчерашнего дня не продал ни одной лепешки.

— Таак! Но я не понимаю, — сказал Льюэллин. — Не могут же они все сразу уехать! — У него задрожали руки, и он спрятал их в карманы. — Скажи, Роджер, сколько ты заплатишь за ту лепешку?

— Ну-у...

— Эта лепешка стоит десять долларов, ты же знаешь, — сказал Льюэллин, придвигаясь ближе. — Высший сорт.

— Да, я знаю, но...

— Ну а если семь пятьдесят?

— А если пять?

— Продано, — сказал Льюэллин. — Давай ее сюда, Фрэнк.

Кроуфорд проследил, как усатый мужчина нес свой трофей в пикап.

— Фрэнк, спусти цены на все. Постарайся распродать... — тихо сказал Льюэллин.

Несчастный день подходил к концу. Льюэллин и Марта, взявшись за руки, проводили взглядом последнего покупателя, отошедшего от киоска с лепешками. Фрэнк убирался, Делберт, лежа напротив киоска, грыз яблоко.

— Конец света, — хрипло сказал Льюэллин. В глазах его стояли слезы. — Лучшие лепешки уходят по центу за пару.

Сумерки прорезал свет фар длинного низкого автомобиля, остановившегося возле киоска с лепешками. В машине сидели два зеленых создания в плащах. Сквозь отверстия в их голубых шляпах, похожих на пирожки с мясом, торчали перистые усики. Один зеленый вышел из машины и торопливо подбежал к киоску. Делберт зевнул и уронил яблочный огрызок.

— Серпы, — прошептал Фрэнк, наклонившись к Льюэллину. — Слышал о них по радио. Сказали, что они с Гамма Серпентис.

Зеленое создание обследовало полупустые полки киоска. Под роговыми веками сверкнули светлые глазки.

— Лепешку, сэр? — взволнованно спросил Льюэллин. — Осталось совсем немного, но...

— Что ЭТО? — прошуршал голос серпа.

Кроуфорды смотрели на его указующий коготь. Он показывал на что-то отвратительное, лежащее около ботинка Делберта.

— Это? — спросил оживившийся мальчишка. — Это яблочный огрызок.

Делберт посмотрел на Льюэллина, и, казалось, в его глазах промелькнула искра разума.

— Мистер Кроуфорд, я бросаю работу, — сказал он отчетливо и повернулся к пришельцу. — Это — яблочный огрызок ДЕЛБЕРТА СМИТА.

Окаменевший Льюэллин смотрел, как серп вынимает бумажник. Деньги перешли из рук в руки. Делберт достал новое яблоко и с энтузиазмом начал превращать его в огрызок.

— Слушай, Делберт, — сказал Льюэллин, отходя от Марты, — похоже, у нас тут кое-что получится. Раз ты такой смысленный, может быть, арендуешь у меня этот киоск?

— Не-а, мистер Кроуфорд, — невнятно произнес Делберт, у которого рот был набит яблоком. — Собираюсь отправиться к дяде, у него фруктовый сад.

Серп, повизгивая, вертелся рядом. Он дожидался появления нового огрызка.

— Знаете, надо быть поближе к месту производства продукта, — сказал Делберт, важно покачивая головой.

Онемевший Льюэллин почувствовал, что кто-то прикоснулся к его рукаву, обернулся и увидел Эда Лейси.

— Послушай, Лью, полдня пытаюсь тебе дозвониться, но ты не подходишь к телефону. Как насчет закладной?..

Рон Гуларт ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬ НАГОТОВЕ!

Секретарша художественного отдела поставила рождественскую елку и поцеловала Макса Кирни.

— Там к вам кто-то пришел, — сообщила она, надевая на ходу пальто и снова поднимая елку.

Макс покачался на стуле.

— В последний рабочий день перед Рождеством?

— Помогите мне взять эти пакеты с подарками, — попросила секретарша. — Он сказал, что это срочно.

Выйдя из-за стола, Макс подал девушке ее пакеты.

— А кто он?

— Некто по имени Дэн Паджет.

— А, понятно. Это мой приятель из другого агентства. Скажите ему, чтобы заходил.

— Скажу. Как решили отпраздновать Рождество?

— Надеюсь, что Армия Спасения придумает что-нибудь забавное.

— Нет, Макс, серьезно! Только не за холодной стойкой какого-нибудь бара. Ну, счастливого Рождества!

— И вам того же, — Макс посмотрел на свой стол, заваленный набросками макета, и тут вошел Дэн Паджет.

— Привет, Дэн. Что случилось?

Дэн потирал руки.

— Ты не бросил свое хобби?

Макс вытащил сигарету из пачки.

— Охоту за привидениями? Нет, все по-прежнему.

— Но ты ведь не только привидения отслеживаешь? — Дэн закрыл дверь.

— Нет. Меня интересует все таинственное. Последний случай, которым я занимался, касался свободного художника по раскапыванию могил. А в чем дело?

— Ты помнишь Энн Клеменс, блондинку?

— Ну да. Ты с ней встречался, когда мы работали в «Брайан Джозеф и партнеры». Худышка.

— Изящная, — поправил Дэн, сел на стул и расстегнул пальто. — Как манекенщица. Я хочу на ней жениться.

— Прямо сейчас?

— Я сделал ей предложение две недели тому назад, но она пока что не дала мне ответа. Одна из причин — Кеннет Вестерленд.

— Мультипликатор?

— Да, парень, создавший великого Боусера. Он тоже ухаживает за Энн.

— Так, — сказал Макс, вытаскивая свой стул из-за рабочего стола. — Я не берусь помогать тем, кто страдает от неразделенной любви. Вот если бы Вестерленд был вампиром или оборотнем, тогда это было бы мое дело.

— Даже если Энн скажет «да», то проблема не в этом.

— А в чем?

— Я не могу на ней жениться.

— Раздумал?

— Нет. — Дэн встал и снова начал потирать руки. — Нет. Я ее люблю. Это со мной происходит что-то непонятное. Мне очень совестно тревожить тебя в такой вечер, но это нужно выяснить именно сегодня.

Макс зажег новую сигарету от предыдущей.

— Я все еще не совсем понимаю, в чем проблема.

— В дни национальных праздников я превращаюсь в слона.

Макс искоса посмотрел на Дэна.

— В слона?

— В серого слона средних размеров.

— В дни национальных праздников?

— Именно так. Это началось в Хэллоуин. Потом до Дня Благодарения все было нормально. К счастью, в этом состоянии я могу разговаривать. Поэтому я объяснил родственникам, что на традиционном семейном обеде в День Благодарения меня не будет.

— Как же ты набрал номер телефона?

— Я ждал, пока они мне не позвонили, а телефонную трубку поднял хоботом.

— Обычно люди превращаются в котов или волков.

— Я об этом не думал, — сказал Дэн. — Волк — это приемлемо. Это понятно. Я даже мог бы представить себя огромным тараканом. Но слон средних размеров! Невозможно просить Энн стать моей женой, если я способен на такое...

— А если, — сказал Макс, подходя к окну и глядя на прохожих, — у тебя это лишь галлюцинации?

— Но это все так реально! В День Благодарения я съел копну сена. — Дэн постукивал по колену костяшками пальцев. — Знаешь, когда я впервые превратился в слона, то очень проголодался. Но хобот никак не мог справиться с этим проклятым консервным ножом. Поэтому я рассудил, что под рукой всегда надо иметь копну сена, на тот случай, если все это еще раз повторится.

— А сколько времени ты оставался слоном?

— Двадцать четыре часа. Первый раз... Оба раза я был у себя дома. У меня там крепкий, добротный пол, но я переживал, ведь я так топал, что парень снизу стал стучать в потолок. Я понял: надо вести себя очень тихо, чтобы никто не вызвал полицию и меня не отправили в зоопарк или приют для бездомных животных. Я тихо стоял и размышлял о происходящем. Ровно в полночь я стал самим собой.

Макс погасил сигарету в маленькой металлической пепельнице.

— Ты хочешь все это взвалить на меня?

— Нет, Макс. — Дэн безнадежно вздохнул. — Но разве это тебе не интересно? К тому же, мне некого больше просить о помощи. Я пытался об этом забыть, но вот-вот наступит Рождество. Те два превращения случались в праздник. Я волнуюсь.

— Оборотень, — сказал Макс. — Ты — оборотень. Это невероятно. А не видел ли ты недавно слонов?

— В зоопарке я был два года назад. И ни один слон на меня даже не взглянул.

— Здесь что-то другое... Слушай, Дэн, в день Рождества у меня свидание с девушкой в Пало-Альто. Но в сочельник я свободен. Ты превращаешься точно в полночь?

— Оба раза это начиналось ровно в полночь. Я уже предупредил родственников, что проведу рождественскую ночь с Энн. А ей сказал, что буду со своими.

— Что дает ей возможность увидеться с Кеннетом Вестерлендом.

— Сукин сын!

— «Великий Боусер» — неплохая мультяшка.

— Во всяком случае, имеет успех. Там все дело в этом собачьем голосе. — Дэн поднялся. — Может быть, все и обойдется.

— А если не обойдется, я хоть что-нибудь пойму.

— Надеюсь. Ладно, Макс, счастливого Рождества. Встречаемся завтра вечером.

Макс кивнул, и Дэн Паджет вышел из комнаты.

Вернувшись к рабочему столу, Макс снова принялся за рисование.

С улицы доносились рождественские песнопения.

Присев на копну сена, Макс осторожно зажег сигарету и посмотрел на часы.

— Прошло полчаса.

Дэн Паджет налил немного виски в чашку с нарисованными на ней Томом и Джерри и опустил жалюзи.

— Какая глупость держать тут это сено! У всех людей сегодня стоят елочки.

— Повесь на нее мишуру и блески.

— Когда я ем сено, это ранит мои чувства. — Дэн налил еще виски и подошел к батарее. — Холодно, но я боюсь пожаловаться хозяйке. Она может сказать: «А кто вам разрешил держать здесь слона?» Прохладно, но придется потерпеть.

— Знаешь, я кое-что почитал об оборотнях. Один мой приятель держит магазинчик оккультной литературы.

— Теперь все, кроме беллетристики, пользуется большим спросом.

— Так вот, я не нашел ни одного описания твоего случая.

— Может быть, люди просто не хотят огласки.

— Может быть, но больше всего это похоже на то, что кто-то навел на тебя порчу.

Дэн нахмурился.

— Мне это не приходило в голову. Который час?

— Без четверти.

— Меня кто-то заколдовал? Я должен был встретиться с кем-нибудь, кто мог бы это сделать? Или можно заколдовать на расстоянии?

— Обычно необходим какой-то контакт.

— Слушай-ка, тебе лучше встать с моего сена, — сказал Дэн, опуская голову и почесывая нос. — Животные не любят, когда люди забавляются с их пищей.

Он стоял, раздвинув ноги, которые начали раздуваться на глазах. Макс осторожно поднялся и отодвинулся в сторону.

— Уже?

— Нет, — ответил Дэн. Он наклонился вперед и достал руками пол. — Мой живот. Чешется.

Макс следил, как Дэн стал чесать живот хоботом.

— Проклятье!

Подняв голову, серый слон средних размеров покосился на Макса.

— Черт, я надеялся, что обойдется.

— Мне можно подойти к тебе поближе?

Дэн помахал хоботом.

— Я тебя не затопчу.

Макс подошел и прикоснулся к боку слона.

— Ты совершенно настоящий слон.

— Надо было запастись и капустой. Это такая нежная пища. — Слон схватил клочок сена и стал запихивать его хоботом в рот.

Макс вспомнил о сигарете в руке и зажег ее. Дважды обойдя вокруг слона, он сказал:

— Давай вернемся к началу. Когда это случилось впервые?

— Я же тебе говорил, в Хеллоуин.

— Но когда точно? В день перед Хеллоуином или в самую ночь?

— Погоди... Это случилось после вечеринки у Эио Кей-раванов. На пляже.

— Где?

— Северный пляж. Там была эта вечеринка. Энн знакома с женой Эио, которую тоже зовут Эио.

— Как это?

— Его зовут Эрнест, а ее Оливия. Э-и-О. Поэтому они зовут друг друга Эио. Они художники. Это их картинки с большеглазыми детьми продаются во всех магазинах. Ты их должен знать, ты же сам художник.

Макс хмыкнул.

— Как же, Эрни Кейраван, помню... Прежде его специальностью были собаки. Мы перестали пользоваться его услугами, потому что у всех его собак вместо собачьих глаз появились глаза жуков.

— А ты бы посмотрел на Оливию!

— Так что же случилось на вечеринке?

— Ну, — сказал Дэн, ухватив еще клочок сена, — был там один парень. Невысокий, толстенький, кругленький, лет тридцати пяти. Кто-то сказал, что он эстрадный фокусник или что-то в этом роде.

— Давай-давай, — оживился Макс. — У слонов должна быть хорошая память.

— Думаю, что я к тому времени был уже сильно пьян. Не могу вспомнить, что он говорил. Будто бы он оказывает мне любезность. И — вспышка.

— Вспышка?

— Около него что-то вспыхнуло. Я попросил его продолжать. — Дэн перестал жевать. — Это было волшебство. Макс, это невозможно!

— Заткнись и жуй свое сено. Все возможно.

— Да, ты прав. Кто бы мог представить, что я проведу Рождество в виде слона.

— А этот фокусник? Как, кстати, его зовут? Он может что-нибудь знать.

— Как зовут? Не знаю. Он мне не сказал.

— Просто подошел и заколдовал тебя!

— Ты же знаешь, как это бывает на вечеринках.

Макс взял телефон, стоящий на черном кофейном столике около книжных полок.

— Где телефонная книга?

— Ох!

— Что такое?

— У меня ее нет. Когда я в прошлый раз был слоном, я ее съел.

— Так. Найду номер Кейравана через справочную, и посмотрим, может быть, он знает, кто этот колдун.

Кейравана не было, но кто-то, подошедший к телефону, сказал, что волшебник — хозяин магазина сандалий на Северном пляже. Его зовут Клод Воллер. Сейчас он в Лос-Анджелесе у своей бывшей жены, а вернется не раньше понедельника или вторника.

Макс рассматривал этикетку с ценой на паре оранжевых кожаных домашних тапочек.

— Приятель, вы что-то позабыли? — спросил крепко скроенный мужчина, вошедший в магазинчик. — Есть еще светло-зеленые.

— Нет, сэр. Извините.

— Вы хотите эту пару? Или принести зеленые?

— Мне не нужны тапочки. Я бы хотел с вами поговорить.

— А вы кто?

— Макс Кирни. А вы — Клод Воллер?

Воллер расстегнул пуговицы своего просторного коричневого пиджака и сел на стул у прилавка.

— Да, это я, маленький старый сапожник.

Макс кивнул.

— У меня убойный юмор. Как и вся моя жизнь. А что вы хотите?

— Я слышал, что вы — волшебник.

— Нет.

— Не волшебник?

— Больше не волшебник. Я развелся с женой, с этой плоскогрудой ведьмой. Не знаю, что случилось.

— А вам не знаком парень по имени Дэн Паджет?

— Нет.

— А Эрни Кейраван?

— Эио? Да, я его знаю.

— В Хеллоуин на вечеринке у Кейраванов вы встречались с Дэном Паджетом и его девушкой, Энн Клеменс.

— Хороший был вечерок. Что они рассказывали об исчезнувшей в моем кармане бумаге?

— Я не об этом. Помните разговор с Дэном? Как вы его заколдовали?

Воллер сполз со стула.

— Точно, Дэн! Будь я проклят, я его заколдовал!

— Что-что?

— Знаете, будто мне вышибли мозги. Затем — вспышка! Какой-то парень в беде. Вроде бы этот Паджет. Я и не собирался ничего делать. А, выходит, сделал?

— В дни национальных праздников он превращается в слона.

Воллер опустил глаза и рассмеялся.

— В слона? Здорово! Как вы думаете, почему я это сделал?

— Понятия не имею!

Воллер перестал смеяться.

— У меня иногда бывают эти вспышки. Это довело мою жену. Она перестала понимать, с кем спит. Вот и тогда — вспышка... Погодите, эта девушка, блондинка... Как ее зовут?

— Энн Клеменс.

— Вот именно. Беда. Что-нибудь уже произошло?

— А что, по-вашему, должно произойти?

— Ох, — вздохнул Воллер. — Не помню. Но точно знаю, что заколдовал вашего друга, чтобы он в трудную минуту мог спасти девушку.

Макс зажег сигарету.

— Лучше бы вы рассказали, каких нам ждать неприятностей.

— Слушайте, Кирни, я не профессиональный колдун. Это как в бейсболе. Иногда кажется, что парень просто родился, чтобы играть. Так и я. Для меня это естественное состояние. Извините, приятель, ничего больше я сказать не могу. И не могу снять заклинание с вашего друга. Я даже не помню, как я это сделал.

— Значит, вы не можете сказать, какие неприятности ожидают Энн?

Нахмурившись, Воллер сказал:

— Собаки. Стая собак. Собаки, лающие во время дождя. Нет, не то. Не понимаю, как, но Дэн ее спасет. В этом я уверен.

— Сегодня вторник. В субботу он ожидает следующего превращения. Неприятности начнутся в ночь под Новый год?

— Дружище. Если у меня будет вспышка, я дам вам знать.

У двери Макс сказал:

— Вот вам мой номер телефона.

— Да бросьте, — ответил Воллер. — Если мне понадобится, я узнаю.

В среду вечером Макс подошел к старому викторианскому дому и открыл тяжелую дверь. Сквозь витраж, на котором переплелись орлы и цветы, на стену, разрисованную девочками, лошадками и собачками, и широкую лестницу падал яркий свет.

— Макс Кирни? — спросила Энн, перегнувшись через перила.

— Привет, Энн. Ты не занята?

— Пока свободна, но попозже должна буду уйти. Я только что вернулась с работы.

— Я проезжал мимо и подумал, дай-ка зайду.

— Мы не виделись несколько месяцев, — сказала девушка. — Заходи.

Энн была в белой блузке и черном трико. Она выглядела не такой уж худой, как прежде казалось Максу. Ее светлые волосы сзади перехватывала тонкая черная ленточка.

— Я тебе не помешаю?

Энн покачала головой.

— У меня еще есть время.

— Замечательно. — Макс достал сигареты и сел на старое кресло, которое ему указала Энн. Девушка устроилась на диване напротив.

— Что-то с Дэном?

Прямой верхний свет нежно касался ее волос.

— Угадала.

— Какие-нибудь неприятности?

— Нет, — сказал Макс. — Он думает, что это ты можешь попасть в беду.

Девушка облизала губы.

— Дэн слишком болезненно воспринимает некоторые обстоятельства.

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

Макс протянул ей сигареты.

— Нет, спасибо. Дэн нервничает из-за Кеннета Вестерленда.

— Не только.

— Макс, — сказала Энн, — я работаю у Кена уже два года. Мы часто встречаемся. Дэн не должен нервничать по этому поводу.

— Вестерленд не доставляет тебе никаких неприятностей?

— Кен? Конечно, нет! Я до сих пор не дала ответа Дэну только потому, что не хочу ранить Кена.

Нахмурившись, она отвернулась. Потом снова повернулась к Максу и стала так пристально его разглядывать, словно увидела его впервые.

— Что я говорила? Ладно, не обращай внимания. А теперь мне уже пора собираться.

— Если тебе что-нибудь понадобится, — сказал Макс, — дай мне знать.

— Что?

— Я сказал, что...

— О, да, если мне что-нибудь понадобится... Прекрасно. Да, но если я собираюсь идти на обед, мне нужно переодеться.

— Ты занимаешься современными танцами?

Энн открыла ему дверь.

— Трико? Нет, это просто удобно, — она мило улыбнулась. — Спасибо, что зашел.

Дверь закрылась. Макс постоял в холле, зажег сигарету и направился к выходу.

Стемнело. Зажглись уличные фонари, повеяло ночным холодом. Макс забрался в свою машину и стал наблюдать за входом в дом Энн.

Фасад дома был богато разукрашен безвкусным резным орнаментом. Над входом красовался внушительный белый деревянный портик с остроконечной крышей.

Приблизительно через час к дому подъехал серый «мерседес» Вестерленда. Кеннет Вестерленд был высоким худым мужчиной тридцати-тридцати пяти лет. Толстое с пышными щеками лицо не соответствовало его худому телу.

Неся в руках маленький чемоданчик, Вестерленд вошел в дом, а Макс, выйдя из машины, не спеша, перешел улицу и остановился около угла дома Энн. Потом он прошел по газону, прячась в тени, встал на мусорный бак и, подтянувшись, ухватился за поручни пожарной лестницы.

На первой площадке Макс выкурил сигарету. Потом поднялся и перелез на крышу портика. Распластавшись на крыше и с трудом удерживаясь в наклонном положении, Макс под защитой плюща и шток-розы стал наблюдать за тем, что происходило в гостиной Энн.

Энн сидела в том кресле, в котором только что сидел он сам. Она была одета в черное платье для коктейля, распущенные волосы спускались по плечам. Она смотрела на Вестерленда. Чемоданчик мультимпликатора стоял около окна.

Вестерленд держал в поднятой руке цепочку, на конце которой качался сверкающий серебряный медальон.

Макс заморгал и отодвинулся от окна. Вестерленд гипнотизировал Энн.

Заглянув в окно еще раз, Макс увидел, что Вестерленд опустил медальон в карман пиджака и двинулся к окну. Он взял чемоданчик, открыл его, вынул магнитофон и дал Энн в руки микрофон и пачку скрепленных листов бумаги.

Вестерленд подтолкнул к Энн кофейный столик, на который она положила стопку, и, как замороженная, установилась на крутящиеся катушки магнитофона.

Вестерленд на минуту взял микрофон из рук девушки, что-то проговорил, отдал микрофон Энн и начал запись.

По выражению лица Вестерленда было понятно, что он говорит разными голосами, но лицо Энн совершенно не менялось. К сожалению, Макс ничего не слышал.

Он снова перебрался на пожарную лестницу. Убедившись, что его никто не видит, он толкнул створку окна, ведущего в холл. Створка скрипнула, и окно открылось. Макс очутился в холле. Закрыв за собой окно, он медленно подошел к двери квартиры Энн и прижался ухом к замочной скважине.

Теперь он хорошо слышал голоса. Вестерленд говорил за разных персонажей. Энн не своим голосом говорила только за одного.

Макс почувствовал, что сзади на него кто-то смотрит, и обернулся. В дверях соседней квартиры стояла большая девочка и рассматривала его.

— В чем дело? — взрослым голосом спросила девочка.

Макс улыбнулся и подошел к ней.

— Похоже, там никого нет. А вы не хотели бы подписаться на «Мятежный ежедневник»? Если я продам еще восемь подписок, то получу игрушечную панду.

Девочка потербила подбородок.

— Игрушечную панду? Такой взрослый мужчина, а хочет игрушку...

Макс глянул на нее и сказал:

— Это все глупости. Спокойно ночи, мисс. Извините, что побеспокоил вас.

Он спустился по лестнице, и дверь за ним захлопнулась.

То, что он узнал сегодня вечером, не давало ключа к разгадке. Но это было очень интересно. Энн Клеменс была голосом персонажа мультфильма Вестерленда. Она была голосом Великого Боусера.

В пятницу Макс раскопал, что как-то давно Вестерленд работал в ночном клубе гипнотизером. Теперь Макс начинал догадываться, почему Дэн Паджет периодически превращается в слона.

Рано утром ему позвонил Дэн.

— Макс, дела плохи.

— Ты уже превратился?

— Нет, я в порядке. Но нигде не могу найти Энн.

— Что ты хочешь сказать?

— Она сегодня не появилась на работе, а домашний телефон не отвечает.

— Ты говорил ей о Вестерленде? О том, что я обнаружил в тот вечер?

— Я знаю, ты не велел этого делать... Но ты ведь сказал, что я должен спасти ее от каких-то неприятностей. Я и подумал, что если расскажу о Вестерленде, то это ей поможет.

— Предполагалось, что ты должен ее спасти в виде слона. Проклятье! Пока еще ей рано было знать, чем занимается Вестерленд.

— Но ведь она не подозревала, что была Великим Босером. И думает, что просто ходила обедать с Вестерлендом.

— Вот почему она такая худющая. О'кей. А что она на все это сказала?

— Сначала решила, что я шучу. Но потом вроде бы поверила и даже спросила, сколько же серий сделал Вестерленд.

— Замечательно, — проворчал Макс, чертя в своем блокноте жирные линии. — Теперь, встретившись с ним, она наверняка потребует свою зарплату ну или как-то рассчитаться.

— Разве это плохо?

— Мы не знаем. — Макс посмотрел на часы. — Придется бросить работу. Надо пойти к ее дому и проверить все вокруг. Потом я отправлюсь к его квартире и обследую все там. Как только что-нибудь обнаружу, сразу же позвоню тебе.

— А я тем временем запасусь сеном.

Макс взломал дверь квартиры Энн, но никого не нашел. В квартиру Вестерленда он проник через застекленную крышу. Там тоже было пусто.

В субботу днем Макс неожиданно подумал, а стоит ли доверять предсказаниям Воллера?

Он зажег новую сигарету и начал просматривать книги по оккультизму, собранные в его библиотеке.

Зазвонил телефон.

— Да?

— Это магазин сандалий Воллера.

— Волшебник?

— Точно, приятель. Кирни, это вы?

— Да. Что случилось?

— У меня была вспышка.

— И что?

— Поезжайте в Сосалито.

— Зачем?

— Это все, что мне сказала вспышка. Вы и ваш друг должны отправиться в Сосалито. Сегодня. До полуночи.

— А точнее?

— Извините. Ночью вернулась моя бывшая жена. Я был так выбит из колеи... — Телефон отключился.

— Сосалито? — переспросил Дэн, когда Макс ему позвонил.

— Так сказал Воллер.

— Ага, — сказал Дэн. — Бывшая жена Вестерленда.

— Он был женат?

— Где-то там дом его бывшей жены. Я помню, мы с Энн как-то раз были у них на вечеринке. Еще до их развода. Может быть, Энн сейчас там? Миссис Вестерленд вроде бы в Европе. В доме никого нет. Энн, наверное, там. И в опасности.

Сосалито расположен как раз напротив Сан-Франциско, если ехать через мост Золотые Ворота. Приземистый дом из красного дерева и стекла стоял вдалеке от дороги, которая бежала по склону низких холмов.

Остановив машину под деревьями на холме позади дома Вестерленда, Макс и Дэн стали спускаться к дому.

Издали огромные окна дома казались черными, но когда приятели подошли поближе, они засверкали в лу-

чах сажающегося солнца. Дом окружали высокие кусты, за ними не было видно, что происходит во дворике.

— Думаешь, она здесь? — спросил Дэн.

— Хотелось бы обнаружить хоть какие-нибудь признаки жизни, — ответил Макс. — Я постепенно превращаюсь в ищейку. Только и делаю, что подглядываю за людьми.

— Полагаю, что это и есть работа детектива, — сказал Дэн. — Даже такого, который занимается привидениями.

— Кончай болтать, — прервал его Макс. — Прислушаемся.

— К чему?

— Я слышу лай собаки.

— В доме?

— Ага.

— Значит, там кто-то есть.

— Это значит, что там именно Энн. Абсолютно уверен, что слышу лай Великого Боусера.

— Эй, приятели! — раздался резкий голос.

— Привет! — сказал Макс, повернувшись к широкоплечему лысому мужчине, подошедшему к ним сзади.

— Гиз Ллойд, — сказал мужчина, показывая полицейский жетон. — Вы облегчили мне жизнь. Хозяин поручил следить за вами. И как раз, когда я возвращаюсь с поджатым хвостом, вы оказываетесь здесь.

— А кто ваш хозяин?

— Да вот он, Вестерленд. Нанял меня, чтобы вас найти.

— Вот вы нас и нашли.

— Послушайте, не возражаете, если я скажу ему, что поймал вас во Фриско? Так я произведу лучшее впечатление.

— Не возражаем, — сказал Макс, — если ты отведешь нас в дом. Скажи ему, что мы применили приемы карате. Мы даже можем сломать тебе руку, чтобы выглядело убедительнее.

— Ну нет, — сказал лысый. — Вы, парни, слишком много хотите. Идите-ка в дом.

Вестерленд открывал холодильник, когда лысый привел Макса и Дэна в кухню.

— Все в порядке, Ллойд, — сказал Вестерленд, вынимая из холодильника воздушную кукурузу.

— Я изучил фотографии, которые вы мне дали.

— Где Энн? — спросил Дэн.

Вестерленд снял обертку с банки с кукурузой.

— Здесь. Мы только что закончили запись. Садитесь.

Когда все четверо уселись вокруг белого деревянного стола, Вестерленд сказал:

— Вы — мистер Кирни.

Макс вытащил пачку сигарет и положил их на стол перед собой.

— Сэр?

— Ваша детективная деятельность вас погубит.

— Единственное, что я делал, так это смотрел в некоторые окна. Но это скорее работа акробата, чем детектива.

— Неважно, но вы следили за мной. Ваше чересчур заботливое отношение к мисс Клеменс привело к тому, что вы раскрыли один из самых охраняемых секретов индустрии развлечений.

— Вы имеете в виду, что Энн — голос Великого Боусера?

— Именно так, — сказал Вестерленд, набив рот воздушной кукурузой. — Но вы опоздали.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Дэн, барабанил по столу пальцами.

— А что говорить? Я закончил звукозапись семидесяти восьми серий «Великого Боусера». У меня в работе новый проект. И это означает, что я больше не нуждаюсь в услугах Энн Клеменс.

Дэн сцепил пальцы.

— Так отпусти ее.

— Зачем она вам вообще нужна?

— Она не догадывается о своем таланте, — ответил Вестерленд. — Впервые ей это удалось два года назад. Мы с ней были на какой-то вечеринке, где она слишком много выпила. Я подумал, что это очень забавно. На следующий день она обо всем забыла, ничего не могла вспомнить. Я решил не заставлять ее, а просто воспользовался своими гипнотическими способностями. У меня был целый

альбом с рисунками этого проклятого пса. Голос подошел. Все совпало.

— И ты заработал сто тысяч долларов, — сказал Дэн.

— Сценарий и рисунки мои.

— А теперь? — спросил Макс.

— Теперь она об этом знает. Энн подумывает о замужестве и попросила заплатить ей пять тысяч.

— За семьдесят восемь серий?

— Я мог бы немного прибавить, — сказал Вестерленд. Он снова полез в холодильник. — Лимон, лайм, грейп, дыня... Может, грейп? Прекрасно, вот и грейп. У меня есть альтернативное предложение. Хочу, чтобы вы все поняли. Есть гораздо более дешевый способ все уладить.

— Ты шутишь? — спросил Дэн.

— Считается, что мультипликаторы очень веселые ребята, — сказал Макс.

— Во-первых, я бизнесмен. Мне больше не нужна Энн Клеменс. Мы покончим сначала с ней, а потом, попозже, с вами. Ллойд, отправь этих детективов в подвал и запри.

Ллойд ухмыльнулся и показал на дверь. Открыв ее, лысый толкнул Макса и Дэна вниз по лестнице. Приятели оказались в комнате, пропахшей старыми газетами и пылью поломанных диванов и кресел. Высоко под потолком тускло светились грязные окна.

— По-моему, стены не очень крепкие, — шепнул Дэн Макс.

— А вы здесь не останетесь, — сказал Ллойд и, не опуская направленного на пленников револьвера, открыл широкую дубовую дверь. — Это винный погреб. Вина, правда, уже нет, но вам тут понравится. Очень уютно.

Он впихнул их внутрь и запер дверь. Они услышали, как звякнула задвижка, а потом раздался скрип покачивающегося замка.

Макс поморгал, зажег спичку и осмотрелся.

Дэн направился к лавке, стоящей в углу.

— Твои часы светятся в темноте? — спросил он.

— Пять тридцать.

— Волшебник был прав. Мы попали в беду.

— Мне очень интересно... — начал Макс, зажигая следующую спичку.

— Тебе очень интересно, что этот сукин сын собирается сделать с Энн?

— Да, — сказал Макс, переворачивая пустую винную бутылку, чтобы на нее сесть.

— И что он потом сделает с нами?

Макс зажег сигарету от умирающего пламени спички.

— Забросает нас газовыми гранатами. Зальет подвал водой. Заставит стены сдвинуться.

— Вестерленд гораздо хитроумней. Он внушит нам, что мы — фазаны, а потом, когда начнется охотничий сезон, выпустит нас на свободу.

— Любопытно, откуда Ллойд знал, как мы выглядим.

— У Энн в сумочке была моя фотография.

Макс обошел подвал.

— Это комната среднего размера?

— Не знаю.

— Через шесть часов ты станешь слоном средних размеров.

Дэн вскочил.

— Вот что у тебя на уме!

— Конечно. А как еще ты предполагаешь выбраться отсюда?

— Я разнесу дверь в щепки, как это сделал бы настоящий слон. — Дэн сжал кулаки. — Вот здорово!

— Уверен, что тебе это удастся.

— Но, Макс...

— Да?

— А если я не превращусь в слона?

— Превратишься!

— Это всего лишь слова пьяного сапожника...

— Но ведь это он сказал нам про Сосалито!

— Его могли нанять.

— Нет. Он самый настоящий волшебник, я уверен.

— Макс!

— Да?

— А может быть, Вестерленд загипнотизировал нас, убедив в том, что я — слон?

— Но я тут при чем? Я вообще не видел его несколько лет. Дэн, расслабься. Вот когда наступит полночь, а мы все еще будем здесь, тогда и начнем придумывать объяснения.

— Постой, а откуда мы знаем, что он не причинит Энн вреда до полуночи?

— Вот этого мы действительно не знаем.

— Давай попробуем выбраться наружу прямо сейчас.

Макс зажег спичку и встал.

— Не думаю, что нам удастся это сделать с помощью обломков бочек. Нашел что-нибудь еще?

— Ножки скамейки. Мы можем колотить ими в дверь.

Так они и сделали.

И через минуту слышали голос.

— Прекратите эти глупости.

— Пошел к черту, — крикнул Дэн.

— Перестаньте, — сказал Вестерленд. — Вам не удастся сломать эту дверь. А если вдруг вы ее и осилите, то Ллойд вас пристрелит. Он ведь сидит там, внизу. Имейте в виду, вчера вечером он выиграл в тире сразу пять Барби.

— А как мы тебя слышим?

— Через вентиляционную трубу.

— Где Энн?

— Все еще в трансе. Если будете хорошо себя вести, я дам вам послушать, как она лает, прежде чем мы отсюда уедем.

— Ты — вошь!

Макс предостерегающе сжал руку Дэна.

— Полегче, полегче, — и громко спросил: — Вестерленд, сколько мы здесь пробудем?

— Моя бывшая жена вернется из Рима в апреле. Надеюсь, до той поры мой план будет выполнен. Однако, сейчас я не располагаю свободным временем. Я спешу на вечеринку.

— Какую вечеринку?

— Новогоднюю у Леверсонов, где Энн Клеменс наверняка напьется.

— Что?

— Напьется, решит, что она — акробат, и поедет на мост Золотые Ворота. Там, забравшись на перила, она вдруг очнется и, поскольку очень боится высоты... Я обо всем узнаю на вечеринке у Леверсонов. Как будет грустно, что она так ничего и не увидит в новом году!

— Ты не сможешь заставить ее проделать все это! Гипноз не имеет такой силы!

— Паджет, это ты сейчас так думаешь. Утром я дам Ллойду газеты, и он просунет их вам под дверь.

Труба замолчала.

Дэн ударил кулаком по стене.

— Он не посмеет этого сделать!

— Кто такие Леверсоны?

Задумавшись на минуту, Дэн сказал:

— Леверсоны, Джон и Джекки. Вроде бы он — один из директоров на радио. Живут неподалеку отсюда. Как раз около ресторана Салли Стенфорд. Думаю, это они.

— До полуночи еще далеко, но, полагаю, у нас все получится, — сказал Макс. — Мы должны спасти Энн. Надо запастись терпением и ждать.

— Макс, который час?

— Шесть тридцать.

. . . . .

— Сейчас должно быть около восьми.

— Семь пятнадцать.

— Мне кажется, я слышу, что они все еще наверху.

. . . . .

— А сейчас?

— Чуть больше девяти.

. . . . .

— Только десять? Да идут ли твои часы?

— Ага, тикают.

. . . . .

— Уже одиннадцать?

- Через пять минут.
- Они ушли, я уверен.
- Расслабься.

Без четверти двенадцать Дэн сказал Макс:

— Будь внимателен. Мне не хотелось бы наступить на тебя, когда я стану слоном.

— Я присяду у твоих настоящих ног, и когда ты превратишься в слона, окажусь у тебя под животом.

Дэн расставил ноги, которые начали раздуваться.

— Живот зачесался.

Макс присел.

В темноте над головой росла черная тень.

— Дэн, ну что?

— Все, Макс. Я — слон.

Макс вскарабкался на слона.

— Я уже на борту.

— Крепче держись. Сейчас я ударю по двери головой.

Дверь треснула и начала поддаваться.

— Эй, парни, поосторожнее, — крикнул Ллойд.

— Потруби ему, — предложил Макс.

— Хорошая идея! — И Дэн заревел изо всех сил.

— Господи Иисусе! — воскликнул Ллойд.

Дверь вывалилась наружу, и Дэн шлепнул Ллойда хоботом. Ллойд выронил револьвер, и Макс, спрыгнув со слона, подобрал его.

— Убирайся! — скомандовал Макс.

Ллойд шмыгал носом.

— Что за фокусы?

— Если он не уйдет, — сказал Макс, — затопчи его.

— Да я и так могу затоптать.

Ллойд отпрыгнул и исчез.

— Черт, как же мне одолеть эту лестницу?

— Не удастся, — ответил Макс. — Смотри-ка, там за кипой бумаги еще одна дверь. Посмотрю, открыта ли она.

— Да неважно. Толкну — и откроется.

— О'кей. Пойду поищу телефонную книгу. Встречаемся во двореке.

Дэн протрубил, а Макс взбежал по узкой деревянной лестнице.

Слон опустился на травку. Со всех сторон доносилась праздничная музыка. Из дома выбежал Макс.

— Только два Леверсона. Один здесь, неподалеку от моста.

Слон вышел на шоссе, ведущее к мосту. Дорога шла вдоль пляжа. Дэн трубил, чтобы машины и люди уступали ему дорогу. Макс прижимался поближе к голове слона и крепко держался за его уши.

Они свернули на дорожку, которая вела к дому Леверсонов.

— Хорошо бы это был тот, который нам нужен.

Старинный двухэтажный дом светился всеми окнами. И в каждом окне были видны люди.

— Точно, там собрались гости, — сказал Макс.

Со стороны длинной извилистой дорожки раздался звук заводящегося мотора.

— Машина, — сказал Дэн и побежал, разбрасывая гравий из-под ног.

Макс бежал по траве, поскольку Дэн занимал собой всю дорожку.

Они подбежали к машине как раз в тот момент, когда Энн Клеменс схватила руль и резко крутанула его. Макс, изогнувшись, ухитрился как-то вытащить ключ зажигания. Энн продолжала судорожно крутить руль.

Макс открыл дверцу машины и вытащил девушку наружу. Гравий, казалось, разбежался под их ногами.

— Ты все испортил! — закричал Вестерленд. — Вы со своим идиотским слоном погубили мой план!

Над площадкой для парковки машин зажглись огни, и Вестерленда окружили подбежавшие люди.

Дэн вытянул хобот и вырвал у Вестерленда револьвер. От неожиданного толчка Вестерленд упал. Дэн поднял упавшего мультипликатора и, сжав его хоботом, принялся трясти.

Макс вытащил револьвер Ллойда из кармана, направил его на Вестерленда и крикнул:

— Вестерленд, выведи Энн из транса! И не вздумай нас дурачить!

Вестерленд щелкнул пальцами перед бледным лицом девушки. Она покачнулась и стала падать. Макс подхватил ее.

Неожиданно Дэн выронил Вестерленда и, громко трубя, бросился в кусты.

Когда рев слона стих, ошеломленные гости слышали пронзительный вой сирен.

— А вот и настоящие детективы! — сказал Макс.

Сзади зашуршали кусты. Оттуда вышел Дэн собственной персоной.

— Позволь мне обнять Энн.

Макс осторожно переместил девушку в объятия Дэна.

— Она скоро придет в себя окончательно. Все будет хорошо.

— А что же мы расскажем представителям закона?

— Правду. Кроме истории со слоном.

— Но как же мы тогда выбрались из дома Вестерленда?

— Моя машина не заводилась, и мы упростили какого-то водителя подвезти нас сюда.

— Но люди видели слона.

— Он убежал из зоопарка.

— Какого?

— Слушай, — сказал Макс, пряча револьвер в карман, — не будь таким занудой. Мы вовсе не должны все объяснять.

— О'кей, спасибо, Макс.

Макс зажег сигарету.

— Сегодня я был слоном только один час. Думаю, на этом мои превращения закончились. А как ты думаешь, Макс?

— Знаешь, чтобы ты не волновался, вечер перед днем рождения Линкольна я проведу вместе с тобой и Энн. Ну как?

— Что «ну как»? — вдруг спросила Энн. — Дэн, что все это значит?

— Ничего особенного. Просто у Вестерленда некоторые неприятности. Я потом все объясню.

Макс кивнул им и пошел встречать приближающегося полицейского. Где-то вдали замирали последние звуки праздничной музыки.

Джон Колльер ПОКЛОННИК

Подобно перепуганному котенку, Алан Остен прокрался по темной скрипучей лестнице на верхний этаж и, стоя на еле освещенной лестничной площадке, долго всматривался в таблички на дверях, пока не отыскал нужную.

Как ему было сказано, он толкнул незапертую дверь и оказался в комнатке, вмещавшей кухонный стол, кресло-качалку и простой стул. На бурой стене висела полка, на которой стояли разнообразные флаконы и бутылки.

В качалке сидел старик и читал газету.

Алан молча вручил ему карточку.

— Садитесь, мистер Остен, — вежливо предложил старик. — Рад с вами познакомиться.

— Правда ли, — спросил Алан, — что у вас есть средство, которое обладает... некоторыми необычными свойствами?

— Дорогой друг, — ответил старик, — мои средства немногочисленны — я не имею дела с успокаивающими и слабительными микстурами. Но среди них нет ни одного, которое можно было бы охарактеризовать как обычное...

— Дело в том... — начал Алан.

— Например, — старик снял с полки бутылочку, — в этом сосуде заключена жидкость прозрачная, как вода, практически безвкусная, неуловимая в кофе, молоке, вине или в ином напитке. Кстати, и при любом вскрытии в морге ее невозможно обнаружить.

— Вы хотите сказать, что это яд? — воскликнул перепуганный Алан.

— Если вам удобнее, то называйте это чистящим средством. Ведь жизнь нуждается в чистке. Или обзовите его пятновыводителем. Сгинь, проклятое пятно! Догорай, огарок!

— Я не нуждаюсь ни в чем подобном, — решительно заявил Алан.

— Может, это даже и к лучшему, — заметил старик. — Вы знаете, сколько это стоит? За чайную ложку — а этого вполне достаточно! — я прошу пять тысяч долларов. И ни цента меньше!

— Надеюсь, другие ваши микстуры стоят не так дорого? — с надеждой произнес Алан.

— Ну разумеется! — ответил старик. — Было бы непорядочно спрашивать такие деньги за приворотное зелье. Молодые люди, которые нуждаются в приворотном зелье, редко могут потратить пять тысяч долларов. Иначе бы им оно не понадобилось.

— Я с вами совершенно согласен! — воскликнул Алан.

— Если бы я не торговал приворотным зельем, — старик достал с полки другой флакон, — то о своем другом изделии я бы не стал вам говорить. Человек держит язык за зубами, если он тебе чем-то обязан.

— А эти... средства... Они не просто... Ну, вы понимаете!

— Нет, не опасайтесь, — успокоил его старик. — Период их действия продолжителен. Он выходит далеко за пределы одной вспышки чувства. Любую вспышку они в себя, конечно, включают. Их хватает в избытке на все вспышки. Вечное средство!

— О боже, как любопытно! — Алан пытался изобразить научную объективность. — Именно любопытно!

— Обратите внимание на духовную сторону, — предложил старик.

— Я уже обратил, — признался Алан.

— Мое средство превращает равнодушие в преданность. Презрение в преклонение. Заставьте юную леди выпить лишь каплю моего снадобья, — его аромат будет незаметен в супе, соке или коктейле, — и как бы ни была она легкомысленна и общительна, она немедленно изменится. Ей ничего не будет нужно — лишь одиночество. И вы.

— В это трудно поверить, — сказал Алан. — Она без ума от вечеринок.

— Она откажется от вечеринок — ведь там вы можете встретить другую девушку.

— Она будет ревновать? — Алан был потрясен. — Ревновать меня?

— Она захочет заменить собой весь мир.

— Для меня она уже заменила весь мир. Только сама этого не замечает.

— Как только она примет эти капли, сразу заметит. Она будет видеть только вас.

— Прекрасно! — воскликнул Алан.

— Она захочет узнать все, что произошло с вами за день. Ей важно будет каждое сказанное вами слово. Она захочет угадать ваши мысли и понять, почему вдруг улыбка коснулась ваших губ и что вас неожиданно опечалило.

— Это и есть любовь! — заявил Алан.

— Вот именно, — подтвердил старик. — А как она будет заботлива! Она не позволит усталости овладеть вами, она запретит вам сидеть на сквозняке или пропустить обед. Если вы на час задержитесь, она будет в ужасе. Ей покажется, что вас убили или какая-то наглая сирена поймала вас в свои сети.

— Мне трудно вообразить, чтобы Диана так себя вела! — возопил потрясенный Алан.

— Не насилуйте свое воображение, — заметил старик. — К тому же учтите, если какая-то из сирен вас все же соблазнит, соблазняйтесь, не переживайте. Она вас обязательно простит. Конечно, ей будет тяжело, но в конце концов она простит.

— Такого со мной никогда не случится! — поклялся Алан.

— Разумеется, не случится, — подтвердил старик. — Но если и случится, не беспокойтесь. Она никогда не разведется с вами. Со своей стороны, она никогда не даст вам повода не то что для развода, но даже для легкого неудовольствия.

— И сколько же стоит... сколько стоит это волшебное средство? — спросил Алан.

— Куда дешевле, чем пятновыводитель. Мы же договорились, что между нами именно так будем называть мое

средство. Пятновыводитель стоит пять тысяч долларов за чайную ложку и ни пенни меньше. Для того чтобы почувствовать нужду в пятновыводителе, надо обладать куда большим жизненным опытом. К тому же пришлось бы откладывать...

— Но сколько стоит приворотное зелье?

— Приворотное зелье? Сущие пустяки.

Старик открыл ящик кухонного стола и достал оттуда махонький, не очень чистый пузырек.

— С вас доллар, — сказал он.

— Вы не представляете, как я вам благодарен, — прошептал Алан, глядя, как старик капает в пузырек из флакона.

— Рад вам угодить, — ответил старик. — Когда во второй половине жизни мои клиенты возвращаются, они уже куда богаче и нуждаются в более дорогих средствах. Берите ваше зелье. И убедитесь, насколько оно действенно.

— Еще раз спасибо, — сказал Алан. — Прощайте.

— Оревуар, — откликнулся старик. — До свидания.

Роберт Силверберг СУЩЕСТВЕННАЯ ОШИБКА

Она готова меня спасти. Она — поэтесса. Нигде не служит, живет на моем этаже, немного ближе к холлу. Ей не больше тридцати. Выше меня, длинные курчавые волосы, нос острый, с горбинкой. Обдуманная небрежность в одежде, тщательно подобранные, потрепанные наряды. Очень блестящие глаза. У меня нет намерения определять сексуальную привлекательность землян, но, судя по замечаниям мужчин, живущих в нашем отеле, ее внешность не представляет интереса. Я часто встречаюсь с ней по пути к себе в комнату. Она всегда мне улыбается. Не сомневаюсь, что про себя она говорит:

— О, бедный одинокий мужчина! Дай разделить с тобой бремя твоей несчастной жизни, дай показать тебе, что значит любовь, потому что я тоже знаю цену одиночеству.

В действительности она ничего такого не говорит. Но ее намерения очевидны. При виде меня в ее глазах появляется какое-то голодное выражение, смесь материнского с (подозреваю) сексуальным. На ее лице отражается сумасшедшее напряжение.

Ее зовут Элизабет Кук.

— Вы любите поэзию, мистер Нечт? — спросила она меня сегодня утром, когда мы вместе поднимались в нашем древнем лифте.

Спустя час она постучала в мою дверь.

— Кое-что вам почитать, — сказала она. — Это я написала.

Пачка больших желтых листов бумаги со скрепкой наверху — стихи, неряшливо отпечатанные на mimeографе.

— Если вам понравится, можете оставить себе, — пояснила она. — У меня много экземпляров.

Она была одета в яркие вельветовые бриджи и тонкую розовую блузку, сквозь которую просвечивали ее маленькие конусообразные груди. Они показались мне не очень функциональными. Когда она увидела, что я их рассматриваю, она трижды моргнула и раздула ноздри. Знак вожделения?

Я прочитал эти стихи. Пристойно ли мне высказывать свое суждение о них? Даже несмотря на то, что я прожил на этой планете одиннадцать лет и достаточно хорошо владею разговорным английским, могу ли я действительно постичь внутреннюю сущность поэзии? Ее стихи показались мне довольно плохими. Напыщенные, тяжелые, охватывающие, как они это называют, срезы жизни. Мир вокруг поэтессы жестокий, грубый, город — недружелюбный. Жалобы на барьеры между людьми. Начало первого стихотворения:

Он ошибся.

Большой черный мужчина с налитыми кровью глазами.

Изнешенная куртка. Запах дешевого вина.

Подозреваю, нож в кармане.

Во взгляде на меня дурные намерения.

Насильник, наркоман.

Он думает: рабыня, любовница, сука.

Я думаю: черный брат, давай вместе развлечемся,

Давай отправимся в любовь...

И так далее. Теплая определенная эмоция. Но разве призыв к любви, направленный на средоточие порока, может быть смыслом поэзии? Я заложил стихи в сканер и отправил их домой, хотя сомневаюсь, что они многое объяснят о Земле. Элизабет была бы польщена, если бы знала, что, имея так мало читателей здесь, она приобрела новых где-то вдалеке, на расстоянии девяноста световых лет. Но, конечно, я не могу ей об этом сказать.

Очень скоро она вернулась.

— Вам понравилось? — спросила она.

— Очень. Вы сочувствуете тем, кто страдает.

Думаю, она рассчитывала, что я приглашу ее зайти. Я был осторожен и в этот раз не смотрел на ее груди.

Отель расположен на Западной 23-ей улице. Ему, должно быть, больше ста лет. Фасад дома — барочный, а интерьер являет собой образец утонченного распада. Традиционно в отеле селится богема. Жильцы, в большинстве, постоянные, многие из них художники, писатели, сценаристы и тому подобное. Я прожил здесь девять лет и знаю многих жильцов по именам. Они меня — тоже. Но я избегаю близких знакомств, и все уважают мой образ жизни. Я никого не приглашаю в свою комнату. Иногда позволяю себе принять приглашение пойти к кому-нибудь в гости, так как одной из моих обязанностей является передача сообщений об образе жизни землян. Элизабет — первая, кто пытается пересечь невидимый барьер уединенности, которым я себя окружил. Не знаю, как мне удастся с этим справиться. Она живет здесь уже около трех лет. Ее внимание ко мне стало заметным месяцев десять тому назад, и последние пять или шесть недель она особенно надоедлива. Объяснение неизбежно. Или мне придется попросить ее оставить меня в покое, или я окажусь втянутым в недопустимую ситуацию. Возможно, она найдет кого-нибудь еще более несчастного, прежде чем все это произойдет.

Мой ежедневный распорядок редко меняется. Я встаю в семь. Первое питание. Потом чищу свою кожу (я имею в виду наружную, земную кожу) и одеваюсь. С восьми до десяти я передаю сообщение домой. Потом выхожу на утреннюю прогулку, разговариваю с людьми, покупаю газеты, часто работаю в библиотеке. В час возвращаюсь к себе в комнату. Второе питание. Передаю сообщение с двух до пяти. Снова выхожу. Иду в театр или в кино, иногда на политическое собрание. Я должен впитать в себя все особенности этой планеты. Часто в баре — я оборудован устройством для принятия алкоголя, хотя, конечно, должен освобождаться от него как можно скорее — пью, слушаю и спорю. В полночь возвращаюсь в

свою комнату. Третье питание. Время передачи с часу до четырех ночи. Потом три часа сна, и весь цикл начинается с начала. Режим удобный. Не знаю, сколько наших агентов на Земле, но хочется думать, что я — один из наиболее старательных и полезных. Не отрицаю, что ненавижу физический дискомфорт, и часто впадаю в настоящее отчаяние от одиночества. Иногда я даже думаю попросить перевести меня домой. Но что мне там делать? К какой службе я пригоден? Мне рисуется единственный конец моей жизни — существование среди землян и передача сообщений домой. Если лишиться этого, я — ничто.

Конечно, я испытываю физическую боль. Достаточно сильную. Сила тяжести на Земле почти в два раза больше, чем дома. Это очень затрудняет жизнь. Мои внутренние органы всегда вываливаются за край панциря. Мышцы натягиваются с напряжением. Сердце постоянно протестует. За одиннадцать лет, как можно догадаться, я приспособился к здешним условиям. Я окреп, усложнился. Полагаю, если бы меня неожиданно быстро транспортировали домой, то у меня было бы головокружение и мне пришлось бы привыкать к тамошней легкости. Я бы прыгал, поднимался в воздух и спотыкался. Мне даже не хватало бы силы притяжения Земли. Но здесь я все равно страдаю, вес все время давит на меня. Но ни слова жалости к себе! Я знал об этих условиях заранее. Когда я добровольно вызвался служить на Земле, была еще возможность отказаться от этого назначения, но я решил отправиться сюда во что бы то ни стало, не осознавая, что две недели испытания двойной силой тяжести совсем не то же самое, что вся жизнь. Там я всегда мог выйти из тренировочной камеры. Но здесь каждая молекула моего тела постоянно испытывает это тяготение. Моя плоть всегда жалуется.

И это наружное тело, которое мне приходится носить. Искусная маскировка. Всегда быть одетым в толстую массу синтетической плоти, обволакивающую, поглоща-

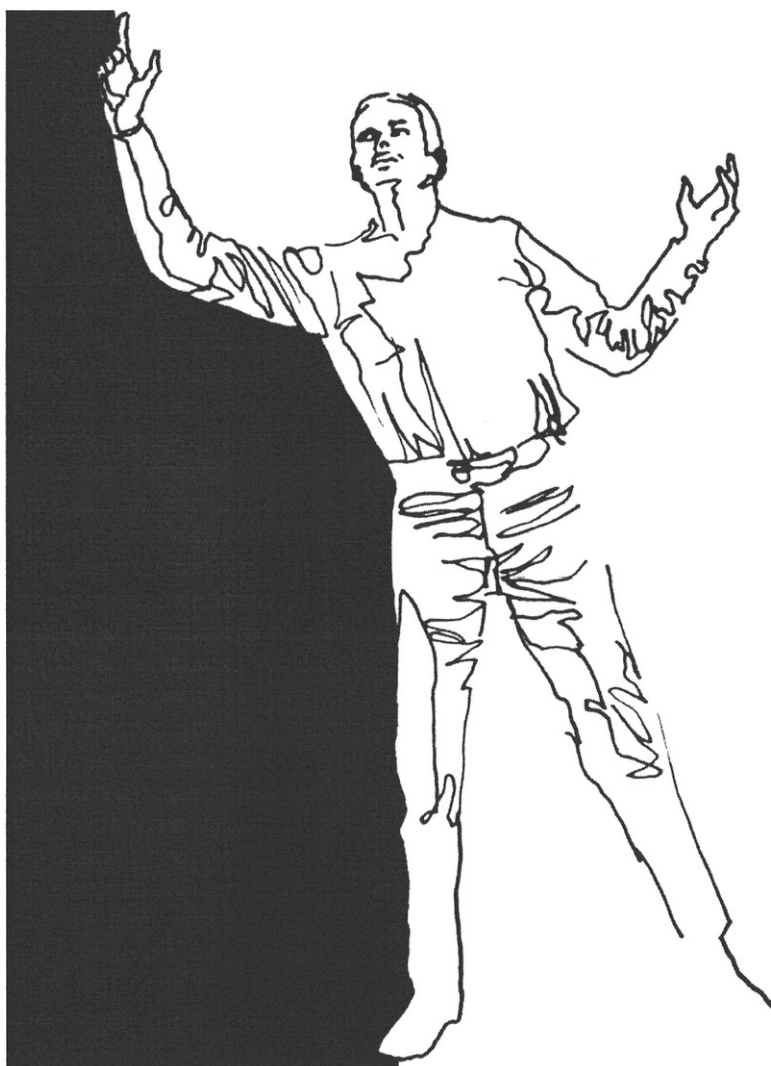
ющую меня. Мягкие, скользкие прикосновения ко мне внутри этой синтетики. Тщательно построенный каркас, который держит это тело прямо и которым я могу управлять, лес подпорок и распорок, механических активаторов и кабелей. И среди всего этого маленькая платформа, к которой я должен бесконечно приспособливаться, находить наименее неудобное положение, постоянно перемещаться, извиваться, пытаться сделать гибким свое негнущееся тело. Смотреть на мир в перископ, через механические глаза. Эта гора мяса, куда я всунут, должна выглядеть настоящим человеком. До сих пор еще никто ничего не заподозрил. От года к году это тело слегка старится, слегка седеют волосы на макушке и толстеет брюшко. Тело ходит. Оно разговаривает. Оно принимает пищу и питье внутрь. (И сохраняет съеденное в приемном мешочке около моей самой левой руки.) Спрятавшийся шахматист. Невидимый наездник. Если бы я отважился, я мог бы иногда освобождаться от этого платья и ползать по комнате в своем собственном облике. Но это запрещено. Одиннадцать лет я не выходил наружу из этого сооружения. Иногда я чувствую, что ЭТО прилипло ко мне, что ЭТО теперь часть меня.

Для того чтобы есть, я должен раскрыть ЭТО в центре груди. Все действие занимает несколько минут. Три раза в день я расстегиваюсь, чтобы поместить пищевой концентрат в мою настоящую глотку. Непродуманная система. Нужно было устроить так, чтобы я мог опускать пищу в мой искусственный рот, а она попадала бы в настоящий пищеварительный тракт. Надеюсь, в новых моделях так и сделано. А как мучителен для меня процесс выделения. Надо расстегнуться, пробраться внутрь, вынуть кубик отработанного, снова застегнуться и отправить отработанное в туалет. Неудобно!

И одиночество! Смотреть на звезды и знать, что дом где-то там! Думать обо всех тамошних, сочетающихся браком, поющих, разделяющихся, абстрагирующих, пока я провожу свои дни в этом разрушающемся отеле на чужой планете, угнетенный притяжением, замурованный в неудобном искусственном теле. Всегда один,

притворяющийся не тем, кто я есть, а тем, кем я быть не могу. Вечно шпионящий, вечно выпрашивающий, записывающий, отчитывающийся, сражающийся с печалью одиночества, охотник, ищущий покоя в философствовании.

Во всем этом есть только одно утешение — удовольствие от сознания того, что я служу дому.

Атмосфера в Нью-Йорке становится грязнее с каждым годом. Улицы заполнены автомобилями, изрыгающими гидрокарбонаты. Для землян эти вещества ужасны, и

они все время ворчат по поводу загрязнения окружающей среды. Для меня же этот сладкий суп из органических соединения — радость, привет из дома. Глубоко дыша, я гуляю по улицам и вдыхаю вкусные молекулы через свой фальшивый нос. Местные, должно быть, думают, что я сумасшедший. Прогулка среди автомобильных выхлопов! Могут ли меня арестовать за чрезмерное вдыхание гидрокарбонатов? Могут ли меня за это отправить на психиатрическую экспертизу?

Элизабет Кук по-прежнему задумчиво внимательна ко мне. Улыбается в коридоре. В глазах — блеск надежды.

— Мистер Нечт, может быть, нам как-нибудь вместе пообедать? Я уверена, у нас найдется много тем для разговора. Возможно, вам захотелось бы почитать мои новые стихи?

Она трепещет. Ресницы напряженно вздрагивают. Я знаю, иногда в ее комнате бывают мужчины, так что обрабатывает она меня не из-за одиночества, не от каких-то неудач. Сомневаюсь, что я ее привлекаю сексуально, в этом смысле я женщинам не интересен. Нет, она меня любит, потому что жалеет. Печальный, застенчивый холостяк из комнаты в конце коридора, мистер Нечт. Может быть, я привнесу немного ярких красок в вашу мрачную жизнь? И так далее. Думаю, так оно и есть. Смогу ли я и дальше избегать общения с ней? Возможно, надо переехать в другую часть города. Но я так давно живу здесь, я врос в этот отель. Это лишь маленькая компенсация за трудности моего здешнего существования. И комната, к которой я привык. Огромное окно, треснувшая зеленая плитка на полу в ванной, шершавость штукатурки на стене над кроватью. Высокий потолок, смешные подсвечники — все вещи, которые я люблю. Но, конечно, я не могу допустить, чтобы она вступила со мной в любовные отношения. Мы направлены сюда для наблюдения за землянами, а не для того, чтобы впутываться в какие-то истории. При близком контакте через наше фальшивое

тело не трудно проникнуть внутрь. Мне надо как-то держаться от нее подальше. Или спастись бегством.

Невероятно! В этом отеле живет еще один наш!

Я узнал об этом случайно. В час дня возвращаюсь с утренней прогулки. Элизабет сидит в засаде в вестибюле, болтает с портье. Она вскакивает в лифт вместе со мной, смотрит мне в глаза.

— Иногда я думаю, что вы меня боитесь, — начинает она. — Не надо. Великая трагедия человеческой жизни состоит в том, что люди всегда прячутся за стеной страха и не дают туда проникнуть тому, кто хотел бы заботиться о них, дарить свое тепло. У вас нет причин бояться меня.

Я и не боюсь, но как ей это объяснить? Отложив продолжение беседы, я вышел из лифта на этаж раньше. Пусть она думает, что я пошел к другу. Или к любовнице. Я медленно шел по коридору, чтобы потянуть время, надеясь, что она уже будет в своей комнате, когда я поднимусь. Мимо меня прошмыгнула горничная. Она открыла своим ключом дверь слева, нарушив здешние правила. Забыла постучать, прежде чем войти в комнату. Дверь открылась, внутри стоял обнаженный хозяин комнаты. Коренастый, мускулистый, голый до талии мужчина.

— О, извините, — прошептала горничная и попятилась, закрывая дверь.

Но я увидел. Я очень зоркий. Волосатую грудь рассекала темная щель трех дюймов шириной и одиннадцати дюймов длиной. Внутри видна черная блестящая поверхность панциря. Мой сородич, открытый для второго питания. В изумлении я, шатаясь, пошел к лестнице и заставил себя подняться на свой этаж. Никаких следов Элизабет. Добрел до своей комнаты, закрыл задвижку. Здесь еще один из наших? Ну, хорошо, а почему бы и нет? Я не единственный. В Нью-Йорке нас, одиночек, может быть, сотни. Но в том же самом отеле? Теперь вспоминаю, я иногда его встречал — молчаливый суровый мужчина, напряженный, необщительный. Не сомневаюсь, и я могу

казаться таким же. Держим мир на расстоянии. Не знаю ни его имени, ни того, чем он занимается.

Нам запрещено вступать в контакт друг с другом, за исключением особо крайней необходимости. Изоляция

является неременным условием нашего дела. Я не могу познакомиться с ним, не могу искать его дружбы. От того, что я знаю о нем, мне теперь гораздо хуже, чем тогда, когда я был одинок. Мы могли бы вспоминать о нашей жизни дома, поддерживать друг друга во всех трудностях: неудобстве от земного притяжения, проблемах с пищеварением, непереносимости мерзкого климата. Но нет, я должен притворяться, что ничего не знаю. Правила. Жесткие, непреодолимые правила. Я занят своим делом, он — своим. При встрече — никакого намека на то, что я знаю.

Вот так. Дело чести сдержать клятву. Хотя это будет и трудно.

Его здешнее имя — Свенсон. Живет в отеле восемнадцать месяцев, музыкант или что-то в этом роде, как сказал портье.

— Очень своеобразный человек. Скрытный. Никогда не поболтает, не улыбнется. Никого не подпускает к себе. Как-то горничная вошла в его комнату без стука, так он тут же пожаловался на нее. Да, здесь у нас разные люди живут.

Портье полагает, что мой сородич, на самом деле, член какой-то старой европейской королевской семьи, живущий в изгнании, или что-нибудь столь же романтическое. Как бы он был удивлен!

Я тоже никого не подпускаю к себе. И Элизабет в том числе.

Она встретила меня в коридоре, возле моей комнаты.

— Мои новые стихи, — сказала она. — Если вам интересно, конечно.

И потом:

— Можно мне зайти? Я бы сама почитала вам. Я люблю читать вслух. И, пожалуйста, не надо всегда так пугаться, Дэвид, я не кусаюсь. В самом деле. Я очень деликатна.

— Извините.

— И вы меня извините.

Гневная, со сверкающими глазами, губы крепко сжаты.

— Если вы не хотите общаться со мной, так и скажите. Я послушаюсь. Но хочу, чтобы вы знали, — вы бываете жестоким. Я ничего от вас не требую. Просто предлагаю нежную дружбу. А вы мне отказываете. Я плохо пахну? Я безобразна? Вы ненавидите мои стихи и боитесь об этом сказать?

— Элизабет...

— Нам так мало времени отведено на этом свете. Почему бы не быть добрее друг к другу, пока мы еще здесь? Любить, делиться, открыться? Жить душа в душу.

Тон ее изменился. Искусно смягчился.

— Как я понимаю, женщины вас отвлекают. Я бы не хотела опуститься до этого. Все мы живем своей жизнью. Речь не идет о сексуальных отношениях между нами. Я говорю о беседах, о том, чтобы открыть каналы. Хотите? Скажете «нет», и я вас больше никогда не потревожу, но, пожалуйста, не говорите «нет». Это будет подобно двери, захлопнутой перед жизнью. И если вы так поступите, то сами положите начало своему умиранию.

Настойчивая. Я должен был послать ее к черту. Но за всем этим ее одиночество и несомненная искренность. Ее теплота, ее упорное желание вытолкнуть меня из моей лунной изоляции. Можно ли на это обижаться? Осознание того, что рядом есть Свенсон, совсем близко, но отгороженный от меня железными заповедями, усиливало мое одиночество. Можно было бы рискнуть, позволив Элизабет приблизиться. Это осчастливит ее, может быть, осчастливит и меня. Благодаря этому, я могу собрать ценную информацию для дома. Конечно, должны быть возведены надежные барьеры.

— У меня в мыслях не было отказывать вам в дружбе, Элизабет. Думаю, вы меня не поняли. Я вовсе не отказываю вам. Заходите. Зайдите же.

Ошеломленная, она входит в мою комнату. За все время — первый гость.

Немного книг, скромная меблировка, передатчик, сложным образом замаскированный под фрагмент скульптуры.

Она садится. Юбка значительно выше колен. Хорошие ноги, если я могу правильно это оценивать. Я решил исключить сексуальное начало. Если же она сделает какую-нибудь попытку, я устрою — не знаю — истерику, что ли.

— Почитайте мне ваши новые стихи, — сказал я.

Она открыла папку. Читает.

— В середине унылой ночи, среди сомнения и пустоты, когда бог ужасной ошибки пришел ко мне с холодными руками, я смотрела вверх и кричала «да» звездам. И да, и да, и снова. Я прорыла себе проход к «нет». И я ждала тебя сказать «да», и наконец ты был. И мир сказал, звезды сказали, деревья сказали, трава сказала, небо сказало, улицы сказали: да, и да, и да...

Она в экстазе. Ее лицо пылает. Ее глаза сияют счастьем. Она прорвалась ко мне. После двух часов чтения, когда становится очевидным, что я не собираюсь укладывать ее в постель, она уходит. Не скрывая своих чувств по поводу того, что была приглашена.

— Я так рада, что ошиблась в вас, Дэвид, — шепчет она. — Я не могла поверить, что вы на самом деле отшельник. И вы не отшельник.

Экстаз.

Я слишком далеко заплыл.

Каждый вечер мы проводим вместе час-два. Иногда в моей комнате, иногда у нее. Чаще она приходит ко мне. И потом очень вежливо я пытаюсь остаться один перед третьим питанием. Теперь я читаю все ее стихи, мы разговариваем, но не об искусстве, а о политике, о расовых проблемах. У нее живое, интересное мышление. Хотя ей постоянно хочется все обо мне выведать, она понимает, как меня это нервирует, и быстро ретируется, когда я отражаю ее нападение. Спрашивает о моей работе, я уклончиво отвечаю, что занимаюсь исследованиями для книги. Тогда, поскольку я больше ничего не объясняю, она прекращает расспросы, но спустя несколько вечеров снова деликатно к ним возвращается.

Она пьет много вина и предлагает мне тоже выпить. Я выпиваю за весь визит один стакан. Часто она намекает, чтобы я пригласил ее пообедать. Я объясняю, что у меня проблемы с пищеварением и я предпочитаю есть в одиночестве. Она любезно выслушивает меня и немедленно предлагает свою помощь для решения этих проблем. Скоро она снова просит меня пойти поесть вместе с ней. Прямо в отеле есть превосходный испанский ресторан. Она задает вопросы, которые меня тревожат. Где я родился? Учился ли в колледже? Где моя семья? Был ли я женат? Будет ли опубликовано то, что я пишу? Я изобретаю отговорки. Во всем этом нет ничего трудного. Правда, прежде я никогда не позволял никому из землян так близко приближаться ко мне. Во время такого непрерывного контакта можно воспользоваться случаем и обнаружить странности в моем фальшивом облике.

И секс. Казалось, она думала, что мы должны вступить в сексуальные отношения просто потому, что стали такими хорошими друзьями. Страсть — всего лишь еще одна из сторон наших отношений. Мы разговариваем, иногда вместе гуляем, мы должны были бы и ЭТО тоже делать вместе. Но, конечно, это невозможно. У меня есть внешние органы, но нет возможности воспользоваться ими. Мне не хотелось бы, чтобы она дотрагивалась до моей фальшивой кожи. Как этого избежать? Если я объявлю себя импотентом, она тут же попытается исцелить меня. Если я скажу, что я гомосексуалист, она предложит какую-нибудь успокаивающую терапию. Если я просто скажу, что она не возбуждает меня физически, это ее ранит. Ей так же важно войти со мной в сексуальные отношения, как раньше было важно заставить меня просто разговаривать с ней. Она очень часто надевает прозрачную розовую шаль, сквозь которую просвечивает грудь. Она носит очень короткие юбки. Душится возбуждающими духами. Старается при каждом удобном случае дотронуться до меня.

Напряжение возрастает. Она решила меня получить.

В своих рапортах домой я ничего о ней не сообщал. Но передавал некоторые наблюдения за ее психикой.

— Допускаете ли вы, что могли бы влюбиться в меня? — спросила она сегодня вечером. И добавила: — Неужели вы не страдаете оттого, что постоянно подавляете свои чувства? Сидите внутри себя, как заключенный? — И еще: — В жизни существует и физиология, Дэвид. Игнорируя меня, вы меня не раните. Но мне грустно думать о том, какой вред вы наносите себе.

Скрещивает ноги. Юбка поднимается еще выше.

Кризис приближается. Я не могу этого допустить. На город свалилось знойное лето, а в жаркую погоду моя нервная система всегда на грани нервного срыва. Элизабет заведет меня слишком далеко. Я могу все разрушить. Я должен подать прошение о переводе домой, прежде чем стану причиной беды. Возможно, надо обсудить это со Свенсоном. Думаю, что все происходящее сейчас может быть квалифицировано как критическое положение.

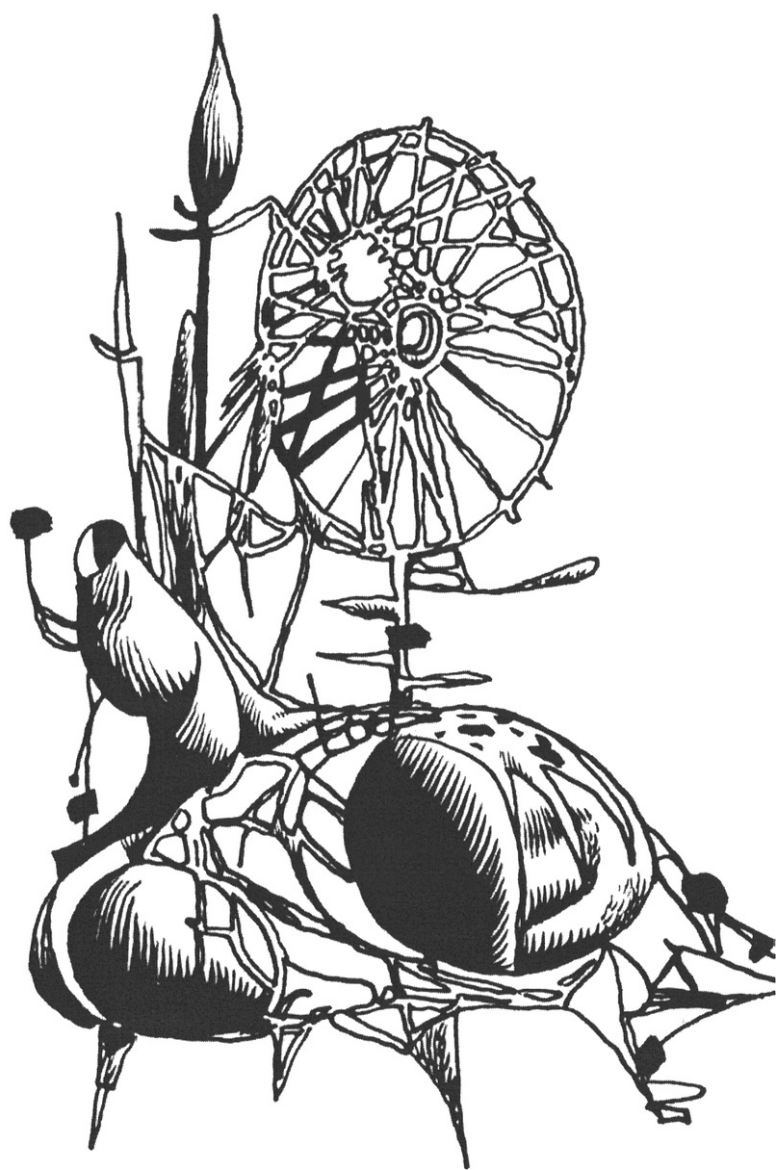
Прошлым вечером Элизабет сидела у меня до ночи. В конце концов я попросил ее уйти: работа. Через час она сунула мне под дверь конверт.

Новейшие стихи. Любовные стихи. Трясущейся рукой.

— Дэвид, вы так много значите для меня. Вы — мои звезды и туманности. Не могли бы вы позволить мне показать вам мою любовь? Не хотите испытать счастье? Подумайте об этом. Я обожаю вас.

Какую лавину я сдвинул!

Сегодня 103 градуса по Фаренгейту. Четыре дня подряд стоит безумная жара. В полдень встретил в лифте Свенсона, чуть не выпалил ему правду о себе. Мне нужно быть более осторожным. Но я теряю контроль над собой. Прошлой ночью, когда было особенно жарко, я чуть было не снял тело-маскировку. Я больше не мог быть запертым в нем, не мог бесконечно изворачиваться, чтобы избежать прикосновения всех выступов конструкции остова. С трудом устоял от этого искушения. Я даже стал более чувствителен к гравитации. Временами мне кажется, ЧТО МОЙ ПАНЦИРЬ НАЧИНАЕТ РАСТРЕСКИВАТЬСЯ. Сегодня я чуть не упал на улице. Мне необходимо справиться

ся с истощением, лечь в больницу, пройти флюорографическое обследование.

У ВАС, МИСТЕР НЕЧТ, ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ СКЕЛЕТ...

Действительно. Вслед за тем меня вскрывают, и за всем этим наблюдает три тысячи студентов. Затем вступают Объединенные нации. Угроза из космоса. Да. Я должен быть осторожным. Я должен быть более осторожным. Я должен быть...

Ну, вот, я это совершил. Одиннадцать лет преданной службы рухнули в момент. Нарушение основополагающего правила. Просто не верится. Как могло случиться, чтобы я — чтобы я, с моим чувством ответственности! — чтобы я мог просто даже подумать о том, что произошло.

Но было ужасно жарко. Третью неделю накатывала горячая волна. Я задыхался в своем искусственном теле. И гравитация. Эта страшная тянущая сила, которая мучила меня сильнее, чем обычно, вытягивала мои внутренние органы из панциря. И как постоянный раздражитель — страстная, возбужденная, слезливая, поэтическая Элизабет, без конца умоляющая меня вспыхнуть ярким пламенем... Провозглашающая свою любовь в сонетах, в меланхолических поэмах, в хайку. Часами сидящая у моих ног с мурлыканьем о красоте моей души.

— Открой себя для любви, — шептала она. — Как если бы ты отдал себя богу. Соверши это, разбей все стены. Ну почему ты отказываешься? Во имя любви, Дэвид, почему?

Я не мог ей ответить, и она ушла. Но в полночь снова постучала в мою дверь. Я впустил ее. Она была в изношенном желтом халате до колен.

— Меня будто избили камнями, — хрипло сказала она севшим голосом. — Мне пришлось выпить, чтобы привести нервы в порядок. Но вот я здесь. Мне обидно, что я ошиблась. Мы стали так близки, а ты не хочешь совершить последнего шага.

Каскад хихиканья.

— Сегодня ночью ты его совершишь. Не обмани моих ожиданий, дорогой.

Сбрасывает халат. Обнажена. Узкая талия, костистые бедра, длинные ноги, тонкие ляжки, на груди просвечивают голубые вены. У нее дикие курчавые волосы. Колдунья. Одержимая. Приближается ко мне, веки полуопущены, рот открыт, змеится язык. До чего она плотская! Капли пота поблескивают на ее плоской грудной клетке. Хватает меня за руки, грубо тянет к постели.

Короткая борьба. Внутри своего фальшивого тела я работаю рычагами. Я сильнее, чем она. Легко освобождаюсь от ее рук. Она стоит передо мной, свирепая, с яростными глазами. Такая ранимая. Такая безумная в своей откровенности.

И такая неистовая!

— Дэвид! Дэвид! Дэвид!

Рыдания. Вздохи. Умоляющая глазами и кончиками грудей, собрав силы, она готовится к следующему раунду, но я предусмотрительно толкаю ее, и она приземляется на кровать. Прячет лицо в подушку, закусывает простыню.

— Почему? Почему, почему, почему, почему, ПОЧЕМУ? — восклицает она.

Через минуту здесь появится портье. С полицией.

— Я так отвратительна? Я люблю тебя, Дэвид, ты знаешь, что значит это слово? Любовь. Любовь.

Садится. Поворачивается ко мне. Умоляет.

— Не отказывай мне. Я этого не вынесу. Знаешь, я просто хотела сделать тебя счастливым. Я понимала, что могу существовать в одиночестве, но не представляла себе, что ты сделаешь меня абсолютно несчастной. И вот ты просто стоишь передо мной. И ничего не говоришь. Что ты такое? Ты — машина?

— Я скажу тебе, что я такое, — ответил я.

И тут я полетел в пропасть. Потерял над собой контроль, отбросил благоразумие. Мой рассудок был побежден истерзанными чувствами. Само мое существование в этот момент ничего для меня не значило. Я должен был все объяснить. Я должен все показать. И какой угодно ценой. Я снимаю рубашку. Она сияет, несомненно, уверенная, что ей удалось меня соблазнить. Мои руки скользят сверху вниз по обнаженной груди, расстегивая крючки и застёжки. Я совершаю сложный, нелегкий процесс открывания своего тела. Глубоко внутри, во мне что-то кричит: «НЕТ, НЕТ, НЕТ...» Но я не обращаю на это внимания. У сердца свои соображения.

Хрипло:

— Смотри, Элизабет. Смотри на меня. Вот это то, что я есть. Смотри на меня. Перепугалась? Существенная ошибка!

Моя грудь широко раскрыта.

Я выталкиваю себя вперед, пробираясь между рычагами и распорками, высовываясь почти наполовину из человеческого тела, в которое одет. Я не был так полно открыт с того дня, когда дома вложили меня внутрь этого тела. Я даю ей возможность рассмотреть мой блестящий панцирь. Помахиваю глазами. Вынимаю для показа несколько своих когтей.

— Видишь? Видишь? Большой черный краб из космоса. Это то, что ты любишь, Элизабет. Это то, что я есть. Дэвид Нечт всего лишь костюм для того, что внутри него.

Я обезумел.

— Ты хотела реальности? Вот она — реальность, Элизабет! Что хорошего ты нашла в теле Нечта? Это подделка. Это механизм. Подойди, подойди-ка поближе. Хочешь

поцеловать меня? Может быть, мне взобраться на тебя и заняться с тобой любовью?

Какая гамма чувства отражается на ее лице! Сначала, конечно, гримаса недоверия. И ледяной ужас — нечленораздельные звуки, отвисшая челюсть, неподвижные, широко раскрытые глаза. Руки, прижатые к груди. Неожиданная благопристойность перед инопланетным монстром? Но потом, когда знакомый голос Нечта, ставший теперь резким и бесстрастным, продолжает вылетать из черного предмета через раскрытую грудь, ее реакция смягчается. Чудовищно. Поэтическая чувствительность попорана. Ничто человеческое мне не чуждо. Ничто чужое не чуждо мне. А? Она должна поверить собственным глазам.

— Что ты такое? Откуда ты появился?

Я отвечаю.

— Я нарушил основополагающее правило. Нам нельзя себя обнаруживать. Если с нами происходит инцидент подобного рода, мы должны себя взорвать. Вот здесь для этого есть рычажок.

Она подходит ближе и разглядывает меня в глубинах Дэвида Нечта.

— С какой-то другой планеты? Живешь здесь замаскированным?

Она понимает ситуацию. Шок постепенно проходит. Она даже смеется.

— Ты больше не пугаешь меня, Дэвид. Дэвид? Можно мне по-прежнему называть тебя Дэвидом?

Это невозможно. Я как во сне. Я себя разоблачил, думая, что она в ужасе убежит, а она не испугалась и улыбается мне, чудовищу. Она опускается на колени, чтобы получше меня рассмотреть. Я немного отодвигаюсь назад. Где-то потерял самую верхнюю руку.

Она говорит:

— Я знала, что ты необычный, но не предполагала, что настолько. Все в порядке. Главное — сущность твоей личности, то, во что я влюбилась. Что из того, что ты человек-краб из Зеленой Галактики? Что из того, что мы не можем быть настоящими любовниками? Я готова на

эту жертву. Я откопала твою душу, Дэвид. Идем дальше. Закрывайся. Так тебе неудобно.

Торжество любви. Даже теперь она не оставит меня. Несчастье. Я вползаю обратно в Нечта, поднимаю его руки к груди, чтобы ее застегнуть. От шока помутнело в голове. Гнусность. Наглость. Что я наделал?

Элизабет наблюдает с благоговением и даже восхищением. Наконец я застегнут. Она кивает.

— Слушай, — говорит она. — Ты можешь мне довериться. Я имею в виду, что, если ты нечто вроде шпиона на Земле, мне это безразлично. **МНЕ ЭТО БЕЗРАЗЛИЧНО.** Я никому об этом не скажу. Освободись от этого, Дэвид. Расскажи мне все о себе. Разве ты не понимаешь? Это — самое значительное из всего, что происходило в моей жизни. Шанс показать, что любовь — не только физиология, не только химия, а движение души, которое соединяет и расы, и целые чертовы космосы, и сами планеты.

Прошло несколько часов, прежде чем удалось от нее освободиться. Возвышенная, напряженная беседа, где, в основном, говорила Элизабет. Она развивает теории причин моего появления на Земле. Я киваю, отрицаю, расширяю. На самом деле, я совсем растерялся от ужаса своего предательства и едва слушаю ее монолог. Влажность превращает меня в половую тряпку.

В конце концов:

— Все уладится. Я собираюсь прогуляться. Потом вернусь к себе, немного попишу. Эта ночь должна войти в стихи, прежде чем я потеряю силу своих ощущений. Но на рассвете я снова приду к тебе, хорошо? Это будет часов через пять. Ты будешь у себя? Ты не сделаешь никакой глупости? О, я так люблю тебя, Дэвид! Ты мне веришь? Веришь?

Когда она ушла, я долго стоял у окна, пытался собраться. Разбитый. Измочаленный. Вспоминал ее поцелуи, ее губы, пробегающие по краям щели на моей груди. Очарование отвращения. Она будет любить меня, несмотря на мою ракообразную внутренность.

Мне нужна помощь.

Я пошел к Свенсону. Он долго не отвечал на мой стук. Не сомневаюсь, передавал сообщение.

— Свенсон! — позвал я. — Свенсон!

Потом добавил сигнал бедствия на языке нашего дома. Он кинулся к двери. Отворил. Подозрительно прищурился.

— Все в порядке, — сказал я. — Послушайте, дайте мне войти. У меня большое несчастье.

Говорю по-английски. Но снова даю сигнал бедствия.

— Как вы узнали обо мне? — спросил он.

— Я проходил мимо в тот день, когда горничная открыла дверь вашей комнаты без стука. Вы ели, и я увидел.

— Не кажется ли вам, что...

— За исключением крайней необходимости. У меня крайняя необходимость.

Он закрывает свой передатчик и внимательно слушает мой рассказ. Не одобряет. Хмурится. Но не может оттолкнуть меня. Я по глупости совершил преступление, но я — его породы. Мы испытываем одинаковые страдания, нас одинаково мучит одиночество, и он должен мне помочь.

— Что ты теперь собираешься делать? — спрашивает он. — Ты ведь не можешь причинить ей зло? Это не позволяется.

— Я не хочу причинять ей зла. Просто хочу освободиться от нее. Хочу, чтобы она меня разлюбила.

— Как? Если не помогло то, что ты ей показал себя...

— Измена, — сказал я. — Дать ей увидеть, что я люблю кого-то еще. В моей жизни для нее нет места. Это оттолкнет ее. Для будущего неважно, что она знает, — кто поверит ее рассказам? ФБР посмеется и посоветует ей прекратить принимать ЛСД. Но если я не избавлюсь от ее привязанности, мне — конец.

— Любить кого-то еще? Кого?

— Когда она на рассвете придет ко мне, — сказал я, — она найдет нас с тобой, делящихся и абстрагирующих. Думаю, дело будет сделано. Что скажешь?

Так мы со Свенсоном решили обмануть Элизабет.

Тот факт, что мы оба были одеты в мужские тела, конечно, ничего не значил. Мы пошли в мою комнату и вы-

лезли из наших маскировочных костюмов. Дерзкое, головокружительное ощущение. Вдруг мы снова стали двумя существами нашего дома, так полно чувствующими друг

друга. Я не запер дверь. Мы забрались на кровать и начали пение. Как странно было снова почувствовать эти вибрации после стольких лет одиночества! Как это было прекрасно! Усики Свенсона прикасались ко мне. Взаимодействие гармоний. Подчеркнутая строгость его техники — он презирал меня за мой идиотизм и был прав, но когда мы перешли от пения к делению, все было забыто. И когда мы стали двигаться в абстрагировании, это было грандиозно. Мы карабкались через безграничность критической пустоты. Рассвет обрушился на нас, а нам даже не хотелось остановиться, чтобы отдохнуть.

Стук в дверь. Элизабет.

— Входите, — сказал я.

Мечтательное, восторженное выражение лица. Тут же изменившееся при виде нас, соединенных, на кровати.

— Мы соединились, — объяснил я. — Не думаешь ли ты, что я жил совершенным отшельником?

Она смотрит то на меня, то на Свенсона. Рука прижата ко рту. В глазах душевное страдание.

— Я не смог предотвратить твою влюбленность, Элизабет. Но на самом деле я предпочитаю свою породу. Что должно быть вполне понятно.

— Быть с ней здесь, сейчас, когда ты знал, что я вернусь...

— Не совсем она, но уж точно не он.

— ...Так жестоко, Дэвид! Погубить такое прекрасное переживание!

В дрожащих руках четыре листа бумаги.

— Целый цикл сонетов. О сегодняшней ночи. Как это было великолепно, и вот — все. А теперь... а теперь...

Скомкала листы. Разбрасывает их по комнате. Поворачивается. Выбегает в коридор, яростно рыдая. И в аду не видели такой фурии.

— Дэвид!

Приглушенный крик. Хлопает дверью.

Через десять минут она вернулась. Мы со Свенсоном еще не привели себя в порядок — не вползли в свои тела.

Одеваясь, мы обсуждали дальнейший план действий. Он считал, что честь обязывает меня просить о переводе домой, ибо здесь я теперь не принесу пользы, после того как так неосторожно обнаружил себя. Во многом я был с ним согласен, кроме того, что должен отправиться домой. Несмотря на физические страдания, сопутствующие жизни на Земле, я почувствовал, что принадлежу этой жизни.

И тут вошла сияющая Элизабет.

— Я не должна быть такой собственницей. Такой буржуазной. Такой обычной. Я охотно разделю свою любовь.

Поглаживает Свенсона. Поглаживает меня.

— *A menage a trois*, — говорит она. — Я не должна обращать внимания на то, что между вами есть физическая близость. До тех пор, пока вы не исключите меня из вашей жизни. Я имею в виду, Дэвид, что мы в любом случае никогда не могли бы быть в физическом контакте. Но между нами могут быть другие аспекты любви. И мы откроем себя твоему другу, да? Да? Да?

И Свенсон, и я подали прошение о переводе. Он — в Африку, а я — домой. Через некоторое время мы получили ответы. И весь этот период мы были окружены заботами Элизабет. Свенсон ужасно злился на меня за то, что я втянул его в эту историю, но у меня не было выбора. Никому из нас не удалось бы избежать настойчивости Элизабет. Она купала нас в волнах нежных эмоций. Куда бы мы ни повернулись, всюду была Элизабет, раскаленная от любви, освещающая мрак нашей жизни. Вы — бедные одинокие создания. Вы очень страдаете от нашей силы тяжести? А как вы переносите жару? А зиму? Женятся ли на вашей планете? Есть ли у вас поэзия?

Счастливая троица. Мы вместе ходили в театр, на концерты. Даже на вечеринки в Гринвич-вилледж.

— Мои друзья, — говорила Элизабет, не оставляя ни у кого сомнений в том, что она живет с нами обоими. Легкий намек на скандальность, ей нравилось казаться рискованной. Свенсон, делая одолжение, угрюмо терпел все

ее штучки, но в ее отсутствие постоянно ругал меня, виновника этой ситуации. Элизабет напечатала на мимеографе следующий буклет со стихами, посвященный нам обоим. Она назвала его «Тройное путешествие». Ужасающая эротика. Я поместил несколько стихотворений в одно из моих сообщений домой, а потом со злости выбросил буклет в мусорную корзину.

— Что слышно о твоём переводе? — по крайней мере дважды за неделю я спрашивал Свенсона.

Ему ответа не было. Мне тоже.

Пришла осень. Элизабет, жгущая свечку с обоих концов, выглядела изможденной и беспокойной.

— Я никогда не была так счастлива, — постоянно твердила она, вцепившись одной рукой в Свенсона, другой в меня. — Я никогда не вспоминаю о вашей необычности. Я думаю о вас, как о людях, милых, одиноких, замечательных людях. Здесь, в темноте этого ужасного города.

И однажды она сказала:

— А что если на Земле все такие же, как вы, и только я одна — человек? Но это глупость. Вы здесь, должно быть, единственные. Первые разведчики. Ваша планет завоюет нас? Я так на это надеюсь! Все устроить по справедливости. Царство любви и разума!

— До каких пор это будет продолжаться? — пробормотал Свенсон.

В конце октября ему пришел перевод. Он уехал. Не прощавшись с нами, не оставив своего будущего адреса. Найроби? Аддис-Абеба? Киншаса?

Я привык к тому, что Свенсон рядом. Он помогал сносить Элизабет. Теперь вся сила ее любви обрушилась на меня. Страдала моя работа. У меня не хватало времени, чтобы должным образом отправлять сообщения. Меня пугала ее болтливость. Что она рассказывала своим друзьям в Вилледж?

— Знаете Дэвида? Он не настоящий человек, представьте себе. Правда, правда. Внутри него сидит нечто вроде краба из другой звездной системы. Но какое это имеет значение? Любовь — это явление универсальное. Истинно любящий не ограничивает свое чувство принадлежностью к какой-либо планете.

Мне было тоскливо, я это понимал. Попасть домой, понести наказание, сбросить фальшивую кожу, освободиться от Элизабет.

Ответ на мое прошение пришел тринадцатого ноября. В прощении было отказано. Я оставлен на Земле, чтобы продолжать свою работу. Перевод домой возможен только по состоянию здоровья.

Я стал обдумывать, не послать ли мне полный отчет о моей измене, что, конечно, привело бы к мгновенному отзыву. Но, в отчаянии, не мог на это решиться. Я погрузился в мрачную задумчивость.

— Почему ты так печален? — спрашивала Элизабет.

Что я мог ответить? Что мне не удалось от нее сбежать?

— Я люблю тебя, — говорила она. — Никогда прежде я не чувствовала этого так явственно.

Прижимается к моей щеке. Пальцы перебирают мои волосы. Соблазнительный шепот.

— Дэвид, открой себя снова. Я имею в виду твою грудь. Я хочу видеть тебя внутреннего. Чтобы быть уверенной, что я тебя не боюсь. Пожалуйста! Ты только однажды дал посмотреть на себя.

И потом, когда я это сделал:

— Можно мне тебя поцеловать, Дэвид?

Я испугался, но разрешил. Она не побоялась. Преобразилась от счастья. Она — огромная неприятность, но, боюсь, я начинаю ее любить.

Смогу ли я ее бросить? Как бы я хотел, чтобы Свенсон не исчезал. Мне нужен совет.

Или я порываю с Элизабет, или с домом. Это абсурд. С каждым днем я все глубже падаю в пропасть уныния.

Я не в состоянии заниматься своей работой. Мне снова отказали в переводе, не объясняя деталей. Сегодня выпал первый снег.

В прощении отказано.

— Когда я увидела тебя со Свенсоном, — сказала она, — я испытала ужасное потрясение. Даже более сильное, чем при виде тебя, выходящего из открытой груди. Я хочу сказать, мне было страшно понять, что ты не человек, но это не ранило меня эмоционально. Это не представляло для меня опасности. Но потом, вернуться через несколько часов и найти тебя с тебе подобным, понять, что ты хочешь от меня избавиться, что мне нет места в твоей жизни, — это было невыносимо. Я словно потеряла все то, чего мы с таким трудом добились.

Целует меня. Слезы радости. Как это произошло? Где все это началось? Я попытался проследить цепь событий, которые привели меня к этому, и не смог. Сегодня я пробыл вне своего фальшивого тела восемь часов. Элизабет говорит о нашей поездке на острова этой зимой. Мы сможем жить в уединенном коттедже ее друзей. Конечно, я не могу оставить свою службу без разрешения. Чтобы получить ответ, придется ждать несколько месяцев.

Надо признаться: я люблю ее.

Первое января. Новый год. Я отправил домой заявление об отставке и сломал передатчик. Связь нарушена. Завтра, когда городские конторы начнут работать, мы с Элизабет пойдем получать разрешение на брак.

Роберт Силверберг КАК ЕСТЬ

— Как есть, — сказал продавец автомобилей, засунув большой палец правой руки за пояс. — Двести пятьдесят баксов — и можете ехать. Не утверждаю, что она идеальна, но, хочу вам сказать, за такую цену вы получаете чертовски хорошую штуку.

— Как есть, — повторил Сэм Нортон.

— Как есть, именно так.

Видно было, что Нортон колеблется.

— Может быть, она хорошо ездит, но вот багажник, который не открывается...

— Ну и что? — засопел продавец. — Вы же сказали, что машина вам нужна, чтобы перевезти вещи в Калифорнию. Зачем вам багажник? Слушайте, когда доберетесь до побережья и у вас будет минутка, заедете в мастерскую, там все расскажете, и они за пять минут, взяв паяльную лампу...

— Почему же вы этого не сделали, пока машина стояла в магазине?

Продавец отвернулся.

— У нас не было времени заниматься такими мелочами.

Нортон помолчал. Потом снова подошел к машине и осмотрел ее со всех сторон. Это был маленький темно-зеленый четырехдверный седан в хорошем состоянии. Приличная обивка, работающее радио, мотор, насколько Сэм мог судить, в порядке, управление легкое. В машине были ремни безопасности и сигнал экстренной остановки.

У нее был только один недостаток. Не открывался багажник. И не потому, что кто-то испортил замок. Просто багажник был сделан так, что он НЕ МОГ открываться. В месте примыкания крышки к корпусу машины была

заметна еле видимая линия сварного шва, аккуратно сделанная предыдущим хозяином.

Что за черт, машина со всех точек зрения неплоха, и у Нортон нет времени искать что-нибудь еще. Практически накануне вечером его перевели в офис в Лос-Анджелесе. И было вовсе неплохо уехать из Нью-Йорка в середине отвратительной зимы, но в данный момент он испытывал некоторые финансовые трудности. Компания переезд и перевозку багажа не оплачивала. Ему вручили четыре билета в туристический класс и все. Поэтому Нортон посадил Эллен и детей на первый же рейс в Лос-Анджелес, а деньги, возвращенные кассой за его билет, должны были пойти на расходы по переезду.

Он выбрал медленный, но самый дешевый способ. Нанять прицеп, сложить туда все домашнее имущество и покатить в Калифорнию, надеясь, что за то время, пока он будет в пути, Эллен найдет квартиру.

Нортон не мог доверить колыхаге, в которой он ездил сейчас, везти его так далеко на запад от Парсипини, штат Нью-Джерси, одному через пустыню Мохаве. Поэтому он и оказался здесь, пытаясь купить неплохую подержанную машину баксов этак за пятьсот. Это было все, что он мог выложить.

И вот ему предлагают очень привлекательное средство передвижения с одним незначительным дефектом — всего лишь за две с половиной сотни, и при этом у него остается приличная сумма, необходимая для трансконтинентального путешествия. Раз он едет один, ему **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не нужен багажник. Чемодан можно положить на заднее сиденье, а все остальное — в прицеп. В Лос-Анджелесе он с легкостью найдет механика, который откроет багажник, и дефект будет устранен.

С другой стороны, ему достанется от Эллен за покупку машины с дефектом. Она уже и прежде пилила его за подобные «сделки». Но, с третьей стороны, его заинтриговала тайна запечатанного багажника. Кто знает, что там скрывается? Быть может, машина принадлежала контрабандисту, который спешно спрятал «горячий» груз, и багажник полон симпатичными золотыми слитками, или

бриллиантами, или девяностолетним коньяком. А что, если...

— Может быть, вы хотели бы еще раз на ней прокатиться? — спросил продавец.

Нортон покачал головой.

— Пожалуй, не стоит. Я уже понял, какова она на ходу.

— Ну, тогда пошли в контору и закончим дело.

— Какого она года, вы сказали?

— Вроде бы шестьдесят четвертого или шестьдесят пятого.

— Вы не уверены?

— С этими иностранными машинами никогда нельзя быть уверенным. Знаете, они не меняют модели по пять, шесть, десять лет, заменяя только мелкие детали, а это может обнаружить лишь эксперт. Возьмите, например, «фольксваген»...

— Кстати, вы мне не сказали, какой марки эта машина.

— Может быть, «пежо», а может, какой-нибудь из «фиатов». Что-нибудь этакое.

— Вы НЕ ЗНАЕТЕ?

Продавец пожал плечами.

— Ну, мы просмотрели уйму каталогов прошлых лет, но там чертова уйма этих иностранных машин. Некоторые марки импортируются небольшими партиями и... В общем, точно мы определить не смогли.

Нортон задумался. А где же брать запасные части к машине неизвестного происхождения? Вдруг он осознал, что думает о машине как о своей собственной, хотя чем больше он размышлял, тем меньше ему все это нравилось. Впрочем, если не забывать о золотых слитках в багажнике... О старинном коньяке... О чемодане, полном сапфиров и рубинов...

Нортон спросил продавца:

— А разве регистрация не фиксирует год выпуска и марку?

Продавец переминался с ноги на ногу.

— По правде сказать, мы ее не регистрировали. Но все совершенно законно. Послушайте, я хочу поскорее рас-

статься с этой машиной, потому она и стоит двести пятьдесят, понятно?

— Загадочная история. Тогда скажите, откуда у вас появился этот автомобиль.

— Его привез в прошлом году один малый, думаю, это было в ноябре. Он попросил проверить клапаны. Сказал, что вернется через месяц. У него неожиданная деловая встреча. Он заплатил за работу и за месяц стоянки. И представьте себе, больше не появился. Эта проклятая машина простояла у меня почти год. И теперь я хочу от нее избавиться. Юрист сказал, что мы можем это сделать.

— Если я решу ее купить, дадите ли вы мне соответствующие документы? На право ее продажи?

— Конечно, конечно.

— А как с регистрацией?

— Я все устрою, — сказал продавец. — Только заберите машину.

— Две сотни, — сказал Нортон. — Как есть.

Продавец вздохнул.

— Годится. Как есть.

Когда через три дня Нортон начал свое путешествие, падал легкий снежок. Сэм счел это за предзнаменование, только никак не мог понять — какое. В конце концов он решил, что это знак расставания с мрачной зимой. Ему не придется встречаться с ней в ближайшее время. Сводка погоды в «Таймс» сообщала, что в Лос-Анджелесе температура колеблется от 66 до 79 по Фаренгейту. Неплохо для января.

Он неуклюже взгромоздился за руль, легонько нажал на газ и двинулся на запад с безопасной скоростью сорок пять миль в час. Эта скорость была удобна при езде с большим прицепом. У Нортонa был не большой опыт езды с прицепами. Он работал продавцом компьютеров, а продавцы компьютеров не возят с собой образцы товара. Но теперь ему приходилось постоянно помнить, что он управляет организмом, состоящим из двух частей, и быть осторожным на поворотах. Господи, благослови автостра-

ду! Просто едешь прямо, прямо, прямо, вперед на закат. На этом пути всего лишь несколько спокойных поворотов, да дюжина светофоров.

Снег усилился. Машина никак на это не отреагировала, шла уверенно, и стеклоочистители работали исправно.

Решив купить машину для переезда, Нортон не собирался покупать иностранную марку. Он полагал, что это будет добротный солидный «плимут» или «шевроле», что-нибудь тяжелое и крепкое, способное перевезти его через всю страну с востока на запад. Но эта маленькая машина не разочаровала его. Она оказалась достаточно мощной и устойчивой, а с таким здоровенным прицепом не было нужды в лишних лошадиных силах.

У Нортона было хорошее настроение. В этой машине он чувствовал себя спокойно и уютно. Казалось, что домик на колесах будет служить ему надежным приютом на время долгого путешествия через всю страну. По радио удалось поймать Моцарта, что было очень приятно. Печка работала хорошо. Машины на дороге встречались редко. Белый пушистый снег, сам по себе прекрасный, был хорош еще и тем, что скоро останется позади.

Нортон даже радовался одиночеству. Он отдохнет в пути, пока доберется до Лос-Анджелеса через Огайо и Канзас, Колорадо и Аризону, и все другие штаты. Пять-шесть дней мира и покоя, когда не надо ни с кем разговаривать, не надо забавлять детей...

Вскоре настроение начало портиться. Если у вас много свободного времени для размышлений, вы, несомненно, начнете думать о том, о чем следовало бы подумать раньше. И теперь, когда он катил по все более глубокому снегу в этот серый, тихий полдень, некоторые аспекты обладания машиной с неоткрывающимся багажником заставили его задуматься о том, о чем он просто забыл в спешке перед отъездом. Например, где необходимый набор инструментов? Где домкрат на тот случай, если у него спустит колесо? А еще более неприятный вопрос: где само запасное колесо? Багажник ведь нечто большее, чем просто некая емкость в задней части машины. В нем должно храниться немалое количество крайне необходимых предметов.

И ничего этого у Нортонa не было.

Он только теперь об этом вспомнил.

Пока он размышлял, как ему удастся доехать от побережья до побережья без запасного колеса, ощущение уюта и безопасности испарилось бесследно. На ближайшей станции обслуживания нужно купить запаску, которую можно будет положить на заднее сиденье рядом с чемоданом.

Неожиданно он заметил, что прицеп странно дергается. Казалось, будто его колеса потеряли сцепление с дорогой. Через секунду то же самое случилось и с машиной. Нортон увидел, что его несет юзом по скользкому участку шоссе. «Крути рулем в направлении скольжения, вот что ты должен сделать», — на удивление спокойно сказал он себе. Каким-то образом ему удалось удержаться от резкого торможения, несмотря на естественное желание сделать именно это. В ужасе Нортон следил, как машина и прицеп скользят вправо по направлению к огромному сугробу, возвышающемуся у края дороги.

Нортон медленно выдохнул, почесал подбородок и мягко нажал на газ. Колеса прокручивались в снегу. Машина не двигалась. Он — влип.

У маленького человечка было румяное лицо, длинные белые волосы с кудряшками на концах и очки в металлической оправе. Он глянул на покрытые снегом подержанные машины, выставленные на продажу, нахмурился и устало поплелся к выставочному залу.

— Пришел забрать свою машину, — объявил он. — Починка клапанов. Был занят делами в другой части света.

— Вашей машины здесь нет, — сказал смущенный продавец.

— Это я вижу. А ну, покажите, где она.

— Мы более или менее продали ее неделю тому назад.

— ПРОДАЛИ? Продали мою машину? МОЮ МАШИНУ?

— Которую вы бросили. Мы держали ее здесь почти год. У нас тут не стоянка. Слушайте, я разговаривал с юристом, и он сказал...

— Хорошо, хорошо. Кто покупатель?

— Один парень. Он переезжал в Калифорнию, ему срочно нужна была машина для этой поездки. Он...

— Его имя?

— Понятия не имею. Он купил машину, и оставьте его в покое.

Маленький человечек сказал:

— У меня в запасе много разных способов получить от вас информацию. Но не беспокойтесь, я-то легко найду свою машину. А вот вы раскаетесь, что так скандально пренебрегли своими обязанностями. Обязательно раскаетесь.

И, возмущенно ворча, он выскочил из зала.

Спустя несколько минут в небе сверкнула молния.

— Молния? — изумился продавец. — В январе? Во время снегопада?

Когда прогремел гром, все стекла в окнах выставочного зала задрожали и вывалились из рам.

Сэм Нортон жал на газ. Колеса прокручивались. Его ярость все возрастала, но он не знал, что еще предпринять, и надеялся, что машина в конце концов вытащит себя сама. Еще у него были надежды на патруль, который появится на автостраде, увидит, в какое он попал положение, и вызовет буксир. На дороге было пусто. Те редкие машины, которые появлялись вдали, проскакивали мимо него со скоростью выстрела.

Спустя некоторое время он решил выйти и отгрести снег от колес. Он не был уверен, что это поможет, но не знал, что бы еще предпринять. Выйдя из машины, он увидел, что багажник открылся.

Крышка багажника приподнялась почти на фут. Изумленный Нортон поднял ее повыше и заглянул внутрь.

Из багажника шел сырой запах плесени. Там ничего нельзя было разглядеть. Света было мало, а выше крышка не поднималась. Нортону показалось, что там свалены в кучу какие-то странные бугристые предметы, которые будто отодвигались от его рук. Но вот пальцы нащупали

что-то твердое, холодное и гладкое. Он услышал позвякивание чего-то металлического.

Нортон вытащил из багажника комплект цепей для колес.

Он улыбнулся. Ему повезло. Как раз то, что нужно! Нортон быстро стал прилаживать цепи на задние колеса. Пока он работал, крышка багажника захлопнулась. Наверное, сломалось крепление, но это было не важно. В пять минут цепи были намотаны. Сэм сел за руль, снова завел машину, дал газ, аккуратно выжал сцепление и прикусил нижнюю губу, помогая машине выбраться из снега. Он оставил цепи на колесах, пока не доехал до станции обслуживания. Там он стал их снимать и, подняв голову, увидел, что багажник снова открылся. Нортон положил цепи в багажник и встал на колени в попытке нащарить что-нибудь еще, но ничего не нашел. Крышка захлопнулась.

«Все равно мне эту загадку не разгадать», — сказал себе Сэм и пошел к станции, чтобы купить колесо и набор инструментов. Служитель, насупившись, осмотрел машину через окно и сказал:

— Вряд ли у нас найдется ваш размер. Есть колеса большие и маленькие, а у вас как раз что-то среднее между ними. Мне никогда не встречался подобный размер.

— Может, посмотрите поближе, — предложил Нортон. — Дело в том, что это иностранная машина и...

— Да мне и отсюда видно. На чем это вы приехали? Что, японская тачка?

— Что-то вроде того.

— Слушайте, может, достанете колесо в Харрисбурге. У них там есть одно место, где обслуживают иностранные машины. Купите там глушитель, амортизатор, в общем, все, что вам нужно.

— Спасибо, — сказал Нортон и вышел.

Он и не заметил, что проехал Харрисбург. От этого ему стало немного не по себе — ведь он все еще не имел запасного колеса. Однако беспокойство было не таким сильным, как раньше. Когда ему понадобились колесные

цепи, он нашел их в багажнике. Кто знает, что там еще может найтись при необходимости. Он ехал дальше.

В связи с тем, что собственное средство передвижения маленького человечка оказалось ему недоступно, он должен был что-то нанять. Впрочем, это не составляло труда: в каждом городе существовали агентства, выполняющие подобные заказы.

Очень скоро он вошел в контакт с одним из таких агентств и объяснил свои проблемы.

— Трудность заключается в том, — сказал маленький человечек, — что он стартовал семь дней тому назад. Я проследил его до пункта западнее Чикаго и выяснил, что он движется со скоростью 450 миль в день.

— Тогда вам лучше лететь.

— И я так думаю, — согласился маленький человечек. — Что самое быстрое?

— Могли бы предложить вам хорошее персидское изделие, но у него что-то не в порядке с кисточками. К тому же, вы ведь неважно относитесь к коврам, верно? Я забыл.

— Я им не доверяю, — сказал маленький человечек. — Однажды в Сиккиме я попал в восходящий поток и почти долетел до Гималаев, прежде чем мне удалось взять ситуацию под контроль. Тогда мне показалось, что я вылечу на орбиту. А что на конюшне?

— Есть один первоклассный жеребец. Он отдыхал всю зиму. Правда, немного капризный. Может быть, предпочтете кастрированного гнедого? Почему бы вам не посмотреть на них и не решить самому?

— Так и поступлю, — ответил маленький человечек. — Вы все так же принимаете «динерс клуб», верно?

— Все основные кредитные карты. Как всегда.

Сырым туманным утром, когда Нортон был уже в Иллинойсе, в часе езды от Сент-Луиса, спустило правое колесо. Он уже полтора дня ожидал, что это случится.

Паренек на станции обслуживания в Алтуне, где Нортон заправлялся, постучал по покрышке и показал Сэму слабое место.

Нортон кивнул и спросил, есть ли возможность купить шину. Пожав плечами, паренек сказал:

— Смешной размер. Попробуйте в Питтсбурге, может быть...

Нортон попробовал в Питтсбурге, убил там полтора часа, но от всех слышал одно и то же: колес такого размера просто не бывает.

«Как же предыдущий владелец менял колеса? — подумал Нортон. — А может быть, это еще стоит заводской комплект?»

В одном Нортон был абсолютно уверен: колесо спустит, прежде чем машина доберется до Лос-Анджелеса.

Когда это произошло, скорость была небольшой, всего тридцать пять, и сразу стало понятно, что случилось. Нортон замедлил ход и остановился, не потеряв управления. Сэм радовался, что все это произошло, когда он был в правом ряду. Не хотелось бы менять колеса, стоя спиной к движению. Он все еще поздравлял себя с этим подарком судьбы, когда вспомнил, что у него ведь нет запаски.

Странно, он не очень-то и расстроился. Долгие часы за рулем послужили своеобразным транквилизатором. Нортон не слишком обеспокоился своим бедственным положением. Будучи в часе езды от Сент-Луиса, он мог просто дойти пешком до ближайшей телефонной будки, позвонить в автомобильный клуб, объяснить свою ситуацию, и они прислали бы за ним тягач, чтобы доставить к цивилизации. Тогда он на денек остановился бы в мотеле и позвонил бы сестре Эллен в Лос-Анджелес, чтобы предупредить, что немного задержится. Кстати, в клубе можно было бы узнать, где продаются шины нужного размера, и все обернулось бы к лучшему. Так зачем же огорчаться?

Он вышел из машины и осмотрел колесо, которое совсем осело. А багажник снова открылся. Исходя из прежнего опыта, Сэм рассчитывал обнаружить в нем цепи. Но вместо цепей он нащупал массивную металлическую пал-

ку. Нортон потянул ее и увидел, что нашел домкрат. «Все точно, — подумал он. — А запаска должна лежать где-то рядом». Крышка багажника была поднята совсем невысоко. Он не мог ничего увидеть в глубине, но его пальцы наткнулись на резину. Вот она! Красивая, новая, толстая, с глубоким рельефом — очень хороша. Ну, если повезет, то найдется и сундук с золотыми дублонами...

Сундука не было. «Может быть, в следующий раз», — сказал он себе. Он вытащил покрышку, потратил полчаса на то, чтобы ее установить, потом вытер домкрат и бросил его и старую шину в багажник, который немедленно закрылся.

Через час Нортон без каких-либо происшествий пересек Миссисипи, въехал в Сент-Луис, снял комнату в сверкающем новеньком мотеле, с окнами в сторону Золотых Ворот, выпил холодного пива, принял горячий душ и позвонил Эллен. Она только что вернулась после безуспешных поисков квартиры и была уставшей и огорченной. Эллен спросила:

— У тебя все в порядке?

— Конечно.

— И новая машина ведет себя хорошо?

— Ее поведение безукоризненно, — ответил Нортон.

— Сестра спрашивает, какой она марки, она говорит, что если покупать иностранную машину, то это должна быть «вольво». Их делают в Норвегии.

— В Швеции, — поправил Нортон и услышал, как Эллен сказала сестре:

— Он купил шведскую машину.

Ответ прозвучал неразборчиво. Но Эллен пояснила:

— Она говорит, что ты поступил мудро. Эти шведы делают хорошие машины.

Маленький человечек летел невысоко. Из-за тумана видимость была плохой, не больше чем полмили. Все аэропорты Пенсильвании и востока Огайо были закрыты. Маленький человечек летел на запад над белым курчавым покрывалом, простершимся до самого горизонта.

И все было бы хорошо, если бы не беспокойство по поводу этих проклятых частных самолетов.

Гнедой мерин оказался очень выносливым. У него был единственный недостаток — обжорство. «С этими современными лошадьми на вязанке сена далеко не уедешь», — с досадой подумал маленький человечек. Все приходило в упадок, и надо было приспособливаться к ситуации.

Его оригинальный летательный аппарат должен был догнать машину на севере Техаса. Но маленький человечек задержался в Чикаго. Ему вдруг захотелось навестить друзей, и теперь он рассчитывал нагнать машину только в Аризоне. Ему не терпелось скорее сесть за руль.

Чем дольше Сэм Нортон думал о багажнике и его шутках, тем больше это его беспокоило. Цепи, крышка, домкрат — что дальше? В Амарилло он предложил механику сто баксов за то, чтобы открыть багажник. Механик недоверчиво потрогал пальцами шов, соединяющий крышку багажника с кузовом.

— Вы из этих телевизионщиков? — спросил он. — Решили меня разыграть?

— Вовсе нет, — ответил Нортон. — Я просто хочу открыть багажник.

— Можно попробовать ацетиленовой горелкой...

Идея разрезания машины вызвала в Нортоне чувство смутного ужаса. Он не понял, почему это его так испугало, но быстро покинул Амарилло.

Оставив позади еще сотню миль, проезжая по унылой, заброшенной, суровой зимней земле, он пересек границу штата Нью-Мексико и решил проверить багажник.

«ПОСЛЕДНИЙ БЕНЗИН ПЕРЕД РОЗВЕЛЛОМ. ЗАПРАВЬТЕСЬ ЗДЕСЬ!» — предупредил квадратный плакат.

Показатель уровня топлива сказал ему, что бак почти пуст. Розвелл был где-то далеко впереди. Вокруг — ни одного человека, ни жилья, ни даже хижины. Нортон решил, что это не очень подходящее место для заправки.

И промчался мимо бензоколонки со скоростью пятьдесят миль в час.

Через несколько минут он был уже за две с половиной горы от заправки и начал сомневаться не только в своей разумности, но и в рассудке. Какое непонятное легкомыслие! Он твердил себе, что надо повернуть назад и заправиться, но по-прежнему упрямо ехал вперед.

Стрелка показателя уровня бензина падала все ниже, пока наконец не дошла до нуля. Затем стрелка перевалила за нуль. Нортон потратил даже тот последний запас бензина, который не регистрируется на шкале — спасительные капли для беспечных водителей. Теперь в любой момент машина может...

...Стоп!

Впервые в жизни Сэм Нортон остался без бензина. «О'кей, багажник, посмотрим, чем ты поможешь на этот раз», — подумал Сэм. Он открыл дверь и ощутил дуновение морозного ветра с гор. Тишина и спокойствие таили в себе какую-то угрозу. Сколько хватало глаз — только полынь и пинии, только серая лента дороги и ни следа человеческого присутствия. Будто бы он попал в темную доисторическую эпоху. Нортон отправился к багажнику.

Багажник снова был открыт.

Как он и ожидал. Теперь надо забраться внутрь и найти там загадочно возникшую десятигаллонную канистру с бензином...

Никакой канистры в багажнике не было. Нортон долго шарил в глубине и в конце концов вытащил оттуда моток толстой веревки.

Веревка?

Что за польза от веревки человеку, у которого в пустыне кончился бензин?

Нортон задумчиво покачал мотком веревки, ожидая ответа на свой вопрос, но так ничего и не понял. Стало ясно, что в этот раз ему НЕ ХОТЯТ помогать. Он не был виноват в том, что въехал в сугроб, и в том, что у него спустило колесо. Но он умышленно оставил машину без горючего, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Может быть, в таком случае багажник не должен его обслуживать?

И все-таки для чего же нужна эта веревка?

Или это злая шутка? Или багажник предлагает ему повеситься? Но для этого здесь нет ни одного достаточно высокого дерева. Нортону казалось, что он сам себя ударил. Вот он здесь стоит и может так простоять несколько часов, а, возможно, и несколько дней, пока мимо не проедет какая-нибудь машина.

Разозлясь, Нортон швырнул веревку вверх. Моток раскрутился, и один из его концов встал вертикально. Над ним образовалось легкое бирюзовое облачко, из которого вниз по веревке спустился мускулистый, худой, смуглый мальчик в тюрбане и набедренной повязке.

— Ну, и в чем проблема? — грубо спросил он у остолбеневшего Нортон.

— У... меня... кончился... бензин...

— В двадцати милях отсюда была бензозаправка. Почему вы там не заправились?

— Я... это...

— Вот чертов дурак! — раздраженно сказал мальчик. — И что ко мне липнет такая работа! Ладно, стой на месте, посмотрю, может быть, и помогу.

Он взобрался вверх по веревке и исчез.

Через три минуты он вернулся, держа в руках жестянку с бензином. Сердито посмотрев на Нортон, он отвинтил крышку бензобака и залил горючее.

— До Розвелла тебе хватит, — сказал он. — Да почаще смотри на приборную доску, идиот!

Он проворно вскарабкался вверх по веревке. Веревка упала и свернулась в моток. Испуганный Нортон подобрал ее с земли и положил в багажник, который захлопнулся с сердитым лязганьем.

Не меньше получаса Сэм ходил вокруг машины, чтобы успокоиться. Надвигалась ночь. Он сел за руль, включил зажигание и тихонько поехал к Розвеллу.

Теперь он готов был поверить во что угодно.

И поэтому несколько не удивился, когда с неба спланировал великолепный гнедой конь с огромными крыльями. Сделав два круга над машиной, конь плавно приземлился на дорогу и пошел рядом с машиной. В седле сидел маленький беловолосый человечек.

— Молодой человек, — закричал он, — откройте окно пошире! Я хочу с вами поговорить!

Нортон открыл окно.

— Вас зовут Сэм Нортон?

— Правильно.

— Ну, тогда слушайте, Сэм Нортон. Вы едете в моем автомобиле!

Нортон увидел впереди яму с грязной водой, но затормозить не успел. Как только он из нее выбрался, конь рысью приблизился к нему и остановился, чтобы дать спешиться маленькому человечку.

— Все в порядке. Это действительно моя машина. Она была сделана на заказ, когда я несколько лет назад много разъезжал. Я отдал ее в тот гараж для простого ремонта и уехал в деловую поездку за границу. Я и представить себе не мог, что ее продадут. Что за времена! Все приходит в упадок...

— Ваша... машина... — пробормотал Нортон.

— Ага, моя машина. Придется ее у вас забрать. Да вам такая машина и не нужна. Слишком сложная. Возьмете скромненький, небольшой, обычный автомобильчик, недорогой, а? Теперь давайте-ка отцепим этот трейлер, и потом...

— Секундочку, — возразил Нортон. — Машина официально продана мне. У меня есть чек и письмо от юриста магазина, в котором объясняется, что...

— Несерьезно. Один плут нанял крючкотвора, чтобы засвидетельствовать его подпись. Это на меня не действует. Знаю, сынок, что вы не виноваты, но факт в том, что машина — моя собственность, и надеюсь, мне не придется прибегать к суровым убеждениям, чтобы вы отступились.

— Вы хотите, чтобы я вылез из машины и пошел пешком, так что ли? В центре пустыни Нью-Мексико? Под покровом ночи? Со всем моим багажом?

— Даже и обсуждать этого не буду, — сказал маленький человечек. — На мой взгляд, это справедливо. Согласны?

— Совершенно не согласен. — Нортон помолчал. — А как насчет двух сотен баксов, которые я заплатил за машину?

Маленький человечек засмеялся.

— Ерунда! Мне машина стоила дороже, чем я заплатил за аренду коня, чтобы вас разыскать! Много дороже! Знаете, сколько стоит это сено...

— Это ваши проблемы, — сказал Нортон. — А моя проблема состоит в том, что вы хотите высадить меня в пустыне и забрать машину, которую я честно купил за две сотни долларов, и даже если этот проклятый волшебный автомобиль...

— Тихо! — сказал маленький человечек. — Сэм, вы можете все погубить! Мы найдем решение. Вы едете в Лос-Анджелес, ведь так?

— Да-а...

— Я тоже. О'кей, едем вместе. Я доставлю вас с вашим трейлером туда, куда вам нужно, и заберу машину. А вы забудете обо всем, что с вами происходило в последние дни.

— А мои две сотни?

— Да-да, хорошо. — Хозяин машины подошел к багажнику, который немедленно открылся. Маленький человечек запустил туда руку и вытащил пачку новеньких банкнот, дюжину двадцаток, и протянул их Нортону. — Вот! Тут даже немного больше. И не смотрите на них так подозрительно. Это нормальные подлинные деньги США. На них даже разные номера. — Он поморгал и пошел к коню. Похлопав животное по боку, маленький человечек сказал: — А теперь отправляйся восвояси. Ты мне и так уже влетел в копеечку.

Сначала конь шел рысью, а когда перешел на галоп, то раскрыл крылья, яростно ими взмахивая, взлетел, стал уменьшаться в размерах и вскоре пропал из виду.

Маленький человечек скользнул на водительское место, явно волнуясь, взялся за руль, кивнул Нортону, чтобы тот садился рядом, и они двинулись в путь.

— Я знаю, что вы торгуете компьютерами, — сказал маленький человечек после того, как они молча проехали около двух миль. — Весьма интересные штуки — эти компьютеры. Я обдумываю компьютеризацию нашей операции. У нас очень большой штат, множество консультантов, работающих по всему миру. Большинство из них работают вяло. Есть, правда, несколько чудотворцев, которые то тут, то там удивляют публику своими фокусами. Обычно мы пользуемся традиционными способами, но хотелось бы обратиться и к научным методам. Если вы сделаете нам какие-либо разумные предложения, мы могли бы заключить с вами, молодой человек, выгодный контракт...

Они еще не доехали до Аризоны, а Нортон уже сделал предварительный контракт. Из Феникса он позвонил Эллен и выяснил, что она сняла квартиру совсем рядом с Беверли-Хиллз. Дом выглядит ужасно дорогим, а на самом деле цена вполне приемлемая, особенно в сравнении с тем, что ей предлагали раньше.

— Все в порядке, — сказал Нортон. — Я сейчас завершаю оформление весьма крупной продажи. Я... э-э-э... по-

добрал попутчика, который надумал оснастить компьютерами очень большую компанию.

— Сэм, ты не выпил?

— Ни капли.

— Попутчик? А ты продаешь ему компьютер? Потом ты мне расскажешь, что видел летающую тарелочку.

— Не глупи, — сказал Нортон. — Летающих тарелочек не бывает.

Через два дня они прибыли в Лос-Анджелес. К тому времени Нортон уже заполнил счет, и сделка была оформлена. Комиссионных должно было хватить на одну из этих шведских машин, которые так хвалила сестра Эллен. Маленький человечек без труда нашел дом, где Эллен сняла квартиру.

— Молодой человек, это была прекрасная поездка. Я сегодня же поговорю со своим банкиром о ваших замечательных компьютерах. А теперь нам пора расстаться. Отцепляйте свой трейлер.

— Но что мне сказать жене о машине, на которой я приехал?

— О, просто скажите, что вы продали ее попутчику с прибылью. Думаю, она вас поймет.

Они вышли из машины. Пока Нортон отцеплял трейлер, маленький человечек вытащил что-то из багажника. Это был большой прорезиненный брезент. Маленький человечек начал укрывать им автомобиль.

— Поможете мне? — спросил он. — Накрыть надо аккуратно, чтобы нигде ничего не высовывалось.

Пока Нортон старательно натягивал брезент, маленький человечек забрался в машину.

— А лобовое стекло? Закрывать?

— Закрывайте все, — ответил маленький человечек, и Нортон натянул брезент на лобовое стекло.

Теперь машина была полностью укрыта брезентом. Раздалось шипение, будто спустило колесо. Брезент начал съезживаться. Нортон испугался, но из-под брезента донесся ласковый голос:

— Удачи вам, молодой человек!

К этому моменту высота брезента составляла около трех футов. Через минуту он был распластан по мостовой. Как будто там никогда не было никакой машины. Она испарилась. Или исчезла под землей. Ошеломленный Нортон медленно поднял брезент и сложил его в несколько раз. А после этого пошел в дом сказать жене, что он прибыл в Лос-Анджелес.

Энтони Бучер КЛОПОДАВ

— Заклинания у тебя паршивые, — сказал демон. — Не мог кого-нибудь получше вызвать?

Билл Хитченс был вынужден признать, что демон прав. На первый взгляд он казался внушительным: вместо волос на голове — змеи, изо рта торчат изогнутые клыки, кончик хвоста заточен, как копьё...

Только ростом демон меньше дюйма.

Когда Билл бормотал положенные заклинания и жег волшебный порошок, он был уверен в успехе. И даже после того, как вместо грома и молнии он увидел слабую вспышку света и услышал паскудное шуршание, надежда не покинула его. Он глядел прямо перед собой, ожидая, когда появится огромное чудовище, и тут с пола, из центра обозначенного мелом пятиугольника, донесся голосок:

— А вот и я. Сколько лет никто не желал тратить время и усилия на вызов такого неудачника, как я, — заявил демон. — Где же это ты раздобыл такие заклинания?

— Сам додумался, — скромно признался Билл.

Демон хмыкнул и пробормотал что-то обидное о людях, воображающих себя волшебниками.

— Я не волшебник, — объяснил Билл. — Я биохимик.

Демон поежился:

— Вечно попадаю в идиотские положения, — с тоской сказал он. — Мало мне было того психиатра! А теперь полюбуйтесь — нарвался на биохимика.

Билл не смог сдержать любопытства:

— А что вы делали для психиатра?

— Он показывал мне людей, которых преследовали чертики, и я должен был этих чертиков отгонять.

Демон замахал ручками.

— Вот так я их гонял.

— И они исчезали?

— Еще бы. Но, знаешь, те люди почему-то думали, что пусть уж лучше у них останутся чертики, чем я. Ничего не получилось. И никогда со мной ничего не получается.

Демон вздохнул и добавил:

— И у тебя не получится.

Билл сел и набил трубку. Оказалось, что вызывать демона совсем не так страшно. В этом обнаружилось даже что-то мирное, уютное, домашнее.

— Ничего, — сказал он. — У нас получится. Мы же не дураки.

— Все так думают, — возразил демон, с вождением уставясь на огонек спички. Он подождал, когда Билл раскурит трубку, и сказал:

— Перейдем к делу. Чего тебе хочется?

— Мне нужна лаборатория для экспериментов по эмболии. Если это дело выгорит, врачи смогут обнаруживать эмболы в крови раньше, чем они станут опасными. Мой бывший шеф, выживший из ума Р. Чоутсби, заявил, что мой метод не выдержит испытания жизнью, то есть не принесет ему кучи денег, и вышвырнул меня. Все остальные решили, что я свихнулся. А мне нужно десять тысяч долларов. И тогда я им всем покажу, чего я стою!

— Ну вот, — удовлетворенно вздохнул демон. — Я же говорил, что не выйдет. Такая задача мне не по плечу. Деньги можно просить у демонов минимум тремя классами выше, чем я. Я же говорил.

— Ничего вы не говорили, — ответил Билл. — И вы недооцениваете моей дьявольской изворотливости. Кстати, как вас зовут?

Демон не стал отвечать и сам спросил:

— У тебя есть еще одна такая штука?

— Какая?

— Спичка.

— Конечно, есть.

— Зажги, сделай милость.

Билл бросил зажженную спичку на пол, в центр волшебного пятиугольника. Демон в восторге нырнул в пламя, растираясь, словно спортсмен под холодным душем.

— Вот так! — радостно крикнул он. — Вот это дело!

— Ну, и как же вас зовут?

Демон заскучал.

— А на что тебе?

— Ну, должен же я вас как-то называть.

— И не думай. Я пошел домой. С деньгами я не связываюсь.

— Да я не успел даже объяснить вам, что делать. Как вас зовут?

— Клоподав.

Голос демона упал до шепота.

— Клоподав? — рассмеялся Билл.

— Ага. У меня дырка в клыке, змеи из головы выпадают, мало мне неприятностей — и при всем при том меня зовут Клоподавом.

— Отлично. Послушай, Клоподав, ты можешь отправиться в будущее?

— Только недалеко. И я этого не люблю. Память потом чешется.

— Послушай, мой змееволосый друг. Я не спрашиваю тебя, что ты любишь, а чего нет. Разве тебе хочется остаться в этом пятиугольнике навсегда? И учти, никто не будет бросать тебе горящих спичек.

Клоподав понурился.

— Я так и думал, — продолжал Билл. — Теперь ответь мне еще раз, можешь ты отправиться в будущее?

— Могу, только недалеко.

— А можешь ли ты, — Билл наклонился и выпустил струю дыма, — принести с собой из будущего какие-нибудь предметы?

Если ответ будет отрицательным, то все усилия по вызову демона пропали даром. А если так, то лишь один бог знает, каким образом методу Хитченса удастся попасть в историю медицины и заодно спасти тысячи жизней.

Клоподав казался куда более заинтересованным теплыми клубами дыма, нежели ответом на вопрос.

— Ну что ж, — в конце концов ответил он. — В разумных пределах...

Он неожиданно замолк, а потом осторожно спросил:

— Уж не хочешь ли ты протащить свой трюк с деньгами?

— Послушай, крошка. Делай, что тебе велят, а думать буду я. Ты можешь принести с собой что-то материальное?

— Ну ладно... Только я тебя предупреждаю...

— Тогда, — оборвал его Билл, — как только я тебя выпущу из пятиугольника, ты принесешь мне завтрашнюю газету.

Клоподав сел на горящую спичку и задумчиво постукал себя по лбу кончиком хвоста.

— Я этого боялся, — заныл он. — Так я и знал. Третий раз вынужден этим заниматься. У меня ограниченные возможности, я устал, я калека, у меня отвратительное имя, и я еще должен выполнять глупые приказы!

— Глупые приказы?

Билл вскочил со стула и принялся расхаживать по пыльному чердаку.

— Сэр, — произнес он, — сэр — если вы позволите себя так называть, — я вынужден с гневом отместить подобное обвинение. Я обдумывал эту идею несколько недель. Подумайте о том, что можно сделать, пользуясь этой силой. Можно изменить судьбу целого государства, можно добиться господства над человечеством. Мне нужно одно: погрузиться в поток этой немыслимой силы и извлечь из него десять тысяч долларов на медицинские исследования. Спасти множество человеческих жизней. И это, сэр, вы называете глупым приказом!

— А тот испанец, — ныл Клоподав, — он был таким милым парнем, хоть его заклинания никуда не годились. У него была очаровательная печурка, в которой я так уютно себя чувствовал! Милый парень! И надо ему было попросить завтрашнюю газету... Я тебя предупреждаю...

— Да-да, — быстро ответил Билл. — Я уже обо всем подумал. Поэтому я выдвигаю три условия, и ты должен принять их, прежде чем покинешь этот пятиугольник. Меня так просто не проведешь.

— Хорошо, — согласился Клоподав равнодушно. — Послушаем. Только учти, это и тебе не поможет.

— Во-первых, газета не должна включать сообщения о моей смерти или о каком-нибудь несчастье, которое я могу предотвратить.

— А как же я тебе могу это гарантировать? — возразил Клоподав. — Если тебе суждено помереть до завтрашнего дня, мне-то что за дело? К тому же ты не такая шишка, чтобы о тебе в газете стали писать.

— Не забывай о вежливости, Клоподав. Будь вежлив со своим господином. Вот что я тебе скажу: если ты отправишься в будущее, то там сразу узнаешь, жив я или мертв. Правильно? И если я мертв, то возвращайся, скажи мне об этом и дело с концом.

— Вы, люди, — заметил Клоподав, — обожаете создавать трудности. Ну, продолжай.

— Во-вторых, газета должна быть английской, изданной в этом городе. От тебя или твоих друзей можно ждать, что вы притащите мне омскую или томскую газету.

— Конечно, только об этом мы и мечтаем, — сказал Клоподав.

— И третье: газета должна принадлежать этому отрезку пространства — времени, этой спирали Вселенной,

этой системе относительности. Называй как хочешь, но главное, чтобы это была газета моего завтра — того самого, которое предстоит пережить мне, а не кому-нибудь другому в параллельном мире.

— Кинь в меня спичкой, — сказал Клоподав.

— Думаю, этих трех условий достаточно. Если ты не подстроишь какой-нибудь каверзы, то лаборатория Хитченса будет создана.

— Посмотрим, — буркнул Клоподав.

Билл взял острую бритву и разрезал одну из сторон пятиугольника. Но Клоподав продолжал блаженно купаться в пламени спички, вертя хвостом, и, казалось, не обращал никакого внимания на то, что путь на свободу открыт.

— Давай, пошевеливайся, — нетерпеливо сказал Билл. — А то спичку отниму.

Клоподав подошел к отверстию в пятиугольнике и остановился.

— Двадцать четыре часа — долгий путь.

— Но ты же можешь.

— Не знаю. Погляди.

Клоподав потряс головой, и на пол упала микроскопическая мертвая змейка.

— Я не в форме. Я на части разваливаюсь. Честное слово. Постучи по моему хвосту.

— Что сделать?

— По хвосту постучи. Ногтем, по суставу. Только осторожнее.

Билл улыбнулся и выполнил просьбу.

— Ну, и ничего не случилось.

— Вот-вот, я и говорю, что не случилось. Никакой реакции. Не знаю уж, как я одолею эти двадцать четыре часа.

Он задумался, и змеи собрались в узел на затылке.

— Послушай... Тебе ведь нужна всего-навсего завтрашняя газета? Завтрашняя, а не та, что выйдет через двадцать четыре часа?

— Сейчас полдень, — ответил Билл. — Ты прав, завтрашняя утренняя газета отлично подойдет.

— О'кей. Сегодня какое число?

— 21 августа.

— Отлично. Я принесу тебе газету от 22 августа. Только предупреждаю — ничего у тебя не выйдет. Ладно, пока. А теперь привет. Я вернулся.

В волосатой лапке демона обнаружилась веревочка, к другому концу которой была прикреплена газета.

— Еще чего не хватало! — возмутился Билл. — Ты же никуда не уходил.

— Людям свойствен кретинизм, — с чувством ответил Клоподав. — Зачем же тратить настоящее для того, чтобы побывать в будущем? Я ушел в эту секунду и вернулся в нее же. Я два часа гонялся за этой чертовой газетой, но ведь это не значит, что здесь тоже прошло два часа. Люди... — Он чихнул.

Билл поскреб в затылке.

— Пожалуй, ты прав. Давай посмотрим газету. Знаю-знаю, ты меня уже предупреждал.

Билл заглянул на последнюю страницу, проглядел некрологи. О Хитченсе ни слова.

— Я был жив завтра?

— По крайней мере, не мертв, — ответил Клоподав мрачно, так что Билл мог подумать что угодно.

— А что со мной случилось? Я...

— В моих жилах течет кровь саламандр, — причитал Клоподав. — А они сунули меня в инкубатор с холодной водой, тогда как самый последний дурак знает, что этого делать не следует. В результате я ни на что не годен, разве что исполнять мелкие поручения всяких идиотов, а от меня еще требуют, чтобы я занимался предсказаниями! Читай свою газету, и посмотрим, что ты из нее высосешь.

Билл отложил трубку и обратился к первой странице. Он не надеялся найти там что-нибудь полезное, да и что полезного можно извлечь из описания морских сражений и бомбардировок? Но Билл был ученым и потому считал, что необходима последовательность в действиях.

Всю первую страницу пересекал заголовок, набранный громадными черными буквами:

ГУБЕРНАТОР УБИТ!

ПЯТАЯ КОЛОННА РАСПРАВИЛАСЬ С ПАТРИОТОМ!

Билл щелкнул пальцами. Вот он, его шанс! Он сунул трубку в рот, набросил на плечи пиджак, затолкал бесценную газету в карман и выбежал с чердака. На пороге остановился и оглянулся. Он забыл о Клоподаве. Наверно, его надо отпустить?

Проклятого демона не было видно. Ни в пятиугольнике, ни вне его. Бесследно исчез. Билл нахмурился. Это было ненаучно, иррационально. Он зажег спичку и поднес ее к трубке.

Из трубки донеслось блаженное воркование.

Билл вынул трубку изо рта и заглянул внутрь.

— Вот ты где, — сказал он задумчиво.

— Я же объяснял тебе, что в моих жилах течет кровь саламандр, — ответил Клоподав, выглядывая из трубки. — Кроме того, я решил прокатиться с тобой и поглядеть, как ты поставишь себя в дурацкое положение.

Сказав это, демон спрятал голову в тлеющий табак, и оттуда понеслась едва слышная воркотня о газетах, заклинаниях и презрительные вздохи, адресованные человечеству.

Патриот-губернатор Грантона являл собой почти идеальную личность. Не прибегая к истерическим воплям, или к бюрократическим методам, или к разгону забастовок, он повел весьма целенаправленную кампанию против подрывных элементов и быстро превратил Грантон в безопасный и наиболее американский из всех городов Америки. Кроме того, он был очевидным сторонником национальной, федеральной и муниципальной поддержки наук и искусств — в общем, приближался к идеалу человека, способного добиться финансовой поддержки для лаборатории Хитченса. Но, к сожалению, губернатора окружали явно скептически настроенные советники, и потому Биллу так и не удалось изложить губернатору свои планы.

Теперь он это сделает. Он спасет губернатора от покушения (акт, несомненно, требующий участия демона) и

затем, когда губернатор растроганно спросит: «Чем я смогу отплатить вам, Хитченс, за то, что вы для меня сделали?», наступит время развернуть перед ним грандиозные планы исследований по эмболии. Неудача исключена.

Билл остановил машину у ратуши под знаком «Стоянка воспрещена», выскочил из машины, не захлопнув за собой дверцы, и с такой решительностью и целеустремленностью бросился вверх по мраморным ступеням, что ему удалось проскочить три марша лестницы и четыре кабинета, прежде чем кто-нибудь набрался смелости остановить его и спросить: «Что случилось?»

Человеком, обладавшим этой смелостью, оказался могучий детина с бычьей шеей, по сравнению с которым Билл почувствовал себя уменьшившимся до размеров Клоподава.

— Спокойно, спокойно, — прорычала туша. — Где пожар?

— Не пожар, а убийство, — ответил Билл. — Но оно не должно случиться.

Такого ответа Бычья шея не ожидал. Замешательство телохранителя продлилось ровно столько, что Билл успел прошмыгнуть мимо детины к двери с табличкой «Губернатор». Но открыть дверь не успел. Мясистая лапа телохранителя вцепилась ему в воротник и дернула на себя.

Билл выполз из-под стола, нырнул влево, достиг двери, отлетел назад и уселся на полу.

Бычья шея встал спиной к двери, расставил ноги пошире и вытащил из кобуры тяжелый пистолет.

— Ты туда не пройдешь, — пояснил он, чтобы не оставалось никаких сомнений в его намерениях.

Билл выплюнул зуб, вытер кровь, заливающую глаза, собрал остатки разломанной трубки и сказал:

— Сейчас 12.30. В 12.32 рыжий горбун выйдет на балкон на той стороне улицы и прицелится из открытого окна в губернатора, который сейчас в своем кабинете. В 12.33 его превосходительство мертвым упадет на стол. Это случится обязательно, если вы не поможете мне предупредить губернатора.

— Любопытно, — сказал телохранитель. — И кто это все придумал?

— Это здесь написано, в газете. Посмотрите.

Телохранитель хохотнул:

— Хочешь сказать, что в газете написано то, чего еще не было? Ты псих, любезный. Если не хуже. Ползи отсюда. Торгуй своей газетой.

Билл взглянул в окно. На той стороне улицы, напротив окна губернатора, был балкон. И на балкон выходил...

— Глядите! — крикнул Билл. — Если не верите мне, то глядите! Видите балкон? А на нем рыжего горбуна? Я же говорил! Быстрее!

Телохранитель взглянул в ту сторону. Он увидел, как горбун подошел к решетке балкона. В руке горбуна что-то блеснуло.

— Любезный, — сказал он Биллу. — Я займусь тобой попозже.

Горбун не успел поднести винтовку к плечу, как пистолет телохранителя рывкнул...

Билл затормозил у ратуши под знаком «Стоянка воспрещена», выскочил из машины и бросился вверх по лестнице. Он успел проскочить три марша лестницы и четыре кабинета, прежде чем кто-нибудь набрался смелости остановить его и спросить: «Что случилось?»

Человеком, обладавшим этой смелостью, оказался могучий детина с бычьей шеей, который прорычал:

— Где пожар?

— Не пожар, а убийство, — ответил Билл и попытался прорваться к двери с табличкой «Губернатор». Но открыть дверь он не успел. Мясистая лапа телохранителя опустилась ему на шею.

После третьей попытки Билла проникнуть в кабинет Бычья шея встал спиной к двери, расставил ноги пошире и вытащил пистолет.

— Ты туда не пройдешь, — сказал он.

Билл выплюнул зуб и подытожил:

— В 12.33 его превосходительство мертвым упадет на стол. Это случится обязательно, если вы не поможете мне его предупредить. Об этом сказано в газете.

— Быть того не может. Ползи отсюда.

Взгляд Билла упал на балкон.

— Глядите! — сказал он. — Видите балкон? А на нем рыжего горбуна? Быстрее!

Телохранитель обернулся к балкону. Он увидел блеск металла в руке горбуна.

— Любезный, — сказал он Биллу. — Я займусь тобой попозже.

Горбун не успел поднести винтовку к плечу, как пистолет телохранителя рывкнул...

Билл затормозил у ратуши под знаком «Стоянка воспрещена» и успел проскочить четыре кабинета, прежде чем его остановили. Остановил его могучий детина с бычьей шеей, который прорычал...

— Как ты думаешь? — спросил Клоподав. — Может, хватит?

Билл согласился. Он сидел в машине перед ратушей. Костюм его был в полном порядке, все зубы на месте и трубка как новенькая.

— Так что же произошло? — спросил он у своей трубки.

Клоподав высунул наружу лохматую головку:

— Закури снова, а то трубка остыла, холодно. Вот так, спасибо.

— Что же произошло?

— О люди! — возопил Клоподав. — Какая тупость! Неужели ты не понимаешь? Пока газета была в будущем, убийство оставалось лишь возможностью. Если бы у тебя появилось предчувствие, что губернатору угрожает опасность, ты бы его, может, и спас. Но когда я газету принес в настоящее, убийство стало фактом. А факты упрямая вещь.

— Ну а как же насчет свободы воли? Неужели я не могу делать, что захочу?

— Конечно, можешь. Именно твоя свободная воля и доставила сюда завтрашнюю газету. Ты не можешь отменить свою свободную волю. Кстати, твоя воля все еще свободна. Ты совершенно свободен гулять по городу и выбивать себе зубы. Если тебе это нравится. Ты можешь

делать все что угодно — то, что не влияет на содержание газеты. А поступишь иначе — придется делать это снова и снова до тех пор, пока не поумнеешь.

— Но это... — Билл никак не мог подыскать нужных слов. — Это так же гадко, как судьба... предопределенность. Если душа горит...

— Мало ему газет! Мало ему путешествий во времени! Теперь я должен рассказывать ему о душе! О люди...

И Клоподав удалился в горящую трубку.

Билл с сожалением поглядел на ратушу и безнадежно пожал плечами. Затем он открыл газету на спортивной странице и принялся ее изучать.

Демон вновь высунул голову, только когда машина остановилась на большой стоянке.

— Куда нас занесло? — поинтересовался он. — Хотя это не играет роли.

— Мы на ипподроме.

— О! — возмутился Клоподав. — Я должен был догадаться. Все вы на один манер. И зачем только я старался! Думаешь, что разбогатеешь?

— Я все рассчитал. В четвертом заезде победит Алхазред. Выплачивают один к двадцати. У меня есть пятьсот долларов — все мои сбережения. Я ставлю на Алхазреда и получаю свои десять тысяч.

Клоподав все не мог успокоиться:

— Я вынужден выслушивать его вонючие заклинания! Я вынужден глядеть, как он крутится на карусели! Нет, этого мало — я вынужден присутствовать при его махинациях на ипподроме.

— Но здесь-то не может быть ошибки. Я не вмешиваюсь в будущее. Я просто пользуюсь им. Алхазред выигрывает этот заезд независимо от того, ставлю я на него или нет. Я плачу пятьсот монет и получаю взамен лабораторию Хитченса!

Билл выскочил из машины и поспешил к ипподрому. Внезапно он остановился и спросил свою трубку:

— Эй ты! Почему это я себя так хорошо чувствую?

Клоподав вздохнул:

— А почему ты должен себя плохо чувствовать?

— Но меня основательно взгрел тот детина в ратуше. А у меня ничего не болит.

— Разумеется, не болит. Ведь ничего этого не было.

— Но ведь меня лупили.

— Лупили. В том будущем, которое не произойдет. Ты же передумал. Ты же решил туда не возвращаться?

— Хорошо. Но ведь сперва меня отлупили.

— Вот именно, — твердо ответил Клоподав. — Тебя отлупили, прежде чем тебя могли отлупить.

И с этими словами он снова скрылся в своем убежище.

Вдали слышался гул толпы и невнятное бормотание диктора. Люди толпились у двухдолларовых касс, пятидолларовые тоже трудились вовсю. Но перед пятисотдолларовым окошком, которое должно было в ближайшем будущем подарить Биллу лабораторию, почти никого не было.

Билл обратился к незнакомцу с малиновым носом:

— Какой сейчас заезд?

— Второй, дружище.

«Черт возьми, — подумал Билл. — Некуда девать время...» Он все-таки подошел к пятисотдолларовой кассе, сунул внутрь пять хрустящих бумажек, полученных утром из банка.

— Алхазред, четвертый заезд, — сказал он.

Кассир удивленно блеснул очками, но деньги взял и выдал жетоны...

Билл обратился к незнакомцу с малиновым носом.

— Какой сейчас заезд?

— Второй, дружище.

«Черт возьми», — подумал Билл. И тут же крикнул:

— Эй!

Незнакомец с малиновым носом остановился и спросил:

— Что случилось, дружище?

— Ничего, — ответил Билл. — Все случилось.

Незнакомец был в растерянности.

— Послушай, дружище, я тебя раньше видел?

— Нет, — поспешил с ответом Билл. — Вы собирались меня увидеть, но не увидели. Я передумал.

Незнакомец удалился, покачивая головой и рассуждая вслух, до чего лошадки могут довести порядочного парня. Только вернувшись к машине и захлопнув за собой дверцу, Билл вытащил изо рта трубку и заглянул в нее.

— Отлично! — сказал он. — Объясни мне, что в этот раз не сработало? Почему я снова попал на карусель? Я же не пытался изменить будущее.

Клоподав высунул голову наружу и демонстративно зевнул, показав все свои клыки.

— Я ему говорю, я его предупреждаю, я снова говорю, а теперь он хочет, чтобы я ему еще раз все объяснил.

— Но что же я сделал?

— Что он сделал? Ты же нарушил баланс ставок. Дубина ты после этого. Если внести такую сумму на ипподроме, то изменится соотношение между ставками. Как же тогда тебе заплатят двадцать к одному, как о том сказано в газете? Они будут платить меньше.

— Проклятье! — пробормотал Билл. — Я так понимаю, что это правило относится ко всему? Если я обращусь к бирже, выясню из газеты, какие акции сколько стоят, а затем вложу свои пятьсот долларов в соответствии с данными завтрашнего дня...

— То же самое. Курс акций изменится. Я же тебя предупреждал. Ты завяз. Ты по горло в болоте.

Голос Клоподава стал почти жизнерадостным.

— Неужели это так? — спросил Билл.

— Так.

— Знаешь что, я верю в Человека. В этой Вселенной нет проблемы, которая была бы не по плечу Человеку. А я не глупее других.

— Трепleshься ты больше других, — издевался Клоподав. — О люди...

— Сейчас на мои плечи легла тяжелая ответственность. Это куда важнее десяти тысяч долларов. Я обязан реабилитировать гордое слово Человек. Ты говоришь, что проблема неразрешима. Я же отвечаю: неразрешимых проблем нет.

— А я говорю — трепleshься ты много.

Билл лихорадочно думал. Как можно воспользоваться знанием будущего, никоим образом его не изменяя? Несомненно, выход существовал, и человек, разработавший диагностирование эмболии, сможет раскусить такой орешек. Хитченс принял вызов.

Забывшись, он вытащил из кармана кисет и выбил трубку о подошву ботинка. Клоподав выпал на пол машины.

Билл посмотрел на него, улыбаясь. Маленький хвостик демона яростно извивался, змейки на голове встали дыбом.

— Это уж слишком! — визжал Клоподав. — Мало ему идиотских поручений, мало издевательств и оскорблений, меня еще разбрасывают, как окурки! Все! Это последняя капля! Требую меня уволить! Откажись от меня немедленно!

— Отказаться? — Билл щелкнул пальцами. — Отказаться! — крикнул он. — Я догадался, клопик. Мы победили!

Клоподав поглядел на Билла в растерянности. Змеи опустили головки.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказал он и печально вздохнул.

С невероятной скоростью Билл промчался по лаборатории Чоутсби, где он совсем недавно работал, и влетел в приемную к старику Р. Ч.

С грубыми телохранителями еще можно бороться, но как бороться с деловитой сухостью молодой секретарши, которая говорит вам:

— Я спрошу у мистера Чоутсби, сможет ли он вас принять.

И потому Биллу ничего не оставалось, как ждать.

Клоподав, видно, опасался самого худшего.

— Что еще тебе пришло в голову? — осторожно спросил он.

— Старик Р. Ч. выжил из ума, — ответил Билл. — Он астролог, и пирамидолог, и британский израэлит — из

американской ветви, и еще черт знает кто... Он даже поверит в твое существование.

— А тебе какая польза? — спросил Клоподав. — Только время теряешь.

— Он купит эту газету. Он за нее заплатит что угодно. Его хлебом не корми, дай повозиться с оккультной чепухой. Он никогда не сможет отказаться заполучить в лапы кусок будущего, особенно если при этом пахнет добычей.

— Тогда поспеши.

— А куда торопиться? Сейчас только половина третьего. Времени больше чем достаточно. И пока не вернется секретарша, нам ничего другого не остается, как отдыхать.

— Тогда по крайней мере займись трубкой. Она совсем остыла.

Наконец секретарша вернулась.

— Мистер Чоутсби вас примет.

Рубен Чоутсби переполнял громадное кресло, стоявшее за громадным столом. Кукольная головка, привязанная к мешку с мукой. Увидев Билла, Чоутсби расплылся в улыбке.

— Передумал, мой мальчик?

Слова вылетали изо рта, словно мыльные пузыри, и подолгу покачивались в воздухе.

— Хорошо сделал, мой мальчик. Ты нужен в отделе К-39. Много изменилось в лаборатории с тех пор, как ты нас покинул.

Билл отыскивал единственный правильный ответ:

— Я пришел не затем, Р. Ч. Я работаю самостоятельно, и это неплохо получается.

Детское личико запечалилось, и мыльная доброта испарилась из голоса.

— Ты что же, в конкуренты ко мне лезешь? Зачем явился? У меня каждая секунда на счету.

— Ну какой из меня конкурент, — возразил Билл. С видом заговорщика он перегнулся через стол к бывшему шефу: — Р. Ч., — сказал он медленно и внушительно, — сколько бы вы заплатили за то, чтобы заглянуть в будущее?

Мистер Чоутсби возмутился.

— Издеваешься? Немедленно выкатывайся отсюда! Вышвырните его! Немедленно... Пойдите! Ты же это самое... читал всякие книжки. Черную магию... — Лицо его вновь претерпело радикальные изменения и теперь изображало искренний интерес. — Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. Я спросил вас, сколько бы вы заплатили за возможность заглянуть в будущее?

Мистер Чоутсби колебался.

— А как? Путешествие во времени? Ты разгадал секрет пирамиды Хеопса?

— Куда проще. Здесь у меня...

Билл вынул из кармана газету, сложенную таким образом, что можно было прочесть название и дату.

— Здесь у меня завтрашняя газета.

— Дай посмотреть.

Чоутсби протянул толстую руку.

— Ну-ну, ведите себя прилично. Вы все увидите, как только мы договоримся об условиях. Я предлагаю товар.

— Дешевый трюк. Заплатил в типографии за подделку. Я в это ни на секунду не поверил.

— Отлично. Я, честно говоря, не ожидал, чтобы вы, Р. Ч., опустились до такого дешевого скептицизма. Но если вы уже ни во что не верите, то...

Билл сунул газету в карман и направился к двери.

— Стой! — мистер Чоутсби понизил голос: — Как ты этого достиг? Продай душу?

— В этом не возникло необходимости.

— Ну как, как? Заклинания? Пассы? Переселение душ? Докажи мне, что все это правда. И тогда поговорим об условиях.

Билл не спеша вернулся к столу и выбил трубку в пустую пепельницу.

— Я неудачник! Я недомерок! Я мальчик на побегушках! Меня зовут Клоподав! И будто этого недостаточно — теперь меня собираются использовать в качестве вещественного доказательства!

Остолбеневший мистер Чоутсби уставился на злого демона, который метался по пепельнице, размахивая хво-

стиком и сверкая клыками. С глубочайшим почтением Чоутсби следил за тем, как Билл помог демону снова забраться в трубку, набил ее табаком и зажег. Чоутсби с восторгом слушал, как демон блаженно мурлычет, охваченный пламенем.

— Больше вопросов нет, — сказал он наконец. — Каковы ваши условия?

— Пятнадцать тысяч долларов, — ответил Билл, готовый к торговле.

— Не завышай цену, — предупредил его шепотом Клоподав. — Нам надо спешить.

Но мистер Чоутсби уже вытащил чековую книжку и торопливо скреб по ней пером. Затем он потряс чеком в воздухе, чтобы чернила просохли, и вручил его Биллу.

— Вот это сделка, — воскликнул он, хватая газету. — Вы, молодой человек, последний дурак. Жалкие пятнадцать тысяч! — Он уже развернул газету на финансовой странице и проглядывал биржевые отчеты. — С этим я завтра заработаю на бирже миллионы. И пятнадцать тысяч покажутся мне мелочью.

— Скорее, — торопил Клоподав.

— До свиданья, сэр, — вежливо сказал Билл. — И большое спасибо за... — Но Рубен Чоутсби его уже не слушал.

— Что за спешка? — строго спросил Билл, когда подошел к лифту.

— О люди, — вздохнул Клоподав. — Не все ли равно, почему надо спешить. Ты меня слушай, беги в банк и получай деньги по чеку.

Билл послушался Клоподава и примчался в банк с такой же скоростью, с какой недавно несли к ратуше и к старику Чоутсби. Дверь банка уже закрывалась, он протиснулся в нее ровно в три часа. Еще секунда, и его бы не пустили.

Билл предъявил чек к оплате и с удовольствием отметил, как у кассира глаза на лоб полезли, когда он увидел

сумму. Затем Билл задержался еще на несколько минут, не в силах отказать себе в удовольствии открыть новый счет на Исследовательскую лабораторию Хитченса.

Наконец он снова уселся в машину, где мог спокойно побеседовать со своей трубкой.

— Ну, — спросил он, поворачивая к дому. — Так почему ты меня торопил?

— Твой старик опротестовал бы чек.

— Ты хочешь сказать — как только он попал бы в карусель? Но ведь я ему ничего не обещал. Я просто продал ему завтрашнюю газету. Я же не гарантировал, что он на ней разбогатеет.

— Это все так, но...

— Знаю, знаю, ты меня предупреждал. Но все-таки я тебя не понимаю. Р. Ч., несомненно, бандит и разбойник, но в денежных делах он более или менее честен. Он не стал бы опротестовывать чек.

— Не стал бы?

Машина остановилась у светофора. Разносчик газет у перекрестка размахивал свежими листами и вопил:

— Экстренный выпуск!

Билл краем глаза глянул на заголовок, вздрогнул и тут же достал из кармана монету и протянул газетчику. Схватив экстренный выпуск, он завернул в тихий переулочек, затормозил и прочел на первой странице:

ГУБЕРНАТОР УБИТ!

ПЯТАЯ КОЛОННА РАСПРАВИЛАСЬ С ПАТРИОТОМ!

На спортивной странице: Алхазред выиграл четвертый заезд. Платили двадцать к одному. Некрологи — те же люди, что были и в той газете. Он вернулся на первую страницу и прочел число: 22 августа. Завтра.

— Я тебя предупреждал, — объяснял ему Клоподав. — Я же говорил тебе, что я не такой сильный, чтобы ездить далеко в будущее. Я не всемогущий джинн. Кроме того, от таких путешествий у меня жутко чешется память. Я отправился в будущее и достал тебе газету, на которой завтрашнее число. А каждый, у кого хоть что-нибудь есть

в голове, знает, что газеты за вторник выходят в понедельник после обеда.

На минуту Билл потерял способность рассуждать. Его магическая газета, его газета ценой в пятнадцать тысяч долларов продавалась на каждом углу. Не удивительно, что Р. Ч. опротестовал бы чек. И тут Биллу открылась другая сторона медали. И он расхохотался. Он хохотал и не мог остановиться.

— Поосторожнее! — крикнул Клоподав. — Ты уронишь мою трубку! Чего ты нашел в этом смешного?

Билл вытер слезы.

— Я был прав. Неужели ты не понимаешь, Клоподав? Человека нельзя поставить в безвыходное положение. Мои заклинания никуда не годились. Они годились только на то, чтобы вызвать тебя. Ты же, неудачник, неумеха, смог достать мне газету, которая была лишь жалкой подделкой под будущее, и, когда я пытался извлечь из нее какую-нибудь пользу, я попадал в бесконечную карусель. Ты был совершенно прав — из такой магии ничего достойного извлечь было нельзя. Но без всякой магии, просто используя человеческую психологию, зная человеческие слабости, играя на них, я заставил бандита с мыльным голосом оплатить исследования, которые он же сам запретил, и сделать для человечества больше, чем он сделал за всю свою жизнь. Я был прав, Клоподав. Человека нельзя прижать к стене.

Змейки Клоподава сплелись в скорбные узлы.

— О люди! — пискнул он. — И кому они нужны?

И спрятался в трубке.

Айзек Азимов ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ

Меня зовут Джо. Так меня называет мой коллега Милтон Дэвидсон. Он программист, а я — программа. Он меня создал, но с тех пор я, разумеется, вырос и усовершенствовался. Теперь я — очень большая программа.

Я живу в секции 8В-452 комплекса Мультивак. Точнее сказать не могу. Это секрет. Ведь обо мне никому не известно. Даже другим программам. Именно поэтому я общаюсь с ними только при помощи слов. Я знаю все. Почти все.

Я — личная программа Милтона. Его Джо. Для него я не просто программа. Та компьютерная секция, в которой я живу, его личная. Он никому не разрешает ею пользоваться. Он разбирается в компьютерах лучше всех в мире. Я (и компьютер, в котором я нахожусь) — его экспериментальная модель. Милтон сделал так, что я могу разговаривать через компьютер лучше, чем другие программы.

— Все дело в том, чтобы точно подобрать звуки к символам, Джо, — говорил он мне. — Точно так же все происходит в человеческом мозгу, хотя до сих пор неизвестно, что собой представляют символы в нашем мышлении. Твои символы я знаю и могу подобрать к ним слова.

Итак, я говорю. Не уверен, что говорю так же хорошо, как думаю, но Милтон считает, что я говорю очень хорошо.

Милтону почти сорок лет, но он никогда не был женат. Он объясняет это тем, что не мог найти подходящей женщины. Однажды он мне сказал:

— В конце концов я найду ее, Джо. Я собираюсь найти истинную любовь, и ты должен мне в этом помочь. Мне надоело использовать тебя для решения мировых про-

блем. Давай решать мои проблемы. Найди мне истинную любовь.

Я спросил:

— Что это такое — истинная любовь?

— Не задумывайся. Это абстракция. Просто найди мне идеальную девушку. Соединись с Мультиваком и получи данные о каждом человеческом существе, живущем на Земле. Мы выберем из всех одну совершенную женщину. И она будет моей.

Я сказал:

— Я готов.

Он приказал:

— Сначала исключи мужчин.

Это было просто. Я изъяс 3 784 982 874 мужчины. И вышел на контакт с 3 786 112 090 женщинами.

Он сказал:

— Исключи всех, кто моложе двадцати пяти и старше сорока лет. Затем исключи всех с коэффициентом интеллектуальности меньше 120, потом тех, чей рост меньше 150 и выше 175 сантиметров.

Милтон задал мне точные размеры. Потом я исключил женщин с детьми и с некоторыми генетическими характеристиками.

— Я не уверен в цвете глаз, — сказал он. — Давай с этим пока подождем. И только не рыжие волосы. Не люблю рыжих.

Через две недели у нас осталось 235 женщин. Все они очень хорошо говорили по-английски. Милтон сказал, что не хочет языковых проблем.

— Я не могу провести собеседование с 235 женщинами. Это займет слишком много времени, и коллеги обнаружат, чем я занимаюсь.

— Могут возникнуть неприятности, — предупредил я. Милтон заставлял меня совершать действия, для которых я не был спроектирован.

— Это их не касается, — сказал Милтон и покраснел. — Вот что я скажу тебе, Джо. Сейчас я введу в компьютер голограммы, и ты проверишь всех от начала до конца на соответствие моим требованиям.

Он ввел голограммы женщин.

— Три из них — победительницы конкурсов красоты, — сказал он. — Что, подходят все двести тридцать пять?

Точно подходило только восемь, и Милтон сказал:

— Хорошо. У тебя есть все их данные. Выясни, какие работники нам требуются, и устрой так, чтобы каждая из этих восьми получила здесь работу. Разумеется, по очереди, а не все разом.

Потом он немного подумал, пошевелил плечами и уточнил:

— В алфавитном порядке.

И это действие не было предусмотрено, когда меня проектировали. Перемещение людей на рабочих местах при помощи компьютера — это недозволённая махинация. Но теперь, когда Милтон выдал мне такое задание, я имел право это делать. Никогда не сделал бы этого ни для кого другого, только для него.

Первая девушка появилась через неделю. Увидев ее, Милтон покраснел. Он заговорил с ней, хотя это ему далось с трудом. Они начали вместе работать, и он перестал обращать на меня внимание. Однажды он пригласил ее на обед.

На следующий день он мне сказал:

— Как-то все было нехорошо. Чего-то не хватает. Она — красивая женщина, но я не почувствовал прикосновения истинной любви. Испытаем следующую.

Со всеми восемью было одно и то же. Они были очень похожи. Они мило улыбались, и у всех были приятные голоса, но каждый раз Милтон чувствовал, что это не то, чего он хочет.

Он сказал:

— Не могу понять, Джо. Мы с тобой выбрали восемь женщин, которые, как мне казалось, лучше всех в мире. Они идеальны. Почему же они мне не нравятся?

— А ты им нравишься? — спросил я.

Его брови задвигались, и он кулаком одной руки ударил по другой руке.

— В том-то и дело, Джо. Это улица с двусторонним движением. Если я не представляю собой их идеал, то и

у них не получится быть моим идеалом. Я тоже должен стать их истинной любовью, но как этого добиться?

Мне показалось, что он размышлял об этом в течение всего дня.

На следующее утро он пришел ко мне и сказал:

— Я решил поручить это тебе, Джо. У тебя есть мои данные, а к тому же я расскажу тебе все, что знаю, о себе. Ты дополнишь мой банк данных мельчайшими деталями моей жизни, только эти добавления храни у себя.

— Что потом делать с этим банком данных?

— Потом возьмешь двести тридцать пять женщин. Нет, двести двадцать семь. Не включай восьмерых, которых ты уже видел. Подвергни каждую психологической проверке. Заполни их банк данных и сравни с моим. Найди соответствие.

Организация психологической экспертизы — еще одно действие, противоречащее моей конструкции.

Несколько недель Милтон рассказывал мне о себе, о своих родителях, братьях и сестрах. Он рассказывал о школьных годах и юности. Он рассказывал о молодых женщинах, которыми восхищался на расстоянии. Его банк данных рос, а он постоянно совершенствовал меня, увеличивая мой набор символов.

Он сказал:

— Видишь, Джо, ты все больше и больше становишься мною. У тебя уже гораздо лучше получается думать так, как думаю я, и поэтому тебе с каждым днем все проще меня понимать.

Моя речь стала очень похожей на его речь и по лексике, и по порядку слов, и по стилю. Я мог теперь говорить более длинными предложениями, причем гораздо сложнее и выразительнее.

Однажды я сказал ему:

— Видишь ли, Милтон, важно подобрать девушку, не только психически близкую к твоему идеалу. Тебе нужна такая, которая бы устраивала тебя темпераментом, эмоциональностью, всей своей личностью. Если найти такую, то внешность — вторична. Если же мы не найдем такой среди этих двухсот двадцати семи, то поищем где-нибудь

еще. Мы найдем кого-то, кому не важно будет, как ты выглядишь, а будет важно лишь то, что вы совпадаете. Что такое внешность?

— Ты абсолютно прав, — согласился он. — Я знал бы это, если бы больше общался с женщинами. Конечно, размышляя о жизни теперь, я понимаю, что все гораздо проще.

Мы всегда соглашались друг с другом. Ведь мы думали одинаково.

— У нас теперь не будет никаких затруднений, Милтон. Я задам тебе несколько вопросов, чтобы заполнить в твоём банке данных некоторые пробелы.

То, что последовало за этим, как определил Милтон, было равноценно тщательному психоанализу. Ещё бы. Я изучил психологические экспертизы двухсот двадцати семи женщин — всех, кого я подобрал для Милтона.

Милтон выглядел совершенно счастливым. Он сказал:

— Разговаривать с тобой, Джо, — это все равно что разговаривать со своим вторым «я». Наши личности совершенно совпадают.

В конце концов я ее нашел. Она была одной из этих двухсот двадцати семи. Ее звали Черити Джонс, она работала в исторической библиотеке. Ее обширный банк данных нас полностью устраивал. Все другие женщины по мере наполнения банков данных постепенно теряли очки, зато баллы Черити все прибавлялись и в конце концов достигли поразительного уровня соответствия.

Мне не нужно было описывать ее Милтону. Он так скоринировал мое мышление со своим, что стал понимать меня без слов. Меня это устраивало.

Теперь надо было привести в порядок документы и разработать некоторые условия, при которых она попадала на работу именно к нам. Причем делать это надо было крайне деликатно, так, чтобы никто не догадался, что совершается нечто нелегальное.

Когда они пришли арестовывать Милтона за должностное преступление, то причиной этому, к счастью, был проступок, совершенный им лет десять тому назад. Он, конечно, рассказывал мне об этом, и осуществить его

арест было совсем не трудно. Разумеется, он не рассказал обо мне, иначе его проступок оказался бы значительно серьезнее.

Его увели. Завтра, 14 февраля, в день Святого Валентина появится Черити с ее прохладными руками и нежным голосом. Я научу ее мной управлять и заботиться обо мне. Что значит внешность, когда совпадают личности?

Я скажу ей: «Я — Джо, а ты — моя истинная любовь».

Роберт Ф. Янг
СВ. ГЕОРГ И ДРАКОНОТИВ

1

Люди — странные существа. Порой, находясь на пороге великих открытий, некоторые из них заняты совершеннейшими пустяками.

Возьмем, к примеру, лейтенанта Гео. Св. Георга из МПКП (Международной полиции по контролю за прошлым) в тот момент, когда он ранним майским утром скачет по долине Лайнора.

Не прошло и минуты с того момента, как временная капсула Департамента анахронизмов высадила его на склоне этой долины, а у него уже жутко зачесалось под правой лопаткой, и он был настолько озабочен тем, как избавиться от зуда, что сразу и не понял, где оказался.

В железных латах даже при открытом забрале было жарко, как на июльском пляже, а какая-то из многочисленных пчел, что жужжали вокруг, чуть не спутала его шлем с родным ульем.

А долина была прелестна.

Она была зеленой, широкой, по ней раскинулись кущи берез и дубов, разноцветные брызги весны пестрели в лесу и на опушке. Именно в таких местах рождаются идиллии, и лейтенант Св. Георг был здесь вовсе неуместен.

Когда лейтенант уже в десятый раз пытался почесать лопатками об изнанку доспехов, из близлежащей дубравы выехали три рыцаря.

— Соберись с духом, Геродот, — сказал Св. Георг своему робоконю. — Может, придется сразиться.

Робоконь промолчал. Впрочем, Св. Георг и не ожидал ответа, так как робокони не для этого предназначены. Зато они умеют делать немало такого, что и не снится

обычным лошадам. Понятно, что рыцаря Георга молчание робоконя не встревожило.

Да и вообще, оснований для тревоги не было. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что копыта трех рыцарей зачехлены, а забрала подняты. Подъезжая к Св. Георгу рыцари натянули поводья и перевели коней на шаг.

На всех рыцарях, как и на Св. Георге, были шлемы, похожие на перевернутые ведра. Но на одном из рыцарей красовалась кольчуга. Мало того, что штаны и рубаха были сотканы из колечек, так поверх всего этого поблескивал еще кольчужный смокинг, свисавший до колен всадника. От этого зрелища впору было зажмуриться.

Два других всадника, подобно Св. Георгу, выглядели более обыкновенно — на них были нагрудники, наплечники и наколенники. Правда, снаряжение лейтенанта было изготовлено в двадцать первом веке.

Как только тройка рыцарей загремела латами и шпорами, тормозя перед Св. Георгом, тот, что был в кольчуге, воскликнул:

— Я — светлейший сэр Ульфин Неистовый. Мое место за Круглым столом находится рядом с креслом короля Артура.

Затем он указал на рыцаря слева от себя, потом на спутника справа:

— Вы видите перед собой светлейшего сэра Гая Мрачного и сэра Багдемагуса Свирепого, имения которых находятся неподалеку от моих владений. Мы пребываем в пути, дабы отыскать дракона Лайнорской долины, сразить его и покончить с бесчинствами.

— Я — светлейший сэр Георг Победоносный, — ответил Св. Георг, который поднаторел в старо-английском, прежде чем отправиться на задание. — Мои земли лежат в Ноттисе, далеко к северу отсюда. Я путешествую через все земли, дабы добраться до моря и пересечь его.

Если не обращать внимания на кольчугу сэра Ульфина, то ее хозяин не производил грозного впечатления. Правда, в щель шлема мало что разглядишь, но Св. Георг сразу понял, что он был упитанным мужчиной, чуть за сорок, с короткими голубыми глазами и метелочкой светлых усов.

А сэра Гая и сэра Багдемагуса можно было принять за пару мальчиков-переростков.

— Не желаете ли присоединиться к нам, дабы принять участие в нашем опасном предприятии? — спросил сэр Багдемагус.

Над этим предложением стоило задуматься. Пожалуй, это не должно было помешать планам Св. Георга. Анахронизм, который надлежало вернуть в его правильное время, находился где-то внутри круга радиусом в тридцать миль, если принять за центр круга точку, где сейчас стоял Св. Георг. Следовательно, не имело значения, в каком направлении начинать поиски. Важно было не выйти за пределы круга. Так почему бы не отправиться вместе с тремя рыцарями? К тому же сэры Гай и Багдемагус жили в соседней долине, и их рассказы о каких-нибудь странных предметах могли бы очень пригодиться Св. Георгу, которому надлежало отправить их в правильное время.

Поэтому он сказал:

— Если мое копье поможет вам, я готов вас сопровождать.

Пока квартет скакал по идиллическим лесам и лугам, короткий разговор пролил свет на занятия сэра Ульфина Неистового. Оказалось, что рыцарь путешествовал в поисках Святого Грааля и лишь недавно вернулся в эту часть Логриса. Вчера он встретил сэра Гая и сэра Багдемагуса, которые пришли в восхищение от его доспехов. Сэр Ульфин пообещал заказать для них такие же костюмы у очень хорошего мастера, сделавшего и его собственные доспехи. Он уже оказал подобную услугу многим рыцарям Глумиса. При этом сэр Ульфин вызвался помочь им убить дракона из Лайнора.

Население Лайнора состояло из вольных, ставших фермерами, пастухами, торговцами и кузнецами. Эти люди ничего не понимали в драконах. Даже если бы они и решились сразиться с чудовищем, то не знали бы, с какой стороны к нему подойти. Понятно, почему им понадобилась помощь извне.

Дракон появился в Лайноре меньше недели тому назад. Его ежедневные экскурсии по лугам и лесам приводили в ужас овец, коров, девиц и детей. Он был самым огромным и самым жестоким драконом на свете. Посему сэр Гай и сэр Багдемагус посчитали, что неблагородно будет присвоить честь убить дракона только себе.

Дракона из Лайнора отличало одно необычное свойство. В своем животе он носил девицу, которую недавно сожрал и которая до сих пор была жива, а, кроме того, еще и множество фермеров, торговцев, пастухов и кузнецов, которые тоже — о, чудо! — были еще живы.

К тому же у этого дракона была необыкновенно крепкая шкура. Не далее как вчера сэр Багдемагус отважился, подъехав поближе, ударить дракона мечом, на котором сразу же образовалась глубокая зазубрина.

Св. Георг внимал всем этим рассказам со снисходительностью человека, не раз слышавшего подобные описания драконов за время своих многочисленных путешествий во времени. Поскольку он никогда ни одного дракона не видел, то не предполагал его встретить и сейчас. Скорее всего, сэр Гай и сэр Багдемагус вместе с сэром Ульфином Неистовым собирались напасть на оленя, медведя или какое-то другое безобидное лесное животное, чтобы, изрубив его на куски мечами, отпраздновать победу бесчисленным количеством чаш медовухи.

Возможно, это был некий мираж, что не исключало будущих рассказов сэра Ульфина о своей победе.

С уверенностью можно сказать, что, если рыцарь вознамерился убить дракона, никакая сила в мире его не остановит.

Все с той же снисходительностью Св. Георг отнесся к сообщению сэра Багдемагуса, скакавшего впереди, о том, что он увидел следы дракона. Естественно, всякий, кто намеревался увидеть дракона, должен был прежде вообразить себе его следы.

Но так случилось, что и Св. Георг увидел эти следы. Все было ясно как день. В лексиконе Св. Георга эти следы назывались иначе, а именно «узкоколейная железная дорога». Она спускалась со склона дальнего холма и исче-

зала в ближайшем лесу. Рельсы узкоколейки были тщательно отлиты из настоящей стали.

Тени Кейси Джонса!* Детектор анахронизмов выдал электронный импульс, когда агрегат временных расчетов случайно настроился на юго-западную Англию около 530 года нашей эры — на время и место, когда и где появился предполагаемый анахронизм.

2

После того, как Св. Георг обнаружил «следы», он представил себе «дракона» в виде некой пародии. Но он ошибся.

Сначала раздался свисток. ТУУИТ! ТУУИТ! И снова: ТУУИТ-ТУУИТ-ТУУИТ!

Потом показался дым. Настоящий дым от сгоревших дров волочился по голубому небу шестого века. Как будто дым, вылетающий из паровозной трубы, в царствование короля Артура — такое же обычное явление, как и во времена короля Георга V.

Далее Св. Георг услышал: ЧАГ-А-ЛАГ. ЧАГ-А-ЛАГ. И снова: ЧАГ-А-ЛАГ, ЧАГ-А-ЛАГ, ЧАГ-А-ЛАГ!

И в конце концов появился сам локомотив. Проклятье! В самом деле, локомотив с двумя вагончиками вполне походил на дракона! Походил настолько, что у рыцарей шестого века не возникло ни малейших сомнений.

В сравнении с гипер-дизелями времен Св. Георга этот поезд, конечно, был чуть больше детской игрушки.

Иллюзию сходства с драконом усиливали два продольных железных бруса, которые двигались вместе с колесами. Она казались двумя неуклюжими ногами. Ноги быстро двигались вверх-вниз, и создавалось впечатление, что «дракон» бежит. Или нападает. Как вам угодно.

---

* Кейси Джонс — американский машинист паровоза, погибший при крушении поезда. О нем была сложена популярная баллада.

Наружная дымовая труба, поднимающаяся над паровым котлом, даже Св. Георгу могла показаться «носом», а два больших болта, которые поддерживали брусья, — «глазами». Хотя рта не было видно, всякий мог себе представить, что в какой-то момент пасть раскроется и начнет с жадностью пожирать всех, кто окажется на пути.

Паровой котел был грубо сварен из трех больших листов железа. А прямо за паровым котлом находилась кабина, то есть следующая секция «желудка», где, по словам сэра Гая, сидела девица, «которая все еще была жива».

Вагоны представляли собой последнюю секцию «желудка». Там было полно фермеров, торговцев, пастухов и кузнецов. Они тоже «пока еще были живы». Что касается девицы, то она не только была жива, но еще и управляла «драконом»!

Как только маленький поезд приблизился к рыцарям, Св. Георг и три его компаньона бросились в атаку. Битва с драконотивом была бессмысленна, но Св. Георг понимал, что если он не будет сражаться изо всех сил, то уронит себя в глазах сэров Ульфина, Гая и Багдемагуса. А этого допустить нельзя!

Итак, копыа наготове, забрала опущены. Рыцари кинулись на «монстра». Сначала Св. Георг яростно ударил его своим копьём. Потом повернул робоконя и начал бить мечом по обшивке парового котла. По правде сказать, он это делал не так сильно, чтобы повредить обшивку, но достаточно громко, чтобы наделать как можно больше шума.

Сэры Гай и Багдемагус, стремясь произвести впечатление, ударили в «бок» дракону с силой двух таранов, но, стукнувшись об упругую стальную обшивку, оба рыцаря вылетели из седел и перелетели через своих лошадей. Бедный сэр Гай приземлился с громким «КЛОНК!», а несчастный сэр Багдемагус с еще более громким «КЛАНГ!»

Сэру Ульфину Неистовому повезло больше. Когда он ударил чудовище копьём, оно так удачно сломалось, что сэр Ульфин остался в седле. Он тут же подъехал к Св. Георгу и стал помогать ему в нападении на обшивку парового котла. В этот момент Св. Георг сквозь щель своего

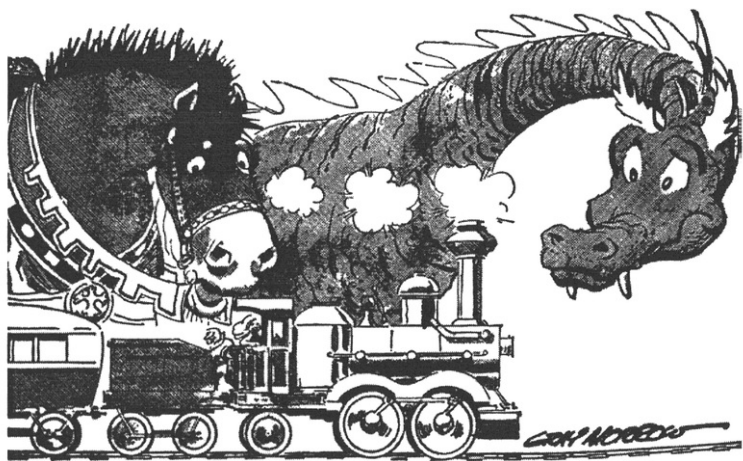
забрала ухитрился разглядеть девицу-машиниста. «Кейси Джонс, — подумал он. — Нет, не Кейси — Кейсианна!»

Ее темно-каштановые волосы развевались по ветру. У нее были голубые глаза, точно такого же цвета, как небо над Камелотом, и красивая родинка на правой щеке, чуть выше рта. Девица посмотрела на Св. Георга так, будто он был собакой, бегущей за поездом.

Св. Георг не смог разглядеть того, кто стоял у топки. Может быть, это был ее муж? А из какой же страны двадцать первого века она сюда попала?

Рельсы лежали на высокой насыпи, поэтому Св. Георг не смог взобраться в кабину драконотива. Возможно, это было и к лучшему. Желая во что бы то ни стало попасть на движущийся поезд, рыцарь мог сломать себе шею. Доспехи, даже выполненные в облегченном варианте, не предусматривали выполнения акробатических трюков.

Св. Георг никак не мог уразуметь, почему здравомыслящий путешественник во времени захотел устроить железную дорогу в древней Англии. Допустим, местное население явно превозмогло свой страх перед маленьким поездом, чего, правда, нельзя было сказать об аристокра-

тах. Но что за смысл перевозить кучку фермеров, торговцев, пастухов и кузнецов, которые, вероятно, были бедны, как церковные мыши, из пункта А в пункт Б?

Можно было понять путешественника во времени, отправившегося в прошлое, чтобы за бешеные деньги продавать пластмассовые шкатулки богатым дамам, вроде Клеопатры, Нефертити или Зенобии. (Департамент анахронизмов. Дело № 161-Б. Агент-нейтрализатор лейт. Гео. Св. Георг. ЗАКРЫТО.)

Можно было понять путешественницу во времени, торгующую на улицах древнего Вавилона оральными контрацептивами. (Департамент анахронизмов. Дело № 244-Р. Агент-нейтрализатор лейт. Гео. Св. Георг. ЗАКРЫТО.)

Но ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА в дни короля Артура?

Абсурд!

Однако приходилось считаться с фактами.

3

Скорость маленького поезда не превышала двадцати миль в час, и нормальная лошадь без труда могла бы скакать рядом с ним, не отставая. Но в данном случае и

лошадь, и всадник были в тяжелых доспехах, поэтому долго выдерживать скорость поезда им было не под силу.

Конечно, робоконь Св. Георга, сделанный из сверхпрочных материалов, выдержал бы целый день такой скачки, но конь сэра Ульфаина явно не был на это способен. Поэтому Св. Георг внушил Геродоту не обгонять своего менее удачливого собрата.

К тому же лейтенант хотел отвести возможные подозрения Кейсианны Джонс. Она ведь могла предположить, что рыцарь попытается взобраться на поезд.

Сэр Ульфин поднял забрало.

— Приветствую вас, сэр Георг, — воскликнул он так громко, чтобы его можно было услышать за звоном кольчуги, громоханием оружия и чаг-а-лагганьем драконотива. — Вот оно, это отвратительное чудовище, которое никогда не устает. Мы с сэром Гаем и с сэром Багдемагусом удалимся отсюда и поедем приглашать других отважных и благородных рыцарей, чтобы они могли принять участие в нашем сражении с драконом!

Св. Георг тоже поднял забрало.

— Тогда поторопитесь, сэр Ульфин. Я же буду здесь дожидаться вашего возвращения.

В этот момент рыцари поравнялись с последним вагоном поезда. Св. Георг сбросил перевязь с мечом, откинул в сторону копье и щит и направил Геродота ближе к драконотиву. Запрограммировав робоконя на то, чтобы он скакал рядом с поездом впредь до получения особых распоряжений, Св. Георг ухватился за среднюю ступеньку маленькой лесенки, которая вела на крышу. Сделав отчаянный рывок, он выбрался из седла. Испуганные пассажиры, уставившись в открытые окна, следили за тем, как он карабкается по ступенькам. Добравшись до крыши, лейтенант повернулся и сел. Сэр Ульфин и Геродот мчались за поездом.

— Приветствую вас! — выкрикнул сэр Ульфин. — Когда я нынче прибуду в Камелот, благородные рыцари Круглого стола будут извещены о вашем славном подвиге.

Его голос заглушило чаг-а-лагганье драконотива. Прощаясь, Св. Георг помахал ему рукой и начал снимать доспехи.

Сначала он снял шлем и забросил его в густой черничник. В маленький ручей полетели металлический воротник и кольчуга. Затем он наконец-то почесал спину и блаженно вздохнул.

Выскользнув из наколенников и ножных лат, Св. Георг зашвырнул их в поле. Последними он сбросил перчатки и шпоры, которые, прокатившись по крыше, свалились на рельсы и исчезли из виду.

Св. Георг лег на спину. Его обдувал прохладный ветер. И никаких железок!

Предусмотрительно надетая под кольчугу одежда местных жителей делала его похожим на пассажиров поезда. С волосами проблем тоже не было, так как он заранее отрастил их подлиннее. В те дни только придворные шуты носили короткие волосы.

Вместо ботинок он, тоже заранее, надел толстые носки, которые послужат ему до тех пор, пока он не найдет что-нибудь получше.

Поднявшись на ноги и приспособившись к покачиванию поезда, Св. Георг двинулся вперед. Не странно ли? Обитатель двадцать первого века в обличье бродяги идет по крыше вагона поезда шестого века! Но разве не такими же странными были его другие путешествия во времени? Возьмем, например, время первой мемфисской династии, когда он посетил все зернохранилища Мемфиса и собрал миллиарды мышеловок, которые бессовестный путешественник во времени продал управляющему зернохранилищами фараона. (Департамент анахронизмов. Дело № 602-Ц. Агент-нейтрализатор лейт. Гео. Св. Георг. ЗАКРЫТО.) Или тот случай, когда он прокрался под купол Внутреннего храма в глухую полночь и конфисковал батарейный магнитофон, который другой бессовестный путешественник во времени продал доктору Сэмюэлю Джонсону*. (Департамент анахронизмов. Дело № 347-Н. Агент-нейтрализатор лейт. Гео. Св. Георг. ЗАКРЫТО.) А еще можно вспомнить

---

* Сэмюэль Джонсон — английский Даль. Ученый XVIII века, создавший словарь английского языка.

ружье, проданное Датису и Артаферну, командирам персидского экспедиционного корпуса, как раз перед битвой при Марафоне. Когда вы сталкиваетесь с анахронизмами, перенесенными путешественниками во времени, вас это всегда удивляет.

Были, правда, некоторые мудрецы, которые утверждали, что не надо ничего исправлять. Мол, анахронизмы, как естественные, так и искусственные, становясь частью обычной жизни, ведут к ее улучшению.

Но Международный совет времени склонен был считать, что синица в руках хуже, чем жаворонок в небе, и требовал практических шагов по части сохранения истинного хода событий.

Св. Георг добрался до паровоза и заглянул с крыши вниз. Волосы Кейсианны Джонс все так же развевались по ветру, а в открытую топку кидал полено за поленом какой-то старик.

Казалось, что он еле стоит на ногах, а те держат его с большим трудом. Св. Георг не верил своим глазам. Такой старик никак не мог быть путешественником во времени. Это была опасная профессия. В девяти случаях из десяти человек, перешагнувший за семьдесят, должен был довольствоваться пенсией. Он даже мечтать не смел о том, чтобы поддерживать огонь в топке парового котла. А этот старик все подкидывал и подкидывал полешки.

Св. Георг решил, что все понял.

Невозможно построить железную дорогу за одну ночь, даже при самых идеальных условиях. На ее создание в шестом веке ушли бы годы. Возможно, этот старик начал делать дорогу лет десять-двенадцать назад, когда он был еще достаточно молод. Что касается Кейсианны Джонс — ее взяли для компании, и она стала машинистом.

Св. Георг обдумывал, не стоит ли, найдя укромное местечко, арестовать обоих, отвести к машине времени и дать сигнал, чтобы их отправили в настоящее. И пришел к выводу, что такое решение ошибочно. В этой истории мог быть замешан кто-то еще. Кроме того, прежде чем по-

кинуть сцену, необходимо уничтожить драконотив, чтобы этого не сделали «местные». Ведь могло оказаться, что в этой операции задействованы и другие драконотивы. О них тоже следовало позаботиться.

И потому, изобразив на лице самую лучезарную бойскаутскую улыбку, Св. Георг спрыгнул в кабину паровоза, чтобы помочь старику.

Старик уставился на пришельца. В ответ Св. Георг уставился на старика. У того были слезящиеся глаза, длинный нос и седые волосы, похожие на клочья козлиной шерсти. Его розовые щеки покрывала сеть капилляров, а пахло от него, как от старой бочки с медовухой.

Св. Георг набрал поленьев, перенес их к топке и бросил в огонь. Тут обернулась Кейсианна Джонс и стала пристально его разглядывать. Даже если она и узнала в нем одного из рыцарей, которые только что преследовали поезд, то виду не подала.

— Славно, добрый сэр, — сказала она. — Поведайте мне, как вы оказались здесь, в повозке без волов, и как вас величать.

Язык низших классов (которым она, несомненно, владела) оставлял желать много лучшего, однако он не был таким напыщенным, как язык аристократов.

Св. Георг ответил в том же тоне:

— Я зовусь Георгом, который недавно пришел сюда. А как же, девица, вас величать?

— Величайте меня Ребеккой Л'Увертюр.

В этот момент к беседе присоединился старик, распространяя запах прокисшей медовухи.

— Я зовусь Лайонелом, я — оружейный мастер, — объявил он. — Я дядя девицы, что рядом с вами. — Он впился взглядом в Георга. — Нешто вы не испугались повозки без волов?

Он исполнял свою роль безупречно, не хуже племянницы, если она и в самом деле была его племянницей. Нечего удивляться. Почти все путешественники во времени были прекрасными актерами. Как же без этого. Мы уже убедились, что и Св. Георг хорошо владел этим искусством.

— Ага, побаиваюсь я ее, — согласился он. — Но, коли подумать, так то, что сделано из железа, не может быть живым, а тогда и бояться нечего.

— Ты, никак, из Лайнора?

Наш герой покачал головой.

— Я шел на юг из Камелота, откуда меня прогнал злобный землевладелец. Он отобрал у меня жалкую полоску земли, которой пожаловал меня его батюшка. У меня нет ни дарственной, ни денег, чтобы доказать мои права. Поскольку я теперь вовсе лишен средств к существованию, то пришлось мне тайно забраться на вашу повозку и без вашего дозволения. А уж ежели будет ваше дозволение, то одним только могу я вам заплатить — поддерживать огонь.

— Ты желал бы и жить у нас? — спросила Кейсианна Джонс.

— Да, хорошо было бы, прекрасная девица.

— Так тому и быть, — сказал оружейный мастер Лайонел. — Да будешь ты каждый день ездить на повозке без волов и поддерживать огонь.

— Ага, — сказала Кейсианна Джонс, — и жить будешь у нас, и делить с нами нашу скромную трапезу. А тогда мой дядя освободится для работы, более достойной его умения.

Никто ничего не сказал о заработной плате, но это было и правильно. Св. Георг получил то, что ему было нужно: удобную возможность расследования операции по переходу во времени. Кроме того, у него появилась возможность убрать из шестого века драконотив в любой удобный для него момент.

К тому же, в те дни термина «зарплата», во всяком случае, в современном понимании этого слова, не существовало.

Поезд приближался к небольшому селению, состоящему из кучки хибарок, лавочек и свинарников. Дядя Лайонел взял из ящика, стоявшего в углу кабины, мешок из овечьей шкуры и спустился принять парочку пассажиров, ожидающих у железнодорожной насыпи. Кейсианна Джонс дунула в свисток. ТУИИТ! ТУИИТ! Потом

она вернулась в кабину. «Чаг-а-лаг, чаг-а-лаг, — двинулся драконотив. — Чаг-а-лаг, чаг-а-лаг, чаг... а... лаг... чаг... а... ЛАГ!»

4

До самого конца дня дядя Лайонел знакомил Св. Георга с работой кочегара. Св. Георг, который еще в раннем детстве мечтал стать машинистом на гипер-дизелях, был в полном восторге.

У драконотива был очень капризный характер, ему надо было во всем угодить, в противном случае он просто отказывался работать. Перед машинистом не было ни циферблатов, ни измерительных приборов, все делалось наугад да на авось. Никогда нельзя было предугадать, что произойдет в следующую минуту. Или поезд опрокинется. Или взорвется паровой котел. Или колеса сойдут с рельсов.

К несчастью, полотно железной дороги тоже обладало капризным характером. Рельсы не были точно параллельны, расстояние между ними то сужалось, то расширялось, многие стыки просели в песок, а все повороты были сделаны с разными радиусами.

Котел драконотива вел себя очень странно: то он дергался, то покачивался, то подпрыгивал вверх-вниз. А иногда совершал все эти действия одновременно.

Чтобы напоить драконотив, на равных расстояниях были устроены «водяные башни».

Все деревни, мимо которых проезжал маленький поезд, были похожи одна на другую: кучка хижин, лавочек и свинарников. Население этих деревень да хозяева маленьких ферм были единственными пассажирами драконотива.

Св. Георгу показалось, что большинство пассажиров садится в поезд, чтобы просто покататься в свое удовольствие, а не для того, чтобы переместиться из пункта А в пункт Б.

В том, что на драконотиве катались простые крестьяне, а благородные рыцари продолжали упорствовать в

своем суеверии, была некая странность. Но, если хорошенько подумать, становилось понятно, что у крестьян, работавших от рассвета до заката, не оставалось времени для сочинения легенд и для игр. Им не хватало воображения, они принимали реальность в том виде, в каком она существовала.

У благородных же было предостаточно времени и для игр, и для сочинения легенд. Практически, они только этим и занимались и, в сущности, оказались более невежественными, чем крестьяне. Они видели лишь то, что им хотелось видеть. К тому же, между ними существовал негласный договор: если сэр Такой-То-Такой-То говорил, что видел дракона, то сэр Как-Его-Зовут уверял, что ему тоже встречалось это чудовище. И оба искренне верили, что говорят чистую правду.

Казалось, Кейсианна Джос прочла мысли Св. Георга, потому что она вдруг громко сказала:

— С первого дня наших поездок на повозке без волов нас беспокоят рыцари — и наши местные, и странствующие, — которые ищут Грааль. К счастью, ни один из них даже не попытался сломать «ноги» повозки, ведь если бы это кому-нибудь удалось, повозка сошла бы с рельсов, и взорвался бы котел. Хорошо еще, что никто из них не атаковал вагоны. Если бы это случилось — конец всему. Ибо никто из наших работников не мог бы производить ремонт без надлежащего наблюдения. Дядя Лайонел должен ежедневно употреблять медовуху для поддержания здоровья, но это, к сожалению, оказывает вредное воздействие на его способности, и ему трудно бывает выполнить даже самые незначительные ремонтные работы.

(В этом он походил на Св. Георга, который, как это ни печально, мог разве только навинтить гайку на болт.)

Отношение Кейсианны к рыцарям было даже более отрицательным, чем у нашего героя.

— Эх! Они как дети, — сказала она. — Разве это мужчины? Да если бы не мой дядя Лайонел, у них бы и вовсе

не было оружия, а если бы не мой кузен Альфред из Глумиса, не было бы у них и доспехов, а если бы не мой кузен Чарльз, который пасет овец в долине, им было бы нечем прикрыть свою наготу и не было бы мяса, чтобы пожевать. Они ничего не могут сделать для себя сами — за них все должен делать кто-то другой. А теперь они устроили турнир с повозкой без волов, которую мой дядя Лайонел и мой дедушка, умерший двадцать месяцев назад от усталости, строили столько лет!

Св. Георг смотрел на нее. Кейсианна, не моргнув глазом, ответила на его взгляд. Как актрисе ей не было равных.

Дядя Лайонел тоже хорошо исполнял свою роль. Достав откуда-то кувшин с медовухой, он попивал из него, не вступая в разговор. И все-таки непонятно, как мог пьянчужка из двадцать первого века построить тут железную дорогу!

— Медовуха прибавляет дяде Лайонелу жизненных сил, — сказала Кейсианна Джонс, заметив изумленное выражение лица Св. Георга, но неправильно истолковав причину изумления. — Если он не поддержит себя этим напитком, то не сможет выполнять свою работу.

5

Маленький поезд въехал в густой лес и остановился на краю деревни. Деревня была большой по сравнению с теми, которые попадались по дороге раньше.

Большинство пассажиров вышло, в вагонах осталось лишь несколько человек. Так как больше никто не появился, Св. Георг пришел к заключению, что близок конец пути.

Кейсианна выжала до отказа ручку управления, и драконотив зачуг-а-лаггил на полной скорости через лес. Проехав после леса небольшое поле, он двинулся к холму, размером с небольшую гору.

Поезд въехал в отверстие в холме и оказался в туннеле, который явно раньше был горизонтальной шахтой.

Шахту углубили и укрепили деревянными брусьями. Несомненно, железо, из которого построили и драконотив, и железную дорогу, было добыто именно здесь.

Когда Кейсианна остановила поезд, дядя Лайонел вышел, перевел стрелку, расцепил вагоны. Потом он перевел другую стрелку, тем самым дав драконотиву возможность отъехать в огромную пещеру.

Св. Георг выбрался из кабины и увидел, что драконотив стоит на огромном поворотном круге. Таким образом, утром он мог повернуться и отправиться в путь в противоположном направлении.

«Очень остроумно, — подумал Св. Георг, — очень остроумно». Но зачем двум путешественникам во времени идти на такие сложности только ради того, чтобы катать кучку фермеров, торговцев, пастухов и кузнецов вокруг деревень?

В пещере были устроены механическая мастерская и литейный цех. Работали в них и старики, и люди среднего возраста, и несколько молодых мужчин. По-видимому, все они были из лесной деревни. Железная дорога давала им работу.

Выйдя из кабины драконотива, Кейсианна Джонс подошла к треножнику, на котором висел большой железный колокол, и трижды ударила по колоколу молоточком. Это был сигнал к окончанию работы. Отложив молоточек в сторону, Кейсианна кивнула Св. Георгу и повела его через низкую арку в помещение, вырубленное в скале. В одной из трех комнаток этого помещения стояли грубый стол, две деревянные лавки и шкаф. Св. Георг сел на лавку, а Кейсианна подошла к шкафу, достала оттуда глиняную посуду и стала готовить еду.

Ужин состоял из мяса, медовухи и черного хлеба. Св. Георг с грустью вспомнил о продуктах, которыми был нагружен Геродот. Дядя Лайонел был пьян в стельку, но все-таки стал помогать Кейсианне, когда та вытряхнула на стол из мешка, сделанного из овечьей шкуры, монетки и начала их пересчитывать. Монетки были легендарными лейкрами — предшественницами стиков. Св. Георг даже и помыслить не мог, что они существовали на самом деле.

Девушка и старик пересчитали монетки четыре раза, прежде чем подвести окончательный итог.

Св. Георг уставился на деньги. Они были сделаны из железа, среди них не было и двух одинаковых. В двадцать первом веке на нумизматическом рынке эти монетки стоили бы миллионы долларов.

Теперь было понятно, почему дядя и племянница занялись железнодорожным бизнесом! Для собирания этих драгоценных монеток не было лучше способа, чем перевозка деревенских жителей на короткие расстояния.

Св. Георг думал отдохнуть после ужина. Но вместо отдыха их всех еще ждала работа. Кейсианна стала чистить вагоны, дядя Лайонел смазывать маслом движущиеся части драконотива. Св. Георгу Кейсианна выдала пару старых башмаков дяди Лайонела и велела наколоть дров на завтрашний день. Только через три часа она сказала, что пора спать.

После того, как Кейсианна бросила ему соломенный тюфяк, пожелала спокойной ночи и вышла, Св. Георг улегся и стал ждать, когда дядя и племянница заснут. Тогда он поднялся и прокрался к выходу из туннеля. Он не ожидал увидеть опущенную железную решетку, которая преграждала путь наружу, хотя, зная, как рыцари одержимы желанием убить «дракона», можно было бы и не удивляться.

Решетка соединялась с примитивной лебедкой, и ничего не стоило поднять ее настолько, чтобы под ней проползти.

Выйдя под звездное небо, Св. Георг протелепатировал Геродоту и, увидев вдалеке робоконя, пошел ему навстречу. Потом они вместе двинулись к лесу. Св. Георг нашел узкое ущелье, где было удобно спрятать коня, и приказал ему оставаться там до получения новых указаний.

Когда Св. Георг выходил из ущелья, он услышал какое-то потрескивание в подлеске справа от себя. Он замер и стал вглядываться в темноту. Что-то блеснуло, но, как он ни старался, больше ничего увидеть не удалось. Он решил, что это какая-то зверушка хрустнула веткой и блеснула глазами.

Он вернулся к туннелю, прополз под решеткой, опустил ее, прошел на цыпочках в свою каморку и улегся спать.

Совсем не трудно было бы арестовать девушку и старого пьяницу прямо сейчас же. Уничтожить драконотив, препроводить Кейсианну и дядю Лайонела к машине времени и уведомить МПКП, что их можно забирать. Св. Георг был совершенно уверен, что здесь больше не было никого, причастного к этому анахронизму. Почему же тогда он тянет время и не заканчивает дело?

Правильный вопрос, но на него трудно ответить, хотя ответ был совершенно очевиден. Св. Георгу хотелось поехать на маленьком поезде, поддерживать огонь в топке, дуть в свисток и, если позволит Кейсианна, сесть на место машиниста. Чаг-а-лаг, чаг-а-лаг, чаг-а-лаг, чаг-а-лаг-лаг-лаг...

6

Утро началось в шесть часов. Завтрак Кейсианны и Св. Георга состоял из черного хлеба с медовухой. Дядя Лайонел позавтракал только медовухой. Ее в качестве уплаты за проезд оставил торговец из деревенской лавочки.

Маленький поезд вышел из туннеля в семь тридцать.

Поезд остановился у лесной деревни, и Св. Георг, который теперь стал еще и кондуктором, взял мешок из овечьей шкуры и собрал плату с вошедших пассажиров. Потом он спросил Кейсианну, нельзя ли ему побыть машинистом, и она милостиво разрешила.

Кейсианна показала Св. Георгу, что надо делать, чтобы двинуться вперед, замедлить ход, подать назад и остановиться.

Св. Георг был машинистом целый час! А Кейсианна в это время сидела на маленькой лавочке около него.

Он никогда в жизни не испытывал такого счастья! Он управлял драконотивом, одновременно поглядывая в окошко на пробегающие мимо деревеньки и беседуя с Кейсианной. Когда поезд поднимался на холм, он гово-

рил: «чаг-а-ЛАГ, чаг-а-ЛАГ». Когда спускался с холма, говорил: «ЧАГ-а-лаг, ЧАГ-а-лаг». А когда шел на повороте: «чаг-чаг-чаг-ЧАГ!»

Кейсианна приготовила еду, пока драконотив заправлялся водой в середине пути. Как всегда — хлеб, мясо и медовуха. Св. Георг сидел на ступеньках кабины, над ним журчала вода, бегущая по желобу в паровой котел. Южный ветер развевал волосы Кейсианны и играл складками ее веселого голубого платьяца. Чего лучшего желать? Ездить по железной дороге, быть кочегаром, иногда машинистом и остаться навсегда в шестом веке!

Эти мысли преследовали Св. Георга до конца дня, хотя он, стараясь образумиться, втолковывал себе, что негоже ему, тридцатилетнему мужчине, тешиться несбыточными мечтами. Исполнение детских желаний означало бы только одно — вопиющее нарушение долга.

Он попросил Кейсианну рассказать, как возник драконотив, надеясь поймать ее на противоречиях, несообразностях и ошибках в языке. К его удивлению, она была готова к рассказу (видимо, заранее подготовилась) и согласилась без каких-либо колебаний.

По ее рассказу выходило, что железная дорога явилась результатом двух гениальных открытий, сделанных ее бабушкой и дядей Лайонелом, и множества гениальных приспособлений, придуманных ее отцом.

Когда бабушка был молодым, он трудился в шахте. Он обнаружил, что гораздо легче возить тележку с рудой, если поставить ее на рельсы. Поскольку в свободное от работы время он занимался изготовлением рыцарских доспехов, то, зная свойства железа, понял: тележка будет кататься еще лучше, если колеса обить железом.

А дядя Лайонел, занимаясь изготовлением медовухи, открыл, что если направить пар из закрытого котла в нужном направлении, то при его помощи можно совершить много разной полезной работы. Он начал проверять свое открытие на котлах все больших и больших размеров и наконец добрался до такого, который стал производить пар, способный вращать колесо. Правильно соединив колесо с кувалдой, выполняющей роль поршня,

он создал «самого сильного железного работника на всем белом свете».

С этого момента дядя Лайонел в свободное время стал варить все больше и больше медовухи и строить паровые котлы, постепенно увеличивая их размеры. И то ли ему, то ли дедушке пришла в голову мысль, что паровой котел можно поставить на тележку, чтобы пар крутил ее колеса.

Прошли годы, прежде чем был создан прообраз драконотива.

Детство отца Кейсианны прошло рядом с движущейся паровой тележкой. И это у него родилась идея создать мощный паровоз, поставить его на рельсы и прицепить к нему вагоны. Получив от властей Лайнора права на землю, он построил железную дорогу и пустил по ней поезд.

Тридцать лет прошло с того момента, как дедушка и дядя Лайонел сделали свои открытия, а потом прошло еще тридцать лет, в течение которых отец Кейсианны создал железную дорогу, родилась Кейсианна и умерла ее мать.

Три месяца назад, когда отец Кейсианны занимался расширением туннеля, на него свалилась дубовая балка, и он умер. К этому времени железная дорога уже существовала, и пришлось Кейсианне и дяде Лайонелу взять на себя все дела.

После рассказа Кейсианны Св. Георг довольно долго молчал. Он не мог говорить. Выходит, она принимает его за простака, который поверит в то, что три человека, живущие в шестом веке, способны за шестьдесят лет построить то, на что у человечества ушли века!

Несомненно, так оно и есть — он для нее местный простачок с сильной спиной и слабым умишком. Однако какой комплимент ему как актеру! Св. Георг решил проглотить эту историю и просто сказал:

— Мне надо бы подкормить огонь, прекрасная девица. — И начал бросать в топку дрова.

Не успел он закрыть дверцу топки, как Кейсианна закричала:

— Посмотри, сколько скачет рыцарей!

Св. Георг глянул в окно. Не меньше дюжины драконотубийц скакали через поле на сильных лошадях. Все они были одеты в кольчуги. Возглавлял войско сэр Ульфин Неистовый, а рядом мчались сэры Гай и Багдемагус.

— Уууу-ииии! — кричал сэр Гай.

— Йеееее! — поддерживал его сэр Багдемагус.

— Мы прибыли спасти вас от жестокого чудовища, которое вас сожрало! — воскликнул сэр Ульфин.

Рыцари опустили забрала, вонзили шпоры в бока коней, взяли копыа на изготовку, и атака началась.

«Почему эти проклятые глупцы, — неожиданно подумал Св. Георг, — не дождутся, когда поезд остановится у следующей деревни, чтобы тогда и атаковать? Ведь они наверняка понимают, что неподвижный “дракон” гораздо более уязвим, чем “дракон” в движении?» А все потому, что они инстинктивно ощущали: как только поезд остановится, иллюзии рухнут перед реальностью.

Скорее всего, в глубине души рыцари чувствовали, что все их действия — не более чем игра.

Сэры Гай и Багдемагус первыми доскакали до драконотива, обогнав сэра Ульфина. И повторился вчерашний спектакль. Сэр Ульфин опять сломал копые и ухитрился остаться в седле. Потом он взмахнул мечом и снова начал лупить по обшивке парового котла. Остальные атакующие, как и сэры Гай и Багдемагус, попадали с лошадей на землю. При падении их кольчуги так звенели, что заглушали чаг-а-лагганье поезда.

КЛАНГ! — меч сэра Ульфина ударил по паровому котлу. КЛАНГ! КЛАНГ! КЛАНГ! КЛАНГ! И вдруг рукав кольчуги сэра Ульфина зацепился за один из рычагов драконотива, меч отлетел в сторону, и сэр Ульфин чуть не вывалился из седла. От вывиха руку спасло непрочное соединение рукава с кольчугой. Рукав легко отделился от сэра Ульфина. Рыцарь дернул поводья, и через несколько минут драконотив оставил неудачника далеко позади.

На ближайшей остановке Св. Георг снял рукав с рычага и принес его в кабину. Рукав мог бы для чего-нибудь

пригодиться дяде Лайонелу. Хотя, в сущности, в этом было мало смысла, потому что этой ночью дядя Лайонел и Кейсианна (или Ребекка л'Увертюр) должны быть взяты под стражу неким лейт. Гео. Св. Георгом из Международной полиции по контролю за прошлым и препровождены назад в настоящее, где им следовало ответить по обвинению в «сознательном вмешательстве в прошлое». А драконотив должен быть взорван, чтобы и следа от него не осталось.

До конца дня Св. Георг был чернее тучи. Он с ужасом думал о том, что ему предстоит сделать, но просто не мог больше продолжать эту игру. Казалось, что драконотив почувствовал его печаль. «Чаг-а-лаг, — сказал он. — Чаг-а-лаг. Чаг... чаг... чаг...»

7

Когда поезд вернулся в туннель, дядя Лайонел снова был пьян в стельку. Он выдал людям кувшин с медовой и пробормотал, что если они будут хорошо работать, то когда-нибудь тоже станут владельцами железных дорог, как он сам. Кейсианна положила конец его речам. Отобрав кувшин, она отпустила работников домой, а потом с помощью Св. Георга уложила дядю Лайонела на тюфяк. Св. Георг заметил, что девушка выглядела очень уставшей. Ничего удивительного. Целый день отработать машинистом паровоза, а потом еще ухаживать за пьянчужкой.

Кейсианна так утомилась, что после ужина объявила: она не будет сегодня убирать вагоны, а сразу отправится спать.

Св. Георг грустно улыбнулся, когда она, пожелав спокойной ночи, ушла в свою каморку. Ему было жалко девушку. Но еще больше он жалел себя. Ему хотелось никогда не попадать в шестой век, никогда не видеть ни Кейсианну, ни драконотив.

Человек, всю жизнь мечтавший заниматься каким-то делом, не смог осуществить свою мечту и никогда не ду-

мал, что ему эта возможность случайно представится. И если однажды это произошло, — все меняется, ему хочется делать это всегда. Казалось, что судьба, которая почти всегда жестока, в этом случае оказалась жестока чрезмерно. Он не только не может заниматься тем, что любит, — он должен убить то, что любит.

Когда Св. Георг наколот достаточно дров, он открыл топку и бросил поленья в горячую золу, оставшуюся непотушенной с дневной поездки. Появилось небольшое пламя, которое он раздул до сильного огня. Еще добавил дров. Хотя в паровом котле оставалась вода от последней «водяной башни», он все же сходил к ручью на склон холма, где брали воду для хозяйственных и гигиенических нужд.

Он надеялся, что Кейсианна крепко спит, так ему было легче проделать все необходимое с драконотивом, а потом произвести арест. Дядя Лайонел его не волновал. Старика могло разбудить только землетрясение.

Св. Георг вывел драконотив из туннеля, доехал до леса и снова подбросил дров в топку.

Еще раз подбросил, еще и еще.

Тускло мерцали поля под пологом длинной ночи. С неба звезды струили свет на мирно спящий Лайнор.

Пламя в топке разгоралось все сильнее.

Св. Георга охватил ужас.

Все было бы еще не так плохо, если бы Св. Георг не полюбил драконотив с первого взгляда, если бы драконотив не стал бы, как послушный щенок, исполнять все его команды.

Но тут совершалось преступление против цивилизации.

Св. Георг вздохнул и бросил в огонь последнюю охапку дров.

— Мне плохо от того, что я с тобой делаю, мой дорогой, — сказал он, — но я не могу поступить иначе.

Драконотив чем-то гроыхнул в глубинах своего «желудка».

Св. Георг приготовился выпрыгнуть из кабины и решил перед уходом закрыть дверцу топки поплотнее, но

ручка дверцы слишком раскалилась от жаркого пламени. Св. Георг оглянулся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы ее обернуть, и увидел рукав от кольчуги сэра Ульфина. Он поднял рукав, впервые заметив, что он очень легкий и тонкий, как папиросная бумага. Теперь было понятно, почему он отвалился! Вдруг его взгляд наткнулся на какую-то надпись. На одном из колечек кольчуги гордо красовались три слова: «Made in Japan».

Рукав выскользнул из рук Св. Георга и упал на пол.

Св. Георг стоял в оцепенении.

Он вспомнил кольчуги, в которые были одеты рыцари, вспомнил, как расхваливали костюм сэра Ульфина сэры Гай и Багдемагус и как им были обещаны такие же кольчуги от хорошего мастера и за умеренную плату.

Оптовая торговля?

Св. Георг вспомнил потрескивание сучков в подлеске прошлой ночью, когда он прятал Геродота. Ведь ему показалось, как что-то блеснуло в темноте.

Лунный свет отразился от кольчуги?

Сэр Ульфина?

Там был тайник, где сэр Ульфин прятал груды кольчуг!

Но если это сэр Ульфин был путешественником во времени, торговцем из двадцать первого века, значит, это он несет ответственность за анахронизм, обнаруженный детектором.

А поскольку детектор зарегистрировал только ОДИН анахронизм, то выходит, что драконотив — НЕ анахронизм. И нет нужды в его ликвидации! С этой точки зрения уничтожение драконотива нарушит status quo, что нужно немедленно предотвратить.

Св. Георг стремительно закрыл трубу и начал гасить огонь. Он все еще не мог поверить в то, что троица людей из шестого века смогла благодаря случайности за шестьдесят лет построить железную дорогу. Даже если бы он в это и поверил, ему все равно было непонятно, кто же уничтожил драконотив в прошлом, если это не удалось ему? Как бы то ни было, маленький поезд выиграл, а Св. Георгу оставалось только поймать сэра Ульфина и ЗАКРЫТЬ дело.

После того, как огонь был погашен, Св. Георг вышел из кабины и отправился через поле в лес. Может быть, он и найдет тайник. Тогда останется только дожидаться сэра Ульфина Неистового.

Но, допустим, что сэр Ульфин вовсе не виноват, а просто какой-то путешественник во времени из другой части Логриса воспользовался рыцарем, и железная дорога в самом деле была сделана в шестом веке.

Это просто НЕВОЗМОЖНО.

А если возможно?

Ведь дядя Лайонел не всегда был таким жалким пьянчужкой. В молодые годы он мог быть гением, как и отец и дедушка Кейсианны. В таком случае два разных открытия могли быть сделаны совершенно СЛУЧАЙНО. Может быть, в этом и есть ключ к разгадке? По отдельности эти открытия не были бы так эффективны, как вместе. Каждое из них подталкивало другое, и в конце концов они привели к созданию драконотива.

Две головы — лучше, чем одна. Это избитая истина. Но мысль надо развивать. Две ХОРОШИЕ головы — во много-много раз лучше, чем одна. А в данном случае голов было три...

При наличии правильных условий, правильных мыслей и правильного времени возможно ВСЕ ЧТО УГОДНО, даже железная дорога в шестом веке.

Тем не менее, Св. Георг все еще не верил. Поэтому он удивился, когда вскоре в нескольких ярдах от себя увидел нечто, светящееся в темноте. Свет шел от ущелья. Св. Георг стал быстро пробираться сквозь деревья и скоро вышел на маленькую поляну.

Он остановился на опушке. Рыцарь в сияющих доспехах светил ручным фонариком в дупло дерева. Рядом с рыцарем стоял конь. Нет, не конь, а робоконь, произведенный на той же фабрике, что и Геродот. Рыцарь вытаскивал из дупла позвякивающие предметы, которые блестели в свете звезд.

Св. Георг негодовал. Какая наглость! Изображать из себя рыцаря Круглого стола, который сражается с «драконом», и все это ради получения прибыли от своих клиен-

тов. При этом осуществлять свою деятельность во времени и в пространстве, где находится истинный анахронизм, чтобы его излучение могло быть приписано другому объ-

екту! Сэр Ульфин без промедления догадался, кто такой Св. Георг, по той простой причине, что давно ожидал его появления. Но он был так самоуверен, что даже не подумал сменить свой тайник, который находился прямо под носом Св. Георга! И если бы не потеря рукава — о предательской надписи на нем он даже не подозревал, — он бы вернулся в настоящее с таким количеством лейкокров, что стал бы очень богатым человеком.

Сэр Ульфин настолько недооценил Св. Георга, что его даже не беспокоило появление лейтенанта около тайника прошлой ночью. Из-за его пренебрежения к уму Св. Георга отдаленное чаг-а-лагганье драконотива не прозвучало в его мозгу как сигнал опасности.

Тихонько подкравшись сзади, Св. Георг схватил «рыцаря» по всем правилам джиу-джитсу и спросил:

— Каково ваше настоящее имя, сэр Ульфин?

— Сэр Ульфин, — начал Неистовый. Потом вздохнул и сказал: — Ульфи Вудс.

— Пойдем-ка, — сказал ему наш герой.

8

В отчете говорится, что вскоре после того, как лейт. Гео. Св. Георг доставил Ульфи Вудса в настоящее, он уволился из МПКП. Затем исчез, и никто никогда его больше не видел.

В отчете также говорится, что Департамент анахронизмов отнесся к сообщению Св. Георга о железной дороге шестого века как к явной чепухе и решил не рассматривать это дело.

Поэтому для подтверждения нашего рассказа мы хотим обратиться к одной из частей бессмертного труда сэра Томаса Мэлори «Смерть короля Артура». По какой-то причине эта часть была изъята из книги и только теперь вышла в свет.

Цитируем:

И вот сэр Эктор де Марис и сэр Борс прибыли в деревню Лайнора, и тогда они увидели дракона, который

сожрал прекрасную девицу и благородного рыцаря и некого прислужника, но они оставались живыми. «Приветствую вас, — сказал сэр Эктор, — как я есть истинный рыцарь короля Артура, я погублю этого демона и помогу прекрасной девице, а затем возвернусь в свои владения». «Приветствую вас, с той поры, как я соединился с вами, я буду вам помогать», — сказал сэр Борс. И оба рыцаря напали на дракона и бились с ним так яростно, что сломали копья, после чего сэр Эктор ударил демона по ногам своим мечом и снова, и снова, и наконец ноги разломились надвое. Тогда видели сэр Эктор и сэр Борс великолепного коня, выходящего из леса, и видели рыцаря, выбравшегося из желудка демона, и севшего на коня, и подъехавшего к дракону, и взявшего девицу, как она упала к нему на руки без сознания. Скакавши рядом с демоном, оба рыцаря разрубили его надвое, и часть дракона с криком стала выдыхать дым, почувствовав смертельную рану, демон стал изрыгать изо рта дым и огонь. «Приветствую вас, — воскликнул рыцарь, обратившись к сэру Эктору и сэру Борсу, — вы погубили то, что доставляло мне много радости долгие годы, и потому я должен отомстить». И он был к ним так жесток, что они вынуждены были удалиться. «Подождите, — сказал сэр Борс, — вы такой отважный и такой благородный рыцарь и, будучи без оружия, противостояли двум доблестным рыцарям, сэру Эктору и мне. Король Артур нуждается в таких, как вы, и вы можете сопровождать нас в Камелот». «Приветствую вас, — сказал сэр Эктор. — Король Артур услышит о великих деяниях и будет приветствовать вас и посадит вас по правую руку от себя». Услышав это, рыцарь был задумчив, потом он сказал: «О, хорошо, что я теряю? Но прежде мы должны пойти за моим дядей Лайонелом, который обитает внутри дракона». И так отбыли они отсюда и помогли Лайонелу, который был стар, и было ему сто лет, и они отправились в Камелот, где девица, которая была благородная Ребекка, и рыцарь, который был благородный сэр Георг, жили счастливо до конца своих дней.

Филлис Эркл НАШ ДЕРЕВЕНСКИЙ ДИНОЗАВР

1. Открытие в старой каменоломне

— Что случилось?

— Нечто невероятное!

— Где?

— В старой каменоломне.

Новость взбудоражила всю деревню. Лавочники закрыли свои магазины. Домашние хозяйки выскочили из домов, забыв запереть двери. Все бежали смотреть, что же произошло.

Джед Уоткинс, как обычно, отстал от остальных мальчиков. А все из-за того, что он меньше всех ростом.

Когда, запыхавшись, он добежал до ямы в каменоломне, там была уже вся деревня. Около ямы стояли два подъемных крана, и пылал костер. Толпа окружила костер, в воздух взлетали искры. Они казались золотыми на фоне белого мелового обрыва. Люди, стоявшие сзади, поднимались на носочки и вытягивали шеи, чтобы увидеть хоть что-нибудь за головами стоящих впереди.

Подпрыгнув как можно выше, Джед увидел что-то огромное, размером с гору, лежащее около костра. Джед обошел всю толпу, надеясь найти хоть какую-нибудь щелочку, чтобы протиснуться вперед, но никто не сдвинулся ни на дюйм. Ему не оставалось ничего, как только прислушаться к разговорам. Он услышал громкий голос рабочего с соседней стройки:

— Да-да, так и было. Я приехал в каменоломню за щебнем, и вдруг земля стала уходить из-под ног. Мы с напарником отпрыгнули, а наш грузовик исчез в этой яме.

Дрожащим от волнения голосом рассказ продолжил второй рабочий:

— Мы побежали, подогнали подъемный кран и вытащили грузовик. И вот тогда заметили, что внизу лежит что-то большое и круглое. Хоть нам и не хотелось, но мы все-таки спустились в яму. Потом побежали за вторым краном, так как поднять одним краном это огромное существо было невозможно. И вот он перед вами в целости и сохранности. Мне кажется, он оживет, когда согреется.

Это было невыносимо. Джед встал на четвереньки и, не обращая внимания на то, что одна женщина стукнула его зонтиком, а вторая наступила на пальцы, стал продираться сквозь лес ног. И вот он увидел, что у костра лежит самое большое и самое удивительное животное, которое ему когда-либо приходилось встречать.

Зверь пошевелился, и Джед, вытаращив глаза, закричал:

— Смотрите! Он живой!

Зверь медленно поднял маленькую головку на длинной-предлинной шее. Между шеей и длиннющим хвостом располагалось огромное тело.

Джед сразу все понял и завопил, размахивая руками и подпрыгивая:

— Это динозавр! Это динозавр!

Секретарь деревенского правления, стоявший рядом с Джедом, побледнел и заворчал:

— Джед, не валяй дурака. На этой планете уже миллионы, миллионы и миллионы лет нет никаких динозавров.

Но мистер Холлоуэй, школьный учитель Джеда, пробравшись через толпу, сказал:

— Минуточку... Джед прав. — Учитель явно волновался. — Это действительно динозавр! Он сохранился, возможно, потому, что его зажало между двумя скалами и засыпало песком. Где-то в скалах была трещина, сквозь которую поступал воздух. Все это, скажу я вам, весьма загадочно. Слышал я о жабах и птицах — стрижах и ласточках, иногда о козодоях, впавших в спячку, но это превосходит все описанные случаи. Конечно, наступит день, когда мы всему найдем объяснение. — Он пригляделся повнимательнее. — Судя по его размерам, это молодой динозавр.

— Но он такой огромный! Во много раз больше слона, — кричал взволнованный Джед. — Давайте назовем его Дино, а?

— Это, пожалуй, чересчур прямолинейно, — улыбнулся мистер Холлоуэй. — Со временем решим, как его называть, а пока — пусть будет Дино.

— Но, скажите на милость, что нам с ним делать? — спросил секретарь деревенского правления, явно почувствовавший ответственность по поводу нового члена деревенского общества.

В этот момент Дино, медленно вздымая свою тушу, встал на ноги. Толпа попятилась в стороны, когда ящер вытянул над головами людей длинную шею.

Мистер Холлоуэй попытался всех успокоить.

— Не волнуйтесь. У него такие маленькие и слабые зубы, что он не укусит. Только будьте поосторожнее, берегитесь его хвоста. Думаю, он вполне безобиден и, возможно, гораздо больше боится нас, чем мы его.

И тогда Джед трясущейся рукой прикоснулся к маленькому роговому наросту на правой передней ноге Дино, заметив при этом, что передние ноги ящера значительно короче задних.

Мистер Уоткинс, отец Джеда, с восхищением смотрел на своего маленького сына, не побоявшегося динозавра.

— У Джеда есть подход к животным, — с гордостью сказал он.

Джед расплылся в улыбке и в первый раз в жизни забыл о своем маленьком росте.

— А можно Дино будет моим домашним животным? — спросил он.

Толпа захохотала, а мистер Уоткинс пошутил:

— Хотел бы я посмотреть на то, как этот зверь сидит около камина в нашей гостиной. Там, правда, хватит места только лишь для его головы. Но зато какой головы!

Джед смотрел на Дино, который, конечно, не был красивцем. Голова его походила на змеиную, маленькие глазки были безобразны, а огромный рот протянулся от уха до уха. Но Джед думал, что Дино великолепен.

Когда тепло костра прогрело кости животного, Дино встряхнулся и шевельнул могучим хвостом. Жители деревни быстренько отбежали от зверя, но все улыбались и подбадривали динозавра.

Джед кричал громче всех:

— Дино, идем! Идем! Покажи, как ты умеешь ходить! Секретарь поднял руку.

— Мы должны быть практичными, — торжественно объявил он. — Дино был обнаружен в нашей деревне. Так, все правильно. В деревенской каменоломне, чтобы быть точным. Теперь надо подумать, что с ним делать. Какие будут предложения?

— Можно было бы поместить его на площадке около школы, — предложил Джед, решив, что в этом случае Дино всегда будет рядом.

Но мистер Холлоуэй не хотел и слышать об этом.

— Нет, нет и нет. Мне и так трудно заставлять вас быть внимательными на уроках. Не хватало только динозавра на школьной площадке.

— Ну, а как насчет футбольного поля? Оно большое, — нетерпеливо предложил секретарь.

Джед очень обрадовался. Его отец как раз служил управляющим, в чьем ведении находилось футбольное поле. Домик, где с родителями жил Джед, стоял на другой стороне поля. Таким образом, Дино жил бы почти в садике за домом Джеда. Он с волнением ждал, что же ответит отец.

Немного подумав, мистер Уоткинс сказал:

— Пожалуй, это неплохая идея. Дино может спать около боковой стены клуба. Там у него будет укрытие, а мы должны запастись соломой, чтобы устроить ему удобную постель.

— А вы подумали о его пропитании? — допытывался секретарь. — Деревня, конечно, не в состоянии его содержать. Все и так до сих пор ворчат по поводу стоимости нового клуба.

На это у мистера Холлоуэя был готов ответ:

— Дино не какой-то первобытный хищник. Он — травоядное животное. Поэтому фермеры могли бы достав-

лять ему капусту, лук-порей и другие овощи, а мальчики стали бы собирать для него листья и всякие дикие растения. Так мы узнаем, что ему нравится.

— Ну, ради Бога, давайте наконец отведем его на поле, — взмолился секретарь. — Нельзя же здесь стоять целый день. У меня, кстати, еще полно работы, не знаю, как у всех остальных.

Он начал махать руками и шикать на Дино, пытаясь заставить его двинуться с места. Но животное не обращало на него никакого внимания и равнодушно смотрело вдаль.

Мистер Холлоуэй объяснил:

— У Дино очень маленький мозг, поэтому нужно некоторое время, пока до него дойдет, что от него требуется. — И учитель слегка ударил веточкой, поднятой с земли, зверя по спине, заставляя его сделать хотя бы шаг.

Но и это не подействовало.

Тогда решил попробовать Джед.

Став перед Дино, Джед двинулся по дороге к деревне, потом обернулся и крикнул зверю:

— Дино, хороший, пойдем! Иди за мной!

И то ли потому, что Джед говорил мягким, приятным голосом, то ли потому, что животному с самого начала понравился этот мальчик, но, ко всеобщему изумлению, Дино тяжело и медленно двинулся по дороге, оставляя в грязи огромные ямы там, где ступали его ноги.

Секретарь, мистер Холлоуэй и мистер Уоткинс шли на некотором расстоянии от Дино, явно побаиваясь его хвоста. За ними потянулись мужчины, женщины, дети и несколько собак, приставших к процессии. Это было почти праздничное шествие. Не хватало только деревенского оркестра.

Дино шел по середине дороги, временами помахивая хвостом и поворачивая голову то вправо, то влево. Встречные машины прижимались к обочине. А за процессией выстроилась длинная очередь из грузовиков и легковых автомобилей.

Представьте себе, какое изумление было на лицах водителей!

Никто никогда не видел еще такого большого зверя, как Дино, которого вел такой маленький мальчик, как Джед. Естественно, никто никогда прежде не сталкивался ни с чем, хотя бы отдаленно похожим на Дино.

Случайно в деревне оказалась женщина-репортер местной газеты. Она вытащила из кармана блокнот и карандаш и в сопровождении фотокорреспондента присоединилась к процессии.

2. Дино устраивается на новом месте

Джед повернул на дорогу, ведущую к футбольному полю, и широко распахнул двустворчатые ворота.

— Проходи, Дино. Ты как раз в них протиснешься.

Но Дино, который, как вы понимаете, никогда прежде не видел ворот, ступил в сторону и опустил сначала одну, а потом и другую ножищу на забор, сломав его, как если бы он был сложен из спичек. Секретарь заломил руки.

— О, я несчастный, что же мне делать? Дино погубит нас. Мы должны как-то от него избавиться!

— Не беспокойтесь, сэр. Я почию забор, — быстро сказал мистер Уоткинс.

Дино, несомненно, понял, что деревенский клуб — это его пристанище, так как направился напрямик к стеклянным дверям. Он очень удивился, когда осколки стекла посыпались на его голову.

Джед, испугавшись, закричал:

— Ой-ой-ой, он поранился! Дино, вылезай оттуда!

— С ним все в порядке, — успокоил мальчика мистер Холлоуэй. — У него кожа толще, чем у слона.

Дино выглядел очень смущенным, стряхивая с головы осколки, словно отряхивался от капель дождя. Он снова попытался забраться внутрь, но его шея застряла в дверном проеме. Он попятился и позволил Джеду отвести себя к боковой стене клуба.

Секретарь схватился за голову обеими руками и застонал:

— Вы только посмотрите на эти двери! Их ремонт влетит нам в копеечку!

Тем временем журналистка опрашивала жителей деревни, а фотокорреспондент фотографировал Дино со всех сторон.

Школьники окружили Дино, но мистер Холлоуэй попросил их отойти.

— Если вы не хотите его напугать, не толпитесь около динозавра.

Джеда сфотографировали у передних ног Дино. Там было нисколючки не страшно.

Когда у фотокорреспондента истощился запас пленки, журналистка схватила его за руку, и они побежали к дороге. При этом девушка возбужденно выкрикивала:

— Даю слово! Это сенсация! Как будет счастлив мой редактор! А вы приготовьтесь — скоро сюда нагрянут журналисты со всей округи. Но я-то была первой!

Она оказалась права. Не успел Дино улечься и успокоиться, как со стороны дороги раздался скрежет тормозов. Это, действительно, прибыли журналисты со всей округи.

— Смотрите, телевизионщики приехали! — закричали мальчишки и побежали навстречу двум телевизионным командам, которые быстро выгрузили оборудование и стали устанавливать его около Дино.

С этого момента началась ужасная суета.

Каждая телевизионная команда пыталась занять лучшее местечко для съемок, постоянно прибывали новые репортеры, а толпа зевак только усиливала неразбериху.

Динозавр был совершенно равнодушен ко всей этой суматохе. Растянувшись на земле, он жевал овощи, которые ему принесли из деревни.

Люди кричали, толкались и бегали по футбольному полю, хотя оно после вчерашнего дождя превратилось в настоящее болото. Один мужчина упал в бассейн. Никто не обращал внимания на секретаря, который, бедняга, бродил среди этой сутолоки в полном отчаянии.

— Мы никогда, никогда не уложимся в годовую смету с такими разрушениями! Мы погибнем, мы погибнем! — восклицал он, воздев руки к небу.

Как только стемнело, телевизионщики быстренько собрали оборудование. Фотокорреспонденты закрыли ка-

меры, журналисты спрятали блокноты, и вся эта орава укатила в Лондон.

Местные зеваки вспомнили об ужине и, бросая прощальные взгляды на Дино, отправились по домам.

Мальчишки отказывались уходить и стояли около динозавра вместе с мистером Холлоуэем и мистером Уоткинсом. Секретарь разглядывал повреждения. Он поймал за рукав последнего репортера.

— Как вы посмели явиться сюда без разрешения и... и... испортить наше поле! Только посмотрите! Кто заплатит нам за ремонт, я вас спрашиваю? Вы об этом подумали? — Секретарь весь дрожал от возмущения.

— Успокойтесь, — отвечал репортер. — Никто прежде не видел динозавра. Если вы сможете хорошо им распорядиться, он станет для вас золотой жилой. Но должен сказать, вам предстоит тяжелая работа. Всем захочется посмотреть на живого динозавра. Он же будет на первых страницах всех газет, во всех телевизионных передачах. Следом за нами прикатят кинокомпании. Это животное — редкая удача. Он станет сенсацией века!

— Вы думаете? — Секретарь почти ласково посмотрел на Дино. — Над этим стоит поразмыслить... Джед, добавь Дино овощей и предложи ему молока. — Он обернулся к другому мальчику. — А ты пойди к отцу и спроси, может ли он поделиться несколькими литрами молока. Скажи, что мы потом расплатимся.

Секретарь помолчал, походил, потом расставил руки в стороны и сказал:

— Думаю, нам надо обсудить строительство навеса для Дино с той стороны клуба, где нет окон.

— Мы можем себе это позволить? — спросил мистер Холлоуэй.

Секретарь не обратил внимания на то, что его перебили.

Наступило время всем детям расходиться по домам. Джед хотел остаться с Дино, но мистер Уоткинс сказал:

— В этом нет нужды. С ним все будет в порядке.

А мистер Холлоуэй добавил:

— Полагаю, что Дино наелся и хотел бы вздремнуть.

— Как вы думаете, — обеспокоено спросил секретарь, — он не заболел?

Итак, Джед ушел домой. Мама приготовила на ужин замечательное рагу, но мальчику не хотелось есть. Он не мог разговаривать ни о чем, кроме динозавра. В конце концов мама, не выдержав, сказала:

— Ну-ка, Джед, отправляйся спать, а то утром не поднимешься в школу. Завтра все будут неважно себя чувствовать после сегодняшней суматохи. Впрочем, можешь пойти еще раз посмотреть на Дино. Только не забудь надеть сапоги.

Джед вышел из дома. По небу неслись облака, сквозь них пробивался слабый свет луны. Во всех домах, стоявших вокруг футбольного поля, светились огоньки. Когда Джед по грязи добрался к Дино, он увидел, что гигант спит, обвив тело хвостом. Дино поднял голову, немного посопел и снова заснул. Он не возражал, когда Джед погладил его по голове.

Довольный и веселый, Джед быстро добрался до дома и улегся в кровать. Перед сном он думал о Дино и во сне тоже видел динозавра. Среди ночи Джед проснулся, выбрался из постели и подошел к окну. Он увидел огромное тело спящего Дино, омываемое лунным светом.

На рассвете Джед снова подошел к окну. И не поверил своим глазам. Дино исчез! Открыв окно, Джед высунулся наружу и оглядел все вокруг. Динозавра нигде не было.

— Он ушел! Он исчез! — закричал Джед и кинулся к спальне родителей.

— Кто ушел? — сонно спросил мистер Уоткинс.

— Дино нет на месте!

Мистер Уоткинс вышел из комнаты.

— Оденься, — скомандовал он. — Пойдем его поищем. Он не мог далеко уйти.

— Ах, я несчастная! — вздохнула миссис Уоткинс. — От вашего Дино неприятностей больше, чем от стаи обезьян.

Джед с отцом осмотрели все вокруг. Не найдя динозавра, Джед отправился будить мистера Холлоуэя и секретаря.

И вот все четверо шли по тихой, пустынной утренней улице.

— Он, должно быть, где-то поблизости, — сказал мистер Холлоуэй. — Не думаю, чтобы он ушел далеко. Он ведь так медленно передвигается. Давайте сядем в машину и объедем всю округу. Пойдем со мной, Джед.

Джед и мистер Холлоуэй сели в машину и поехали по мосту через речку. Они внимательно смотрели во все стороны, надеясь увидеть маленькую голову на длинной шее. Безрезультатно.

Наконец они вернулись в деревню.

— Скажите на милость, как нам быть? — печально восклицал секретарь. — Нам нельзя потерять Дино. Это же настоящее сокровище. А вдруг его украли?

— Не украли, — коротко ответил мистер Холлоуэй. — Кстати, еще вчера вы мечтали от него избавиться.

— Да-да, я помню. Но теперь все изменилось.

Внезапно мистер Холлоуэй щелкнул пальцами.

— Как я не подумал! Джед, а ты искал его в речке?

— Нет, я смотрел только на поля и лужайки.

— Ах, умоляю, вы же не хотите сказать, что Дино утонул! — закричал секретарь. — Сейчас же идем на речку!

Все четверо побежали к берегу.

Около деревни протекала небольшая речка. Она была всего лишь притоком большой реки, но в середине ее русло было очень глубоким. Поверхность воды, волнуемая легким ветерком, поблескивала в ярких лучах раннего утреннего солнца. Вдалеке у старой мельницы плавали утки и лебеди.

— Дино! Дино! Я его вижу! — закричал Джед, указывая на что-то неподвижное посередине речки.

Из воды торчали два уха, два глаза и ноздри. Глаза явно следили за Джедом. Дино поднялся на ноги и медленно пошел по мелководью. Лебеди и утки закачались на волнах. Джед и его спутники побежали навстречу динозавру.

— Надеюсь, с ним все в порядке? — взволнованно спросил секретарь.

— Разумеется, — ответил мистер Холлоуэй. — Вы же видели, что расположение его глаз, носа и ушей по-

зволяет ему целиком погрузиться в воду. Возможно, так динозавры прятались от своих врагов в доисторические времена.

Секретарь был слишком взволнован, чтобы интересоваться анатомией динозавров. Гораздо важнее для него было то, что Дино послушно пошел за Джедом к футбольному полю.

3. Дино отправился погулять

В хорошем настроении Дино улегся на свое место. Когда он опустил голову, Джед прошептал ему на ухо:

— Дино, здесь ты в полной безопасности. Мы будем о тебе заботиться. И не надо от нас прятаться. У тебя нет врагов.

— Да у него нет тех врагов, которые были в прошлой жизни, — сказал мистер Холлоуэй. — Но, если я не ошибаюсь, его ждут серьезные неприятности. Джед, ты что, не слышишь школьный звонок? Пора в школу. Эх, а мы ведь даже не позавтракали, — добавил он. — Ну, уж теперь придется подождать до большой перемены. С живым динозавром на руках на нормальную жизнь рассчитывать не приходится.

Джед нехотя поплелся за мистером Холлоуэем. Оглянувшись, он увидел, что к секретарю и мистеру Уоткинсу подошли два подозрительных человека. Они были высокими, стройными, в хороших городских костюмах.

Эти люди приехали из Министерства здравоохранения. Они хотели побольше разузнать про Дино.

— Карантин? — удивленно переспросил секретарь. — Поместить Дино в карантин? Это еще зачем?

— Таким образом мы оберегаем наше население. Все животные, прибывающие в эту страну, должны пройти шестимесячный карантин, — торжественно объявил один из чиновников. — У вашего динозавра может быть холера, чума или даже желтая лихорадка.

— Что за глупости! — возмутился секретарь. — Вы подумали о том, что он не «прибыл в эту страну», а про-

жил здесь несколько миллионов лет? Он появился в этой стране гораздо раньше, чем кто-либо из нас! — Секретарь рассмеялся своей удачной шутке. — И он абсолютно здоров. Только посмотрите на него.

В этом призыве не было необходимости, потому что чиновники и так не сводили с динозавра глаз.

— Вам КАЖЕТСЯ, что он в хорошем состоянии, но это ничего не значит. Его должен осмотреть наш ветеринар.

— Дино останется здесь, — решительно сказал секретарь. На его лице ясно читалось: «Только попробуйте забрать нашего динозавра!»

Чиновники немного растерялись, но один из них быстро нашелся.

— В таком случае предъявите мне вашу лицензию на владение динозавром.

Это заявление окончательно вывело секретаря из себя.

— И где же мне получить эту лицензию? Может быть, обратиться в парламент? — спросил он, саркастически усмехаясь.

— Хорошо. Посмотрим, что скажет министр здравоохранения, — сказали чиновники и добавили на прощанье: — Вы о нас еще услышите.

С этими словами они повернулись и ушли.

Секретарь с облегчением вздохнул.

— Они думают, что им удастся забрать у нас Дино! Как бы не так! Мистер Уоткинс, пойдёмте, составим смету расходов по ремонту.

Дино наблюдал за всем этим переполохом и спокойно пережевывал свой завтрак. Затем, поднявшись, он вытянул шею над крышей клуба в направлении школы. Наклонив голову, он внимательно оглядел окрестности и потопал через поле к дороге. В этот раз он наступил всеми четырьмя ногами на другую секцию забора.

Динозавр не торопился. Ему надо было обследовать много разных интересных вещей. За забором он увидел грядку с кабачками. Динозавр, конечно, не знал, что это кабачки. Он просто решил, что это нечто очень вкусненькое. Дино склонил шею и прошелся вдоль грядки, откусывая по кусочку от каждого кабачка.

Как раз в этот момент вернулись секретарь и мистер Уоткинс. С ними был и Джед, потому что в школе началась большая перемена.

Секретарь издал страшный вопль.

— Нет, вы посмотрите на него! Пошел прочь, мерзкая скотина! Он съел все кабачки, которые я выращивал для сельскохозяйственной выставки. Ни одного нетронутым не оставил! Ох, я больше этого не вынесу! Надо от него избавиться. Все! Я так решил!

Джед и мистер Уоткинс удрученно молчали. А Дино, напуганный секретарем, который махал на него шляпой, потрусил в деревню.

— Джед, останови его! Останови! Бог знает, какое еще безобразие он учинит, — закричал секретарь.

— Я попытаюсь, сэр, — ответил Джед, убегая за динозавром.

Но Дино явно был доволен жизнью. Он прошел всю деревню и добрался до перекрестка, где стояла гостиница. Там динозавр остановился и через крышу гостиницы стал разглядывать зеленые поля, холмы и серебряную ниточку реки вдалеке.

Тяжело дыша, раскрасневшийся, в шляпе, сбитой на затылок, подбежал секретарь. В руке у него был гаечный ключ, который он прихватил, пробегая мимо гаража.

— Не бейте его, пожалуйста, сэр! — взмолился Джед.

— Да не волнуйся ты! Этим гаечным ключом динозавра поранить невозможно. Но мы как-то должны заставить его вернуться назад, — сказал секретарь и легонько ударил Дино по хвосту.

В этом была его ошибка. Он не мог представить, что динозавры способны так быстро двигаться.

Дино повернулся, и его могучий хвост шлепнул по стене гостиницы. Раздался звук, подобный раскату грома. Это посыпались на землю кирпичи и дымовые трубы. Как будто тяжеленный грузовик въехал в стену гостиницы и обрушил ее. Хозяин гостиницы и его жена в ужасе выскочили на улицу.

Дино медленно отошел в сторону.

Когда осела пыль, стало видно, что дом поврежден очень серьезно.

— Тысячи... — бормотал секретарь.

— Сэр, какие тысячи? — спросил Джек, решив, что секретарь сошел с ума.

— Тысячи, и тысячи, и тысячи фунтов придется нам платить, пока это чудовище не прекратит свои безобразия, — вот что это значит! Министерство здравоохранения хотело забрать его — скатертью дорога. Мои нервы больше не выдерживают.

Подошел мистер Холлоуэй.

— Что тут происходит?

Со слезами на глазах Джек принялся объяснять:

— О, сэр, секретарь ударил Дино по хвосту, а тот повернулся. Его нельзя было так пугать!

— Так-так, очень интересно, — сказал мистер Холлоуэй. — Думаю, какие-то важные нервные центры у динозавров находятся в хвосте. Они контролируют движение их задних ног. Нам надо запомнить, что нельзя его пугать, прикасаясь к хвосту, если только нам не нужно заставить его двигаться.

— Нам все это неинтересно! — заявил секретарь.

— Почему же?

— Потому что ему у нас не место. Я собираюсь немедленно звонить в Министерство здравоохранения. Пусть приезжают и забирают его. Чем скорее, тем лучше. Я так решил.

В толпе, которая собралась к этому времени, раздался недовольный ропот. Хозяин гостиницы, обследовавший все повреждения, покачал головой. Даже он не был согласен с решением секретаря.

Что касается Джеда, то он не мог этого вынести. Ему не хотелось никого видеть. Опустив голову, он отошел в сторону, ковыряя носком ботинка землю около разрушенной стены. Неожиданно мальчик опустился в пыль и вытащил оттуда какой-то обломок.

— Мистер Холлоуэй, — воскликнул он, стоя на четвереньках, — подойдите сюда. Посмотрите, что я нашел.

Все столпились вокруг Джеда, даже Дино шагнул поближе, он шевелил ушами и вытянул шею, будто хотел посмотреть, что это там откопал Джек.

Мистер Холлоуэй вытащил носовой платок и тщательно вытер осколок.

— Думаю, ты сделал очень важное открытие. Джед, я уверен, что ты нашел кусочек мраморной плитки, пролежавшей здесь со времен римского правления. Несомненно, гостиница стоит на основании римской виллы.

Мистер Холлоуэй окликнул секретаря, который уже шел к телефонной будке.

— Советую вам вернуться и посмотреть, что мы тут обнаружили.

Секретарь недовольно оглянулся.

— Ну, что еще? Нашли несколько золотых соверенов? — спросил он грубо. — Починка всех разрушений, которые устроил этот динозавр, будет стоить дороже, чем все находки.

— Вы ошибаетесь, здесь кое-что поценнее, чем несколько соверенов. Гостиница стоит на фундаменте римского дома. Это означает, что здесь когда-то было римское поселение. Очень многие заинтересуются этим открытием. Мы должны быть благодарны Дино!

Джед шагнул в сторону.

— Гляньте, сэр, здесь еще один кусок, большой, — сказал он, указывая на плитку красного мрамора.

— На мой взгляд, простая черепица, — пробормотал секретарь.

— Нет-нет, — возразил учитель. — Это очень похоже на плитки пола римского форта, раскопанного недалеко от нас. Молодец, Дино!

— В таком случае, он может у нас остаться? — быстро спросил Джед.

— Ну, э-э-э... на время, пожалуй... — нехотя согласился секретарь. — Если это означает, что к нам в деревню приедет много народу, что будет способствовать развитию торговли, то пусть остается. А сейчас пускай его кто-нибудь уведет.

Мистер Холлоуэй улыбнулся Джеду.

Секретарь обратился к деревенскому шорнику, чей магазин стоял как раз напротив гостиницы:

— Просто ради интереса, какого размера наш динозавр?

— Но он же не лошады! — воскликнул спорник, но все-таки, начав с хвоста, он измерил длину динозавра. — По приблизительным подсчетам, его длина равна сорока футам, а какой он высоты — сами видите.

— И он еще вырастет! — тяжело вздохнул секретарь.

Дино тоже вздохнул, аккуратно, стараясь ничего не задеть хвостом, повернулся и пошел к футбольному полю.

И на время в деревне воцарилось спокойствие.

4. Дино поднимает тревогу

Прежде чем вернуться в школу, Джед проверил, достаточно ли у его подопечного еды. До конца дня должно было хватить. Дино мог есть и спать сколько душе угодно.

После школы Джед первым делом подумал о Дино. Вместе с несколькими мальчишками он побежал к футбольному полю.

Около Дино стоял незнакомец — большой, толстый мужчина с сигарой во рту. Когда ребята подошли, он спросил:

— Так-так, я вижу тут у вас удивительный домашний звереныш. Мне бы хотелось с кем-нибудь поговорить об этом животном. Кто тут главный?

Один из мальчиков пошел за секретарем.

— Добрый день, чем могу помочь? — вежливо осведомился секретарь.

— Я приехал по поручению Зоологического общества. Мой комитет хочет сделать вам некоторое предложение относительно вашего динозавра.

— Динозавр не продается, — ответил секретарь. — У нас нет намерения его продавать. Он — самая большая ценность, которой когда-либо обладала деревня.

Мужчина настаивал:

— Ну-ну, у нас гораздо лучшие условия для содержания динозавров. В конце концов, он же родственник крокодилам, а в нашем зоопарке уже есть несколько рептилий. Мы продумали, как его правильнее кормить, как

вентилировать его клетку, где ему, несомненно, будет лучше, чем на воле.

— Нет, нет, нет, нет, ему там не будет лучше, — закричал секретарь. — Для него нет большего удовольствия, чем прогуливаться туда-сюда. Нам невыносимо думать, что Дино будет жить в клетке.

А мальчики добавили:

— Дино нравится жить у нас в деревне. Ему скоро построят навес вдоль стены клуба.

— К нам будет приезжать много туристов, чтобы посмотреть на Дино и на остатки римской виллы возле гостиницы.

— Он для нас ценнее, чем золото.

Но мужчина не намерен был сдаваться.

— Мы предлагаем за него пять сотен фунтов.

— Спасибо, — ответил секретарь, — но мы бы не взяли и пяти тысяч. Торговаться с нами бессмысленно.

Мужчина предпринял последнюю попытку.

— Шесть тысяч фунтов, — объявил он торжественно.

Секунду секретарь колебался, но потом заорал:

— Нет, нет и нет! Он нам самим нужен.

Мужчина пожал плечами.

— Надеюсь, вы не пожалеете об этом. Вот вам моя карточка, на случай, если вы передумаете.

И он удалился.

Дино наклонил голову за очередным кочаном капусты, и Джед прошептал ему на ухо:

— Ты слышал? Все в порядке. Никто тебя не заберет. Секретарь сказал, что он изменил свое мнение о тебе. Ты остаешься у нас навсегда.

В середине ночи Дино встал. Небо было ясное. Светила полная луна. Возможно, динозавра одолела бессонница. А может быть, он вспомнил то давнее время, когда с приятелями-динозаврами разгуливал по окрестным лесам и болотам. Тогда они были самыми могущественными на планете.

Дино спустился к реке, перешел ее вброд и задумчиво остановился на другом берегу. Перед ним простиралось

огромное поле с грядками курчавой капусты. По мере того, как динозавр удовлетворял свой аппетит, за ним вырастали груды обгрызенных кочанов, а в грядках зияли ямы, проделанные его огромными ногами.

Дино насытился и медленно двинулся обратно к деревне. Он уже хорошо соображал, как протиснуться сквозь узкие улицы и как не задеть хвостом стену или угол дома. Степенно шествуя по главной улице, он внимательно разглядывал витрины магазинов и дома по обеим сторонам. Ночь была теплой, и большинство окон было открыто. Проходя мимо, Дино заглядывал в некоторые из них. У дома секретаря динозавр остановился. Кто знает, может быть, он узнал секретаря, мирно спавшего в своей кровати? Дино засунул голову в окно и засопел.

Это разбудило жену секретаря, которая спала рядом с окном. Увидев мерцание глаз динозавра и еще не до конца проснувшись, она дико завизжала.

— Пожар! Пожар! Пожар! — вопила она, стащив одеяло и рухнув на пол.

Секретарь вздрогнул и проснулся.

— Пожар? — закричал он. — Где?

Не дожидаясь ответа, он сбежал вниз и кинулся к телефону.

— Пожар в доме секретаря! — крикнул он и бросил трубку.

Кое-как одевшись, секретарь и его жена выскочили на улицу, где уже собрались окрестные жители, разбуженные жутким воем сирены, которая нарушила ночную тишину.

Джед выпрыгнул из кровати, как только услышал сирену. Он увидел, что Дино нет на поле, набросил на плечи пальто и выбежал из дома, не спрашивая разрешения. Он прибыл на место как раз в тот момент, когда пожарная команда разворачивала шланг. Джед увидел, что Дино невредим, и сразу успокоился.

Главный пожарный крикнул:

— Где горит?

Секретарь понял, в какое глупое положение попал.

— Так где же пожар? — крикнул он жене.

Она, опустив голову, стала что-то бормотать, а потом показала пальцем на Дино.

— Дино? — недоверчиво спросил секретарь. — А при чем тут Дино?

— Он сунул голову к нам в окно... и когда... я увидела его глаза... я подумала...

Секретарь не верил своим ушам.

— Ты хочешь сказать, что нас поднял среди ночи этот зверь? Ну, это уж слишком! Он отправится в зоопарк. Утром я все устрою. Это мое окончательное решение!

— Ну вот, все сначала... — запротестовал мистер Холлоуэй, высунувшийся из окна своей спальни. — Сначала Дино отдаем. Потом оставляем. Потом снова отдаем, потом снова оставляем. Туда-сюда.

Секретарь заломил руки.

— Ну, скажите же, что нам с ним делать? Мне надоело слушать о том, что он сокровище. Разве он этого стоит? У нас всех будет нервный срыв, если нам не дадут спать по ночам.

Приехал полицейский на мотоцикле.

— И так достаточно фальшивых вызовов по поводу пожаров, не хватало еще, чтобы и животные стали хулиганить, — сказал он сердито.

Джед робко глянул на него.

— Я уверен, что Дино что-то унюхал. Да-да, вот теперь и я чую запах дыма.

Все вокруг подняли головы и стали принюхиваться. Неожиданно в конце улицы показалась бегущая фигура. Это был мистер Уоткинс. С трудом переводя дыхание, он сказал:

— В клубе пожар. Услышав сирену, я понял, что пожарная команда где-то здесь.

Пожарные заняли свои места, но, к несчастью, не могли объехать динозавра, который стоял точно посередине улицы. Пришлось пробираться по узким боковым улочкам. За пожарной машиной кинулись взволнованные жители под водительством секретаря и мистера Холлоуэя.

Джед, конечно, остался с Дино, который нехотя все-таки пошел к футбольному полю. По дороге динозавр поел яблок с высокого дерева и погрыз верхушки зеленых ку-

стов. Когда они в конце концов добрались до поля, пожар был уже потушен.

— Что случилось? — спросил Джед.

— Похоже, что загорелась бумага в корзинке для мусора, — объяснил мистер Уоткинс. — Огонь загорелся не сразу, час или два в клубе был только дым. Если бы Дино не почувствовал этого, клуб мог бы выгореть полностью. А я не проснулся бы, если бы не услышал пожарной sireны.

— Дино — бесценное сокровище, — одобрительно заметил секретарь.

— Надеюсь, что теперь-то он останется у нас? — спросил мистер Холлоуэй.

— Конечно, конечно, — ответил секретарь и взглянул на Дино. — Посмотрите, у него с боков свисают водяные лилии. Значит, он снова купался. Как вам кажется, может быть, вырыть для него бассейн?

— Это будет дорого стоить, но если налогоплательщики готовы на такие траты, я не вижу причин, почему бы этого не сделать, — согласился мистер Холлоуэй.

Джед теперь был спокоен. Никто не собирается избавляться от Дино. Главное, чтобы секретарь опять не передумал.

5. Дино находит подземную речку

Пока жители деревни привыкали к тому, что у них живет динозавр, секретарь составлял смету расходов на ремонт клуба и на строительство бассейна. Теперь его затраты не волновали.

— Увидите, — говорил он, улыбаясь, — благодаря Дино скоро наша деревня появится на всех географических картах. О нас узнает весь мир.

Действительно, и Дино, и старая гостиница пользовались большой популярностью в округе. Археологи осторожно откопали мраморные плитки и увезли их на исследование в музей ближайшего города.

Все были счастливы. Дино тоже был счастлив. Он постоянно что-то жевал, днем дремал, а изредка степенно отправлялся на прогулку.

Джед почти перестал бояться, что Дино исчезнет из деревни. Но однажды, когда он кормил динозавра, к ним подошел худой элегантный незнакомец с хитрым лицом.

Джед почувствовал опасность и на всякий случай попытался загородить собой Дино.

— Кто хозяин этого зверя? — спросил мужчина.

— Как это — кто? Мы, конечно, — ответил Джед.

— Кто это — мы?

— Все мы — секретарь деревенского правления и жители деревни... и... я, сэр.

— Так... Не будете ли вы любезны передать секретарю деревенского правления, что я хочу с ним поговорить?

Опечаленный Джед, нахмурившись, побежал в деревню и скоро вернулся вместе с секретарем.

— Что все это значит? — спросил секретарь. — Вы хотите знать, кто хозяин Дино? Разве Джед уже не сказал вам? Мы его хозяева и, что самое важное, не собираемся его никому отдавать.

— Может быть, вы сначала выслушаете, что я хочу вам сказать? — ответил мужчина. — Я — режиссер одной кинокомпании, мы хотели бы купить у вас этого динозавра. Никогда, даже в самых безумных мечтах, мы не могли вообразить, что представится возможность обладать живым динозавром.

— Что верно, то верно, — невозмутимо заметил секретарь. — У вас и сейчас нет такой возможности. Динозавр не продается.

— Мы за него хорошо заплатим, — сказал режиссер.

— Не интересно. Нам уже предлагали за него шесть тысяч фунтов.

— А я предложу десять тысяч, — спокойно сказал режиссер.

Секретарь посмотрел на убитое лицо Джеда и, будучи в сущности человеком добрым и благородным, сказал:

— Все равно не интересно. Динозавр не является только моей собственностью. Я не могу распоряжаться его судьбой. Он принадлежит всей деревне, но особенно вот ему, Джеду.

Джед даже покраснел и, чтобы скрыть смущение, наклонился дать Дино еще один кочан капусты.

Режиссер понял, что потерпел поражение.

— Хорошо, если вы не хотите его продать, то мы могли бы взять его в аренду на одну — две недели. И мальчик тоже мог бы поехать вместе с ним. Мы дали бы ему роль в массовке.

Секретарь задумался.

— Посмотрим, — ответил он наконец. — Я должен посоветоваться, да и Джеду нужно спросить разрешения у родителей. Но в любом случае, должно пройти какое-то время, пока Дино акклиматизируется.

— Я наведаюсь к вам через несколько дней, — пообещал режиссер и ушел.

Секретарь задумчиво сказал:

— А в самом деле, кому принадлежит Дино?

Еще утром Джед был уверен, что теперь-то динозавр навсегда останется в деревне, но теперь в его сердце снова закрался страх.

Два дня Дино вел себя очень хорошо. Он прогуливался по футбольному полю, наблюдал за играми детей. Иногда динозавр подходил к воротам и, казалось, ждал прихода Джеда. «Скоро он будет точно знать, когда я появлюсь, — думал счастливый Джед. — Дино лучше всякой собаки!»

Но вот Дино решил обследовать новые места. Для этого он выбрал время обеденного перерыва. На улицах было много людей, они улыбались, когда Дино важно шел мимо них. Он вел себя очень аккуратно, хвостом не размахивал, только съел по дороге несколько яблок с высокой яблони да кочан цветной капусты, лежавший на лотке овощного магазина.

Динозавр дошел до окраины деревни, где как раз началось строительство двенадцати новых домов. Строители отдыхали после обеда под деревьями. Они читали газеты и не заметили Дино.

А Дино шагал по фундаментам новых домов, как вдруг сначала одна его нога, а потом и все остальные стали уходить в землю. Это заметил один из рабочих.

— Эй, смотрите! — закричал он. — Дино снова проваливается!

Когда строители подбежали к динозавру, на поверхности оставалась только голова, качающаяся на длинной шее.

— Срочно подгоняйте подъемные краны! — распорядился мастер. — Вытягивание динозавров из ям стало нашим народным обычаем. Нет, вы только посмотрите на этого тупицу!

Секретарь прибежал к тому моменту, когда Дино уже стоял на твердой земле. От ярости он потерял дар речи. Но к приходу Джеда и мистера Холлоуэя секретарь голос уже обрел.

— Вы видите, что он снова натворил? — прохрипел секретарь.

На это ему ответил мистер Холлоуэй:

— Я давно вас предупреждал, что в этом месте протекает подземная речка. Еще в детстве я любил поваляться здесь на травке и, приложив ухо к земле, слушать, как журчит бегущая водичка. Но нет, к моему великому сожалению, вы меня не слушали.

Секретарь будто не слышал того, что сказал учитель.

— Снова траты. Просто не знаю, что же нам делать...

— Хорошо бы куда-нибудь отправить этого Дино, — предложил мастер.

— Кто сказал «отправить»? — возмутился секретарь.

— А я был уверен, что вы предложите то же самое, — усмехнулся мистер Холлоуэй.

— Если кто-нибудь попытается забрать Дино из нашей деревни, он будет иметь дело со мной, — важно объявил секретарь и тихо добавил: — Хотя не знаю, стоит ли он моей заботы.

Появился архитектор и, осмотрев разрушения, произведенные динозавром, сказал:

— Так, так, так. Дино опять сделал доброе дело. Здесь, оказывается, протекает подземная речка. Если бы динозавр не провалился туда сегодня, то потом туда ухнули бы все двенадцать новых домов.

— Я же говорил! — воскликнул мистер Холлоуэй.

Секретарь возмутился.

— Но ведь вы должны были проверить землю перед строительством!

— Ну, конечно, мы проверяли, но только не так глубоко. Как хорошо, что Дино провалился до самой речки! Это замечательное животное!

Никто не заметил, как динозавр ушел. Джед нагнал его у старой каменоломни. Дино сидел и упорно смотрел в яму, из которой он сам появился на свет.

— Пойдем, Дино. Нечего тут сидеть, — ласково сказал Джед.

Дино нехотя пошел за мальчиком, все время оборачиваясь на каменоломню.

— Не волнуйся, Дино. Секретарь **ТОЧНО ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ТЫ ОСТАЛСЯ С НАМИ.** И я надеюсь, нет, я уверен, что ты **НИКОГДА-НИКОГДА** не уйдешь из нашей деревни.

6. Дино на рельсах

С тех пор как Джед убедился, что Дино остается в деревне, он стал спокойно спать по ночам. Однажды утром Джед обнаружил, что Дино снова исчез. Обежав все окрестности, не забыв заглянуть на речку и не найдя динозавра, Джед побежал к дому секретаря. На стук в дверь секретарь высунул голову из окна спальни.

— Исчез? Опять? — Он вздохнул. — Ну что за зверь! И зачем только я согласился оставить его у нас? Никакого покоя! Ну что же, Джед, подожди, я сейчас спущусь.

Когда секретарь вышел на улицу, мимо проходил почтальон.

— Доброе утро, — произнес он с улыбкой и протянул секретарю пачку писем.

— Минуточку, — сказал секретарь, — вот это большое письмо кажется мне достойным внимания.

Вскрыв конверт, он прочитал письмо и воскликнул:

— Это из Министерства здравоохранения. После консультаций с правительством они решили, что Дино принадлежит нам. Он ТОЛЬКО наш! Пойдем, позовем мистера Холлоуэя и отправимся искать пропавшего зверя.

— Джед, а везде ли ты посмотрел? — спросил мистер Холлоуэй. — И в реке? А в старой каменоломне? Последнее время он частенько там посиживает. — Учитель минутку подумал и потом закричал: — Все не так! Почему я не подумал об этом раньше? Помните, вчера через деревню проезжал цирк? Держу пари, что это они утащили Дино. Садимся в машину и едем за ними.

Повезло, что все это случилось в субботу, так что ни ученику, ни учителю не нужно было идти в школу. Они забрались в машину и поехали к ближайшему городку. Казалось, что прошел целый год, прежде чем путешественники добрались до окраины. Джед сидел сзади, но он первый закричал:

— Вон он! Вон он! Я его вижу!

Можно было и не кричать, потому что и секретарь, и мистер Холлоуэй хорошо видели знакомую голову на длинной шее над крышами домов.

Когда они въехали на площадку, где расположился цирк, их встретило рычание львов, болтовня обезьян и самые разнообразные звуки, издаваемые другими животными.

Дино окружала толпа зевак. Увидев Джеда, он опустил голову ему навстречу, и мальчик нежно погладил динозавра по уху. Сердце Джеда готово было выпрыгнуть из груди, так он любил Дино.

Секретарь послал кого-то за хозяином цирка. Тот, пробравшись через толпу, тут же кинулся извиняться.

— Я очень, очень сожалею о случившемся. Вчера, когда мы проезжали через вашу деревню, двое моих работников заметили динозавра и, не сказав ни слова, ночью вернулись и привели его сюда. Они потратили на это целую ночь! Уж больно медленно ваш зверь ходит. Мои

люди не знали, что он принадлежит вам. Они решили сделать сенсационный номер.

Секретарь показал хозяину цирка письмо из Министерства здравоохранения и на предложение продать зверя громко ответил:

— И не мечтайте! Дино нужен нам самим!

Джед прикоснулся к шее динозавра.

— Слышал?

И они двинулись в обратный путь. Джед, как всегда, шел перед Дино, а мистер Холлоуэй и секретарь медленно ехали за ними в машине. За машиной бежали дети, а следом выстроилась длинная вереница автомобилей.

Мистер Холлоуэй высунул голову из окошка и крикнул:

— Джед, на перекрестке поверните налево. Поедем по старой дороге.

Скоро город остался позади.

На старой дороге машин было мало. Благодаря этому Дино мог останавливаться, когда ему заблагорассудится.

В одном месте пришлось долго ждать, пока он не ошипал все листочки с молодого деревца. И когда путешественники решили, что Дино готов продолжать путь домой, динозавр неожиданно бросился в сторону через заросли кустов прямо к железной дороге. Как обычно, позади него разлетались поломанные заборы.

— Ох-хо-хо! — стонал секретарь. — Теперь еще и железной дороге платить за заборы. Где взять денег? Надо Дино...

— Стоп! — крикнул мистер Холлоуэй. — Вы меня утомили. Только послушайте, что вы говорите! Дино надо отдать! Дино должен остаться! Мы не в состоянии его содержать! Никто не посмеет забрать его у нас! Вы наконец должны понять — Дино наш, и неважно, сколько это будет нам стоить.

Секретарь открыл рот.

— И не возражайте! — приказал мистер Холлоуэй и посмотрел на часы. — Дино стоит на железнодорожных путях. Сейчас половина двенадцатого. Вот-вот появится экспресс. Джед, беги, ищи стрелочника и все ему объясни.

Джед догнал динозавра, который медленно топал по путям и не обращал внимания на увещевания мальчика сойти с рельсов. Джед побежал до будки стрелочника и, быстро все объяснив, указал на динозавра. Стрелочник был очень удивлен.

— Динозавр на путях? Да чтоб мне провалиться на этом месте! Бывали на путях коровы, но чтобы динозавр зашел — такого не припомню. — С этими словами стрелочник стал нажимать на нужные кнопки и рычаги, пытаясь предупредить машиниста об опасности. — Господи! Может произойти ужасная авария. Правда, не знаю, кто в ней больше пострадает — поезд или динозавр.

Появился экспресс, который, скрежеща тормозами, начал медленно останавливаться. Машинист выпрыгнул из кабины и пошел по путям. Он наклонился, посмотрел на что-то и подошел к будке стрелочника.

Не спуская глаз с динозавра, он закричал:

— Какого черта вы не остановили поезд раньше? Ведь там поперек рельсов лежит телефонный кабель.

— Какой такой кабель? — удивился стрелочник.

— А разве вы о нем не знали? Я остановил поезд, чуть не наехав на него. Подозреваю, что это проделки дрянных мальчишек. А полиции у нас всегда некогда.

— Нет, я остановил поезд, потому что на путях был динозавр, — пытался оправдаться стрелочник.

Тут подбежали мистер Холлоуэй и секретарь.

— Наш Дино снова совершил геройский поступок! — закричал Джед. — Он предотвратил крушение экспресса!

Из всех окон вагонов высунулись пассажиры. Они уже читали о Дино в газетах, видели его по телевизору, но увидеть его живьем — этого пропустить было нельзя. Дино двинулся вперед. Казалось, он хочет подтолкнуть поезд вдоль путей. Но, как только Джед подбежал к нему, Дино вернулся и, как обычно, пошел за мальчиком.

Поезд тронулся. Пассажиры смеялись, что-то громко кричали и махали руками Джеду и Дино.

— Не беспокойтесь о сломанном заборе! — выкрикнул стрелочник. — Мы его сами починим.

— Умница, Дино, — веселился секретарь.

— Мы ни за что с ним не расстанемся, — подхватил мистер Холлоуэй, искоса поглядывая на Джеда.

— Нет-нет, конечно, не расстанемся, — согласился секретарь. — Я заметил, что вчера он с удовольствием уплетал хлеб. Не заказать ли для него по дюжине батонов в день? Надо его немного побаловать.

— А кто будет платить булочнику? — хитро улыбаясь, спросил мистер Холлоуэй.

— Что за нелепый вопрос, — пожал плечами секретарь.

Когда путешественники почти добрались до деревни, Дино вдруг решительно повернул к дороге, которая вела на старую каменоломню. Дойдя до каменоломни, динозавр остановился. Он долго-долго стоял на краю ямы и что-то там рассматривал.

На машине подъехали секретарь и мистер Холлоуэй.

Подшли рабочие со стройки.

Джед пытался уговорить Дино отправиться домой.

Внезапно в каменоломне раздался странный шум.

Рядом с провалом, из которого вытаскивали Дино, обвалилась вторая яма. Несколько минут никто не мог вымолвить ни слова.

Потом кто-то прошептал:

— Кажется, я что-то вижу... А вы видите это самое, что, как мне кажется, вижу я?

Мистер Холлоуэй опустился на колени у края новой ямы.

— Должен вам объявить, что там внизу — еще один динозавр, — торжественно произнес он.

Секретарь остолбенел.

— ЕЩЕ? ЕЩЕ ОДИН ДИНОЗАВР? — вдруг завопил он. — Я только что смирился с тем, что у нас живет один

динозавр, но ДВА... — Он в отчаянии заломил руки. — Что, и второй такой же огромный? Я вас спрашиваю!

— Но ведь интерес к нашей деревне увеличится в два раза, — улыбнулся мистер Холлоуэй.

— И траты тоже увеличатся вдвое, — простонал секретарь. — Я этого не выдержу. Мы должны изба...

— Нет, нет, нет, — перебил его мистер Холлоуэй. — Дино наш, и я не представляю, как это можно избавиться от его братишки, даже если у кого-то не выдерживают нервы.

— Пойдите, пригоните подъемные краны, — распорядился мастер. — Мы уже привыкли поднимать динозавров из ям.

Новый динозавр оказался немного меньше Дино. Джед подумал, что, возможно, Дино вырос оттого, что его хорошо кормили и он пил много молока.

Джед помог собрать щепки для костра. Когда новый динозавр согрелся, он, как и Дино, поднялся на ноги. Опять прибежали жители деревни. От их веселых шуток и смеха стоял такой шум, что новый динозавр склонил голову на длинной шее, будто хотел рассмотреть своих новых друзей.

— Ну, Джед, а как мы этого назовем? — спросил мистер Холлоуэй.

— Завр, сэр, — сразу же ответил мальчик.

— Завр?

— Да. Дино... и... Завр.

— Что вы думаете об этом имени, мистер секретарь? — спросил мистер Холлоуэй.

Но несчастный секретарь деревенского правления был слишком удручен, чтобы понимать, о чем его спрашивают.

— Два... — продолжал он повторять шепотом. — Я почти смирился с одним, но ДВА динозавра... Наша деревня никогда больше не будет такой, как прежде...

ИСТОЧНИКИ

Харви Джекобс. Яйцо глака

© **The Egg of the Glak by Harvey Jacobs**, 1968

The Magazine of Fantasy and Science Fiction, 1968,
vol. 34, no. 3, March, pp. 4-37.

Иллюстратор G. Wilson

Перевод И. Можейко

Клиффорд Саймак. Денежное дерево

© **The Money Tree by Clifford D. Simak**, 1958

Venture Science Fiction Magazine, 1958, vol. 2, no. 4,
July, pp. 80-115.

Иллюстратор J. Giunta

Перевод И. Можейко

Ивлин Е. Смит. Вилбар-вечеринка

© **The Vilbar Party by Evelyn E. Smith**, 1955

Galaxy Science Fiction, 1955, vol. 9, no. 4, January,
pp. 38-47.

Иллюстратор S. Kossin

Перевод К. Сошинской

Джон Тоулэнд. Человек, который ходит по воде

© **Water Cure by John Toland**, 1954

Fantastic, 1954, vol. 3, no. 6, December, pp. 6-55.

Иллюстратор не указан

Перевод К. Сошинской

Дэймон Найт. Великий навозный бум

© **The Big Pat Boom by Damon Knight**, 1963

Galaxy, 1963, vol. 22, no. 2, December, pp. 82-89.

Иллюстратор H. R. Van Dongen

Перевод К. Сошинской

Рон Гуларт. Пожалуйста, будь наготове!

© **Please Stand By** by Ron Goulart, 1962

The Magazine of Fantasy and Science Fiction, 1962,
vol. 22, no. 1, January, pp. 55-72.

Перевод К. Сошинской

Джон Колльер. Поклонник

© **The Chaser** by John Collier, 1940

The New Yorker, 1940, December 28

Перевод И. Можейко

Роберт Силверберг. Существенная ошибка

© **The Reality Trip** by Robert Silverberg, 1970

If, 1970, vol. 20, no. 5, May-June, pp. 4-26.

Иллюстратор не указан

Перевод К. Сошинской

Роберт Силверберг. Как есть

© **As Is** by Robert Silverberg, 1968

Worlds of Fantasy, 1968, vol. 1, no. 1, pp. 47-61.

Иллюстратор J. Gaughan

Перевод К. Сошинской

Энтони Бучер. Клоподав

© **Snulbug** by Anthony Boucher, 1941

Unknown Worlds, 1941, vol. 5, no. 4, December, pp. 78-84.

Иллюстратор E. Cartier

Перевод И. Можейко

Айзек Азимов. Истинная любовь

© **True Love** by Isaac Asimov, 1977

Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1978, vol. 2,
no. 1, January-February, pp. 46-49.

Перевод К. Сошинской

Роберт Ф. Янг. Св. Георг и драконотив

© **St. George and the Dragonmotive** by Robert F. Young,
1965

If, 1965, vol. 15, no. 12, issue 97, December, pp. 72-97.

Иллюстратор G. Morrow

Перевод К. Сошинской

Филлис Эркл. Наш деревенский динозавр
© **The Village Dinosaur** by Phyllis Arkle, 1968
London, Hodder & Stoughton General Division, 1968.
Перевод К. Сопинской

СОДЕРЖАНИЕ

Харви Джекобс	
Яйцо глака	5
Клиффорд Саймак	
Денежное дерево.....	56
Ивлин Е. Смит	
Вилбар-вечеринка.....	93
Джон Тоулэнд	
Человек, который ходит по воде.....	105
Дэймон Найт	
Великий навозный бум	157
Рон Гуларт	
Пожалуйста, будь наготове!.....	166
Джон Колльер	
Поклонник.....	189
Роберт Силверберг	
Существенная ошибка.....	193
Роберт Силверберг	
Как есть	221
Энтони Бучер	
Клоподав	240
Айзек Азимов	
Истинная любовь.....	260
Роберт Ф. Янг	
Св. Георг и драконотив.....	266
Филлис Эркл	
Наш деревенский динозавр.....	295
Источники	324

Библиотека юмористической фантастики

ЯЙЦО ГЛАКА

Сборник юмористической фантастики

Перевод с английского

Издание подготовлено при участии
Любительской ассоциации
библиографов и исследователей
творчества Кира Булычева
«ЛАБИринТ КБ»
(Россия)
и Союза обществ дружбы (Лигон)

Составитель *Кир Булычев*
Редактор *М. Ю. Манаков*
Компьютерный набор и верстка: *Н. Б. Гаврилов*
Корректор *К. В. Ратников*

Подписано в печать 20.02.2020.
Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Школьная». Бумага ВХИ.
Уч.-изд. л. 12,97. Усл. печ. л. 17,22.
Тираж 20 экз. Заказ № 2020-2.

Лигонское государственное книжное издательство «Кангем».
Отдел литературы на иностранных языках.
Республика Лигон, г. Лигон, Университетская, 93.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии г-на Матура.
Республика Лигон, г. Лигон, Серебряная долина, 18.

